

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ НА
ПОРОГЕ XXI В.: ВЛАСТЬ И НАСИЛИЕ**

Реферативный сборник

Москва 2004

ББК
60.033
М 11

66.4(0);

Серия

«Проблемы общественного развития стран Азии и Африки»

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел Азии и Африки

Редактор-составитель и ответственный редактор
сборника — канд. ист. наук *А.И. Фурсов*

М 11 Мусульманские страны на пороге XXI в.: Власть и насилие: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отдел Азии и Африки. — М., 2004. — (Пробл. обществ. развития стран Азии и Африки). — 148 с.
ISBN5-248-00199-4

Сборник посвящен проблемам власти и насилия в мусульманском мире (прежде всего на Ближнем Востоке). Значительное внимание уделено экстремистским исламистским организациям, действующим как в арабском мире, так и в Западной Европе. Часть сборника посвящена ситуации, сложившейся в мусульманском мире после 11 сентября 2001 г., и тенденциям ее развития.

This collection is devoted to the problems of power and violence in the Muslim world (largely in the Middle East). Special attention is paid onto activities of islamist extremist organizations in Arab world and their penetration into the Western Europe. Part of collection deals with the situation after September, 11, 2001 and tendencies of its development.

ББК 66.4(0); 60.033

ISBN 5-248-00199-4

© ИНИОН РАН, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
--------------------------	----------

До 11 сентября 2001 г.

Дель Валь А. Исламизм и Соединенные Штаты: Союз против Европы	7
Лабевьер Р. Доллары террора: Соединенные Штаты и исламисты	34
Бризар Ж.-Ш., Даскье Г. Бин Ладин: Запрещенная правда.....	63
Талибы, наркоторговля и борьба за власть в Афганистане в 1989–2002 гг.....	72

После 11 сентября 2001 г.

Ближний Восток: Война или мир. (Сводный реферат)	81
Кренишоу М. Почему Америка? Глобализация гражданской войны	95
Ахмед С. США и терроризм в Юго-Западной Азии.....	100
Лево Р. 11 сентября: Арабский мир на перепутье	105
Скотт Доран М. Чья-то еще гражданская война	108
Телхами Ш. Это не вопрос веры: Борьба за душу Ближнего Востока	115
Антитеррористическая война	118
Геополитические последствия антитеррористической операции в Афганистане	121
Рашид А. Афганистан: Конец политики трясины	128
Клейр М. Продвижение постиндустриальных методов ведения войны на глобальное поле сражения	131

<i>Брукс Р.А.</i> Либерализация и воинственность в арабском мире	135
<i>Фуллер Г.Э.</i> Будущее политического ислама	138
<i>Али Т.</i> Реколонизация Ирака	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий реферативный сборник посвящен проблематике власти и насилия в мусульманском мире. Он находится на стыке трех важных направлений работы Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН. Первое — анализ научной литературы, посвященной историческому развитию афро-азиатского мира в XX в. вообще и на рубеже XX–XXI вв. в частности (выпущенные в последние годы сборники по Японии, Юго-Восточной Азии, арабо-мусульманскому миру, Африке). Второе — научно-информационное исследование власти и насилия в афро-азиатском мире в XX в. (РС «Афро-азиатский мир в XX в.: Власть и насилие». — Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2000. — 136 с.; Вып. 2. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — 192 с.). Третье — научно-информационный анализ того, что происходит в конце XX в. в мусульманском мире (РС «Арабо-мусульманский мир на пороге XXI в.» — М.: ИНИОН РАН, 1998. — 195 с.).

Значение арабо-мусульманского историко-культурного региона постоянно возрастало во второй половине XX в.: нефть, арабо-израильский конфликт, с 70-х годов — исламский фундаментализм, террор исламистов. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке изменили ситуацию как в мире в целом, так и в арабо-мусульманском мире, обострив и еще более запутав в нем клубок властных отношений в «пятиугольнике»: «Запад как центр мировой власти — его спецслужбы как активные проводники этой власти — девания как арабское квазимировое “правительство” — государственная власть в арабо-мусульманском мире — экстремистские (террористические) организации исламистов».

С учетом сказанного выше мы и определили содержание и композицию сборника. Будучи посвящен проблеме власти и насилия в мусульманском мире, сборник делится на две части. В первой представлена научная литература, отражающая развитие ситуации в мусульманском ми-

ре (главным образом, на Ближнем Востоке, в арабских странах) и проникновение исламистских экстремистских организаций в Западную Европу и другие части мира, политические и оперативные «игры» различных спецслужб (главным образом, американских) по этому поводу в конце XX в. Вторая часть посвящена ситуации, возникшей в мусульманском мире после 11 сентября, анализу перспектив и возможных вариантов развития событий.

А.И. Фурсов

До 11 сентября 2001 г.

**ДЕЛЬ ВАЛЬ А.
ИСЛАМИЗМ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ:
СОЮЗ ПРОТИВ ЕВРОПЫ
DEL VALLE A.
Islamisme et États-Unis: Une alliance contre l'Europe. —
Lausanne: L'Age d'Homme, 1999. — 360 p.**

Книга французского исследователя А. дель Валя посвящена совместному наступлению на интересы Европы двух весьма разных сил — мирового исламизма и США.

В настоящее время мусульманские пропагандисты и западные исламоведы противопоставляют исламизм исламу. Первый они представляют как движение фанатиков, составляющих в исламе ничтожное меньшинство, — нетерпимых «ложных мусульман», политизирующих религию. Второй же, по их словам, — «умеренный», или «подлинный», ислам. Такое противопоставление, считает дель Валь, не выдерживает критики. По его мнению, исламизм на самом деле и есть чистый, классический ислам, поскольку эта религия — в принципе религия власти, которая повсеместно утверждается путем насилия.

Рассматривать религию Мухаммада как простую набожность, замыкающуюся в сфере частной жизни и семьи, — значит проявлять интеллектуальную близорукость и острый западоцентризм. Исламисты — во все не «еретики» или экстремисты, искажающие послание Корана. Жизнь их Пророка служит для них ярким образцом истинно исламского поведения. В частности, Мухаммад подал своим приверженцам пример игры на противоречиях своих врагов. Сначала Пророк заключил союз со всеми религиозными общинами Ясриба (ставшего Мединой) — евреями, христианами, политеистами — против общего врага, т.е. Мекки. Представителям всех общин были даны равные права. Однако после того, как

Мекка была завоевана, Пророк перестал считаться с бывшими союзниками и объявил им войну. Так и в наше время исламисты (иранский аятолла Хомейни, тунисский шейх Ганнуши и др.) сначала пользовались гостеприимством Европы и ее свободой слова, в которой им отказывали их собственные страны, а затем резко выступили против «безбожного» колонизатора-Запада. Коран вообще учит мусульманина никогда не чувствовать себя быть чем-либо обязанным неверному.

Первые четыре века ислама были периодом интенсивной интеллектуальной жизни его адептов, периодом, когда были «открыты ворота *иджтихада*» — права компетентного *факиха* (знатока права) выносить собственное решение по вопросам общественной жизни. Однако, к несчастью для мусульманского мира, с V в. хиджры «ворота иджтихада» были закрыты: в своих решениях богословы были обязаны руководствоваться решениями по тем или иным вопросам одной из сложившихся к тому времени четырех суннитских правовых школ. С того времени широкомасштабные нововведения в суннитском исламе прекратились.

Попытку реформировать ислам предприняли в конце XIX в. представители салафитского течения Дж. аль-Афгани и М. Абдо. Последний именно в «закрытии ворот иджтихада» видел причину упадка мусульманской цивилизации. Салафиты стремились приспособить ислам к идеям материализма и лаицизма. Мусульманский мир, считает дель Валь, стоял на грани философского и интеллектуального сдвига, сравнимого с тем, который позволил Европе стать наиболее технологически развитой цивилизацией в мире. Обретение мусульманским миром психологических и интеллектуальных средств, с помощью которых он мог бы устранить отставание от Запада, не входило в планы доминировавших тогда держав. Речь идет о Великобритании, которая (в отличие от Франции) не передавала свои научные знания колониальным народам, и ее наследнице США. Обе торговые державы-талассократии имели целью экономическое завоевание мира, а их важным орудием был коммунизм. Поэтому с конца XIX в. они стали поощрять самые обскурантистские и антисветские исламистские движения, чтобы нанести поражение салафитам (с. 44).

Мусульманам-реформаторам существенно помешали два обстоятельства. Во-первых, для мусульманской традиции характерен консерватизм. Их противники панисламисты умело использовали ту же риторику, к которой прибегали реформаторы. Во-вторых, фундаменталисты не упускали случая обвинить салафитов в непоследовательности: те стремились бороться с господством Запада путем придания обществу

более светского характера (*en se laïcisant*), что оборачивалось оксидентализацией ислама. В результате реформаторские движения были дискредитированы в моральном, религиозном и политическом отношениях.

Дель Валь подчеркивает коренное отличие ислама от христианства в вопросе о власти. В христианстве существует четкая грань между землей и небесами. Иисус сказал: «Кесарю — кесарево, Богу — Богово», и в этой идее — исток развитой протестантами светской мысли, породившей политическую философию либерализма и понятие прав человека. Иными словами, идеология лаицизма была изначально заложена в христианской религии. Прямо противоположна ситуация в исламе: повиновение политической власти священно, поскольку оно равносильно повиновению Аллаху. Поэтому политика в исламе причастна трансцендентному. Пользуясь выражением Р. Хартманна, можно сказать, что ислам — «политическая религия».

«В свете этих наблюдений можно довольно легко констатировать, до какой степени несостоятельно так широко распространенное утверждение, согласно которому исламизм есть “плохой” ислам, поскольку он имеет по существу политический характер. Становится понятным, что обосновавшиеся в Европе мусульманские прозелиты, стремящиеся избежать гнева республиканских законов, прибегают к “святой лжи”, заявляя, что традиционный ислам — “светский и умеренный... Однако когда эти противоречащие истине утверждения звучат из уст интеллектуалов и западных университетских преподавателей-исламоведов (за исключением Максима Родэнсона во Франции и Бернарда Льюиса в Соединенных Штатах), в лучшем случае это выглядит как близорукость, а в худшем — с геостратегической точки зрения — как подрывная деятельность, выгодная исламским державам и движениям, планирующим исламизацию планеты. Великий стратег Сунь-цзы... 14 столетий назад написал: “Война — это искусство обманывать... Уловок недостаточно, следует передавать ложную информацию”» (с. 49–50).

Новый Завет призывает человека возлюбить своего врага, и в нем с трудом можно найти строфы, оправдывающие вооруженную защиту христианской общины от внешней агрессии. Мусульманин же находит в Коране и сунне целый доктринальный корпус, посвященный отношениям с немусульманами, которых он обязан не только не любить, но и отказывать им в праве на существование — кроме специально оговоренных случаев.

Многие западные исламоведы и историки приписывают мусульманской цивилизации светские ценности религиозной свободы. На са-

мом деле ни религиозные, ни политические свободы ислам немусульманам, живущим в мусульманской стране, вовсе не предоставляет. Описываемый этими авторами ислам — мнимый, оксидентализированный, лаицизированный.

Кораническая геополитика делит мир на три области. Одной из них является *дар-уль-ислам* («земля ислама») — совокупность стран, признающих ислам государственной религией. То есть главный критерий отнесения той или иной территории к *дар-уль-ислам* — политико-религиозный, а не культурный. Здесь немусульманам запрещено занимать административные должности, и вообще их терпят только в том случае, если они адепты одной из авраамических религий (т.е. иудаисты и христиане — *ахль-уль-китаб*, «люди-книги»), другие монотеисты (т.е. сабии), а также зороастрийцы. Этим немусульман называют *зиммиями* (*ахль-уз-зимма*, «покровительствуемые»). За предоставляемую им мусульманами «защиту» они платят специальный налог (*джизья*). Однако эта «защита» часто номинальна и походит на рэкет.

Чтобы избежать поборов и унижительных ограничений, представители покоренных мусульманами религиозных общин постепенно переходили в ислам. Таким образом, статус *зиммия* был орудием цивилизационного геноцида: конечной целью его введения было полное искоренение автохтонных культур (с. 60).

Второй разряд территорий — *дар-уль-харб* («земля войны»), где ислам не господствует. Отношения между *дар-уль-ислам* и *дар-уль-харб* могут быть лишь враждебными. Немусульманин — политический враг в силу того, что он религиозный противник. Однако может быть заключено перемирие, если это выгодно для мусульман и если они получают право проповедовать свою религию в *дар-уль-харб* без обязательства разрешить немусульманам делать то же на территории ислама. Перемирие позволяет на время превратить часть *дар-уль-харб* в *дар-ус-сульх* («землю мира»). Согласно исламу, это — третья, промежуточная, категория геополитических зон.

В настоящее время *дар-ус-сульх* является Европа, где 12–15 млн. мусульман распространяют ислам мирным путем. Но, как требует шариат, и речи не идет о том, чтобы предоставить такие же права немусульманским меньшинствам *дар-уль-ислам*. «Во имя прав человека и свободы религиозных меньшинств секуляризованный Запад поощряет на своей территории экспансию завоевательной теократической религии, доктринальные основы и социальная практика которой полностью противопо-

ложны демократическим и светским принципам, управляющим нашими философскими и политическими системами» (с. 58).

Мусульмане редко отвечают взаимной терпимостью. Следует помнить: даже диалог с исламом не может не быть «соглашением со львом»¹ — ведь мусульмане убеждены в неполноценности немусульман и считают долгом любыми средствами осуществлять исламизацию мира. Этот процесс понимается не только как духовное, но — прежде всего — как политико-идеологическое и территориальное завоевание.

Понятие исламского джихада уходит корнями в доисламский бедуинский принцип газавата — войны с целью грабежа. В первые годы хиджры джихад и представлял собой узаконенный религией газават, ставший средством экспансии арабских племен. Успеху муджахидов серьезно поспособствовали религиозные, этнические и политические противоречия, раздиравшие обоих их врагов — Византийскую и Сасанидскую империи.

Некоторые исламоведы проводят различие между «малым джихадом» (вооруженной борьбой с неверными) и «великим джихадом» (внутренним совершенствованием мусульман). Однако здесь они следуют всего лишь суфийским мистикам; война с неверными — фундамент исламского прозелитизма (дель Валь считает аналогичным фундаментом в христианстве миссионерство). Пример правоверным подал сам пророк, принявший участие в 80 сражениях. В Коране войне посвящено более 100 аятов. Поэтому совершаемые исламистами террористические акты против европейцев или «плохих мусульман» вполне согласуются с традиционным кораническим принципом джихада. Немногие подобно С. бин Шейху отваживаются осудить этих исламистов как «преступников, руководствующихся архаическими юридическими принципами и догматическим экстремизмом» (с. 94).

«Плохими мусульманами» исламисты считают, в частности, националистов. По словам основателя «Братьев-мусульман» Х. аль-Банны, ислам — не только вера и культ, но и родина и гражданство. Он не знает ни географических границ, ни расовых или правовых различий. Религия Мухаммада — универсалистская и не признает иной идентичности, кроме принадлежности к ней. (Кстати, 220 млн. арабов составляют лишь 24,4% от 900 млн. мусульман мира; население крупнейшей мусульманской страны Индонезии — 187 млн. человек; персов и тюрков насчи-

¹ Союз, от которого одна сторона получает все выгоды, а другая несет все тяготы. — Прим. реф.

тывается 270 млн. (сноска 108 на с. 95). Поэтому исламизм враждебен всем движениям мусульман в защиту лаицизма и автохтонной (особенно доисламской) идентичности (движения берберов, коптов; иранский, сирийский, ливанский национализм).

«Таким образом, исламский фанатизм выгоден американцам, так как позволяет им косвенно наносить поражение всем националистическим светским движениям, стремящимся к модернизации и развитию мусульманского мира, — перспективе, которой опасаются многие на Западе...» (с. 95–96). Например, пришедшие к власти в результате хомейнистской революции муллы начали процесс «деиранизации» общества (разрушение исторических памятников и т.п.). Сами термины, обозначающие родину (*ватан*) и нацию (*каум*), появились в арабском языке только в XIX в., под интеллектуальным воздействием православных христиан и маронитов. Эти христиане не были прозападными и боролись с колониализмом и американским империализмом. Однако это не спасло их от враждебного отношения исламистов, которые обвиняли их в заимствовании у Запада (пусть и для борьбы с ним) его ценностей, чуждых исламской традиции.

Неприятие исламом национализма позволяет, например, понять причину войны в Ливане и войны мусульман с православными в бывшей Югославии. Когда часть Ливана захватили Сирия, палестинцы и Израиль, единственными, кто встал на защиту страны, были христиане. Ливанские мусульмане выказали солидарность с захватчиками-единоверцами. Однако в этом не следует видеть измену: от мусульман нельзя ожидать, что они будут упорно сражаться с другими мусульманами в защиту нации, да еще управляемой маронитами.

Похожая ситуация сложилась в Косово. Эту область с VI в. населяли сербы, но с османским завоеванием они начали эмигрировать на север и к XX в. стали здесь численно уступать албанцам-мусульманам. Сегодня албанцы составляют 75–80% населения Косово (с. 102). При Тито область имела статус почти республики в составе СФРЮ. Однако албанцы требовали независимости, и в 1989 г. президент Сербии С. Милошевич отменил автономию. В ответ лидер албанцев И. Ругова провозгласил в 1992 г. образование Республики Косово. Сначала сопротивление албанцев-косоваров носило ненасильственный характер, но уже в следующем году они создали Армию освобождения Косово (АОК). Важнейшим зарубежным источником финансирования АОК стали доходы албанско-косоварской мафии в Италии, Германии и Франции от проституции и наркоторговли. С 1997 г. сепаратистское албанское движение

наладило связи с исламистами, близкими к сетям У. бин Ладина и египетской «Гамаа исламия» (с. 238).

Похожая на косовскую ситуация складывается в Македонии. В этой стране самая высокая на Балканах доля мусульманского населения (30%). Вообще на полуострове трудно различить турок, албанцев и исламизированных или отуреченных славян, поскольку ислам не признает национальность в принципе. Подобно мусульманам Индии, балканские мусульмане так и не смирились с ликвидацией мусульманской власти и затаили ненависть к «безбожной власти» православных. Поэтому к ситуации в Косово и Македонии вполне применима «индо-пакистанская парадигма» (исламский ирредентизм). Балканские мусульмане стремятся создать своего рода неоосманскую конфедерацию. Этот панисламистский проект называют «зеленой диагональю». За Косово может настать черед Македонии, Санджака, Черногории (где также есть значительное албанское меньшинство), Болгарии (12% мусульман) и греческой Фракии (с. 105).

Исламизм часто путают с интегризмом. На самом деле эти два понятия (и явления) не имеют ничего общего. Интегризм — католическое движение, выступающее за возвращение к традиции и осуждающее развитие современных идей внутри церкви. Исламизм же — прежде всего политическое движение, он возник в конце XIX в. как реакция на политику секуляризации последних Османов, попадавших во все большую зависимость от европейских держав. Панисламизм того времени был проникнут «прогрессистским» духом, характерным для периода *нахда* — интеллектуального движения XIX в., называемого арабским возрождением. Современные панисламисты не унаследовали этого духа, взяв за единственный образец исламское общество времени Мухаммада. Вторая волна панисламизма берет начало с падения Османов и ликвидации халифата в 1924 г. и почти полностью основана на фанатичной демонизации всего, что хоть отдаленно напоминает западную цивилизацию. Первой мишенью для этой антизападной обскурантистской реакции стали мусульманские нации.

Самая известная из организаций подобной направленности — египетские «Братья-мусульмане», основанная в 1928 г. Подавляющее большинство радикальных движений в арабо-суннитском мире выросло из «Братьев». Своей цели — создания исламского государства — «Братья» пытались добиться посредством участия в выборах и — еще чаще — убийств и терактов. Свои исламистские организации появились в первой половине XX в. и в Индии — «Джамаат-ут-Талиг» и «Джамаат-и-

Ислами». Тем не менее до прихода в 1979 г. к власти в Иране Хомейни политических успехов исламизм не имел. Суровые репрессии светских режимов арабских стран против исламистов укрепили последних в их непримиримой вражде к национализму и социализму. самого выдающегося современного исламистского мыслителя С. Кутба репрессии заставили написать книгу «Теория исламского разрыва с установленным порядком» — исламистский аналог «Что делать?» Ленина. Кутб признал суверенитет только за Аллахом и по сути обосновал идею насильственного свержения «безбожной» власти. Однако эта революционная идеология не пугает США, стремящихся извлечь выгоду из обскурантизма исламистских движений и режимов, чтобы занять в мусульманском мире место прежних колониальных держав Европы, эксплуатировать его ресурсы и тормозить его развитие (с. 113).

Нынешняя экспансия исламизма — во многом следствие политики США, видевших в нем орудие борьбы с коммунизмом. Государственный департамент и спецслужбы США начали помогать исламистам с конца 70-х годов. Американцы стремились окружить СССР «зеленым поясом» и раздуть пламя исламизма в его мусульманских республиках. По мнению бывшего главы госдепартамента Г. Киссинджера, эта стратегия частично основывалась на идее, согласно которой ислам носит намного более антикоммунистический характер и явно ближе капиталистической этике, чем католицизм и православие. Этим частично объясняется то, что знаменитый дипломат всегда жертвовал интересами христианских европейских держав и будущим восточных христиан ради интересов Турции (к тому же госдепартамент старался таким образом компенсировать в глазах мусульман свою безоговорочную поддержку Израиля).

Вторжение СССР в Афганистан убедило последних американских противников советника президента Дж. Картера З. Бжезинского в его правоте: Бжезинский выступал за то, чтобы активно разыграть исламскую карту. Однако, как признает в своих мемуарах бывший директор ЦРУ Р. Гейтс, американские спецслужбы начали помогать афганским муджахидам, боровшимся с режимом НДПА, еще за шесть месяцев до ввода советских войск. Бжезинский признал, что эта операция и была начата с целью заманить русских в ловушку. «Здесь обнаруживается одна из констант американской стратегии, основанная на безграничном цинизме и прагматизме. Трудно не провести аналогию с иракским делом (affaire): ведь известно, что ЦРУ сознательно подтолкнуло Ирак к захвату Кувейта, чтобы получить предлог для вмешательства в этой зоне...» (с. 118–119).

Поощряя суннитский фундаментализм, американцы стремились не только нанести поражение советским войскам, но и помешать экспансии хомейнистского шиизма. «Таким образом, зародыш “Исламистского суннитского интернационала” сформировался в ходе войны в Афганистане вокруг таких ключевых фигур, как Кази Хусейн Ахмад, руководитель пакистанской “Джамаат-и-Ислами”; Усама бин Ладин, осуществлявший связь между саудовскими, американскими и пакистанскими спецслужбами и арабскими добровольцами; Хасан ат-Тураби, идеолог режима в Хартуме; знаменитый тунисский “эмир” Рашид Ганнуши, а также другие исламисты, близкие к “Братьям-мусульманам” и египетской “Гамаа”, особенно ее глава Умар Абд-ур-Рахман, который был замешан в теракте во Всемирном торговом центре и два сына которого до сих пор находятся у талибов...

Американцы привлекли к операциям в Афганистане почти всех фундаменталистских полевых командиров-террористов, которые сейчас действуют в Иордании, Египте, Израиле, Ливии, а особенно в Кашмире, Алжире, Судане, Чечне, Узбекистане, бывшей Югославии (Косово, Босния, Македония, Санджак, Хорватия), Албании и китайском Синьцзяне» (с. 120–121). Соединенные Штаты несут главную ответственность за обострение исламистской антизападной угрозы, которая постепенно расплзается по миру — даже если и кажется, что порожденное чудовище ускользает из-под контроля своего родителя (с. 122).

Для исламистов неприемлемо присутствие «неверных» солдат на земле пророка. За взрывом во Всемирном торговом центре 1993 г. последовали теракты в Эр-Рияде в 1995 г. и Хубаре в 1996 г. Исламисты (устами тунисского шейха Р. Ганнуши) объявили, что война с США — приоритет для ислама. В то же время в других своих выступлениях он говорил, что американцы в большей степени стремятся к миру с исламом, чем европейцы, и потому с ними возможно какое-то сосуществование.

Правда, исламисты использовали войну в Заливе как случай для бичевания Саудовской Аравии и американского «Большого сатаны». Однако политический дискурс часто прямо противоположен политическому действию. На самом деле исламисты выступают за свержение «безбожных» режимов Ирака, Сирии, Туниса. Критика ими Саудовской Аравии — не более, чем политическая демагогия. Политику же они проводят близкую к таковой Саудов: антизападный фундаментализм внутри страны и стратегически-финансовый союз с Вашингтоном или Лондоном в международном плане.

Саудовская Аравия стала эпицентром мирового исламистского землетрясения. Это отчасти объясняется ее опасениями, что склонные к социализму националистические режимы других арабских стран потребуют от нее поделиться плодами нефтяного бума. После смерти Насера Саудам удалось сместить на себя политико-идеологический центр тяжести арабского мира. Финансовых ресурсов для распространения своего влияния у Саудов вполне хватало. Благодаря скачку цен на нефть после арабо-израильской войны 1973 г. доходы Саудовской Аравии выросли с \$ 4,35 млрд. в 1973 г. до \$ 36 млрд. в 1978 г. (с. 126). Кроме непосредственной поддержки исламистских организаций Сауды используют и другой рычаг: в качестве *conditio sine qua non* своей финансовой помощи мусульманским государствам они ставили принятие государствами-реципиентами законов, поощряющих фундаментализм. Другой причиной поддержки исламизма является попытка Саудов замаскировать свою зависимость от США, но нередко они действовали вместе с ЦРУ против общего врага — СССР, как в Афганистане.

Внешнюю политику Израиля дель Валь называет одним из трех (наряду с ролью США и Саудов) ключей к объяснению успеха исламистских движений. По его мнению, западные аналитики и востоковеды просмотрели взаимодействие сионизма с исламизмом, поскольку склонны недооценивать религиозный фактор. Предпочитая материалистическое прочтение истории, они сосредоточиваются на этнических и особенно экономических факторах. Между тем, как не следует считать сербобоснийский конфликт только этническим, так и необходимо учитывать общность сионизма и исламизма.

Оба эти явления (движения) принадлежат к теократическим идеологиям и долго были объективными союзниками по двум причинам. Во-первых, образование Израиля — «парадигма конфессиональной политики». Вместе с созданием Пакистана это беспрецедентное явление в истории XX в.: легитимность обоих государств держится исключительно на религиозном основании. Во-вторых, существование Израиля объективно подпитывает исламизм — радикальную реакцию на сионизм. Парадоксальным на первый взгляд образом Израиль рассматривал Иран аятолл как меньшую угрозу, нежели светский Ирак: последний находился в процессе приобретения ядерного оружия. Однако Израиль не стремится к непрерывной конфронтации с соседями. Его цель — ослабление и раскол мусульманского мира. Имея в виду именно эту цель, Тель-Авив в 1978 г. перестал поддерживать иранского шаха. Однако намного более важную роль в победе хомейнистской революции сыграли США.

Не надо думать, что политические и экономические связи США с шахским Ираном доказывают невозможность американской поддержки аятолл. Причиной оказания США помощи Хомейни стало политическое, экономическое и военное усиление Ирана, все менее поддававшегося манипуляции американских спецслужб. Успехи «белой революции» 1963–1978 гг. в Иране впечатляли. За это время страна существенно модернизировалась. При этом шах стремился избавить Иран от диктата международных нефтяных компаний. Особенно неприемлемой для США стала инициатива шаха Мохаммада Резы по превращению страны в ядро новой, самостоятельной системы безопасности в регионе Индийского океана.

Как пишет ливанский политолог Н. Наср, американцы сознательно поощряли исламский фанатизм: это блокировало в мусульманских странах всякую модернизацию и низводило их до положения рынков сбыта американских товаров. Серьезный экономический упадок Ирана после 1980 г. (как и отказ США помочь Насеру в строительстве Асуанской плотины) подтверждает данное мнение. Дель Валь называет Иран жертвой американской стратегии «мягких подбрюший». Другой такой жертвой стал Ирак – единственная арабская страна, которая в 80-е годы смогла обзавестись собственной промышленностью и стать сильной политической и военной державой.

Несмотря на гибель в Алжире с 1992 г. около 300 европейцев и направленные против антиамериканцев теракты в Нью-Йорке в 1993 г. и в Найроби и Дар-эс-Саламе в 1998 г. (в терактах обвиняют бывших «афганцев»), не похоже, чтобы Вашингтон прекратил поддерживать определенные фундаменталистские государства и движения. Администрация Клинтона продолжала проводить различие между «умеренным» и «крайним» исламом. Правда, среди американских чиновников и исследователей нет единодушия по вопросу о политике в отношении исламизма. На этот счет геостратеги и специалисты по Ближнему Востоку разделились на две школы.

Первая была представлена С. Хантингтоном, Ю. Боданским и М. Индиком. По их мнению, политический ислам – фактор дестабилизации и угроза для всего немусульманского мира. Однако такая точка зрения имеет мало влияния на американских стратегов-макиавеллистов.

Вторая школа, напротив, исходила из того, что «исламское пробуждение» естественно вписывается в политическую эволюцию мусульманских обществ и несколько не враждебно Западу и ценностям современной демократии» (с. 149). Представители именно этой школы доми-

нируют в администрации Клинтона. Это бывший председатель Совета национальной безопасности Э. Лэйк, государственный секретарь М. Олбрайт, посол США в Македонии К. Хилл, специальный посланник президента США в Боснии Р. Холбрук. Одним из основных представителей этой школы остается З. Бжезинский, по-прежнему выступающий за использование Америкой исламистского козыря в борьбе за ресурсы центра Евразии. Американская стратегия «нового сдерживания» (*neococontainment* — термин геополитика Ф. Тьюля) направлена не против одной лишь России, а против всего славяно-православного мира. По мнению французского генерала П.М. Галлуа, именно этой доктрине следовали американцы, бомбя Белград и поощряя албано-боснийский исламский ирредентизм на Балканах. Галлуа подчеркивает, что в отношении резни в Алжире США хранят молчание, — это у сербов нет нефти (сноска 203 на с. 151).

Разыгрывать исламскую карту США помогает отсутствие у них колониального прошлого в Африке и на Ближнем Востоке. Американцы пользуются этим, преподнося себя в качестве защитников свободы и права народов на самоопределение.

Кроме внешнеполитических факторов, толкающих США на сближение с исламом, имеются и внутривнутриполитические. В стране существуют исламские группы давления (Совет по американо-исламским отношениям и Мусульманский совет общественных дел). Хотя исламистские лобби не так сильны, как еврейское, их политико-электоральный вес постоянно растет, особенно с тех пор, как исламизм стал идеологией основной части мусульман-негров (партия «Нация ислама» Л. Фаррахана).

Одним из наиболее явных подтверждений постоянства происламистской стратегии США служит поддержка ими движения «Талибан» с 1994 г. и вплоть до американских ракетных ударов 20 августа 1998 г. В частности, эта поддержка была очень выгодна нефтяной корпорации «Upocal», планирующей построить нефте- и газопровод через Пакистан и Афганистан в Туркмению. Не случайно взятие талибами Кабула в сентябре 1996 г. госдепартамент назвал положительным фактом. Однако мир в Афганистане так и не установился, производство опиума росло, и талибы дали убежище начавшему финансировать их бин Ладину. Похоже, что после американских ударов по афганским лагерям террористов США и талибы стали непримиримыми врагами.

«Нефтяная геополитика» издавна является приоритетным направлением англосаксонской стратегии на Востоке. Еще в 1901 г. Велико-

британия приобрела права на эксплуатацию почти всех нефтяных запасов Персии. В 1919–1920 гг. она получила мандат Лиги Наций на Ирак, где незадолго до этого были открыты крупные месторождения нефти. Между 1930 и 1938 гг. место Великобритании (и Франции) на Ближнем Востоке заняли США, установившие привилегированные отношения с бедуинскими династиями Аравийского полуострова и прежде всего с Саудовской Аравией. Заключенное с ними соглашение стало моделью, по которой в дальнейшем был создан американо-исламский союз на Ближнем и Среднем Востоке, в Каспийском регионе и Африке, актуальный и в настоящее время: в этом регионе сосредоточено 75% разведанных мировых запасов нефти (с. 163).

США всегда любой ценой стремились, чтобы нефтеносные страны зависели от их технической помощи, и отдавали приоритет отношениям с Америкой. На это согласна Саудовская Аравия, но не согласен Ирак, который занимает второе место в мире по объему разведанных запасов нефти (112 млрд. баррелей, 10% мировых запасов) (с. 172). Американцы наложили эмбарго на Ирак именно из-за несговорчивости его лидера в отношениях с нефтяными компаниями США. По окончании войны с Ираном С. Хусайн потребовал от США и ОПЕК повышения стоимости барреля нефти. Поскольку Ирак к тому же был врагом Израиля (обладая второй по численности армией в регионе после Турции), американцы решили поставить его на колени. Автор приравнивает результат эмбарго для Ирака с эффектом шести ядерных бомб, подобных той, что США сбросили на Хиросиму. Каждые полгода умирают 6–7 тыс. детей, а 30% детей моложе 5 лет недоедают (с. 174).

Американцы могут позволить себе вызывать ненависть на Ближнем Востоке, так как это не мешает им экспортировать свои технологии. В Вашингтоне сознают, что если в регионе и накапливается ненависть к Западу (например, за поддержку им Израиля), ее не станут выплескивать против самой сильной в экономическом и военном отношении державы. Козлом отпущения станут европейские государства и народы, на которые мусульмане и направят — не рискуя многим — свою антиамериканскую агрессивность (Суэцкий кризис показал, что США больше не дают европейцам защищать с оружием в руках свои интересы на Востоке).

Дель Валь согласен с выводом С. Хантингтона о том, что мы являемся свидетелями столкновения цивилизаций — западной и исламской. При этом США, нанося удары по Ираку (как в декабре 1998 г.), только ухудшают ситуацию, усиливая исламистский лагерь. Ирак США выбрали мишенью потому, что в арабо-мусульманском мире С. Хусайн — един-

ственный руководитель (кроме президента Туниса Х. Бургибы), который реально попытался сделать из своей страны светское государство современного типа.

Поэтому европейцы, поддерживая в ООН и НАТО американские налеты на Ирак и Сербию, действуют вразрез с собственными интересами. Американско-исламский стратегический союз направлен именно против Европы.

Из-за своей географической удаленности и стратегической мощи США не рассматривают исламский мир как реальную опасность для своих интересов. Соседняя с ним Европа, напротив, весьма уязвима. «Неспособные к политическому объединению и к проведению реальной общей оборонительной политики (разделение, которое поддерживают сами Соединенные Штаты), европейские нации должны рассматривать возникновение геополитического исламистского пространства как серьезную угрозу, одновременно близкую и имеющую разнообразные формы. Угроза очень близка, так как исламская *умма*, обычное местонахождение которой – к югу и востоку от Европы, имеет тенденцию все больше распространяться посредством устойчивых гнойников, число которых растет в некоторых крупных столичных городах и регионах, в самом сердце Европы. На западе эти гнойники подпитываются неподконтрольной внеобщинной исламской иммиграцией (над чем “трудятся” меньшинства исламистских активистов), а на востоке – воссозданием европейских мусульманских государств (албанские анклавы Македонии и Косово, Босния, Санджак и Албания), связанных с исламскими государствами (Турцией, Ираном, Пакистаном, Саудовской Аравией, Брунеем, Малайзией)» (с. 182).

Отношение к возникновению мусульманских государств в Европе и к интеграции Турции в Европейский Союз акцентирует разногласия, и так существующие между различными европейскими государствами: если балканские православные государства (включая Грецию) выступают против создания «турецкого коридора», то другие видят в этом этап на пути к образованию евро-азиатской зоны свободной торговли. Эти «другие» не осознают исламской угрозы. Между тем угроза эта не только внешняя. США и их европейские сторонники-«атлантисты» используют исламизм с целью «размыть» европейские народы в политическом плане и в плане идентичности. Кроме того, это прямая угроза демократическим ценностям Европы, ее институтам и суверенитету (с. 184).

Помимо экономического и нефтяного аспектов у исламской стратегии США есть еще одна цель: как можно дольше сохранять православ-

ную и католико-протестантскую части Европы отъединенными друг от друга. Этот раскол оправдывает американское военное и политическое господство в Европе, инструментом которого служит НАТО. Отсюда — выгода для американцев нестабильности на Балканах. Не случайно Пентагон помогал боснийским мусульманам. Например, в 1994–1996 гг. боснийцы в нарушение эмбарго на поставки вооружений, но с согласия американцев получили более 5 тыс. т военных материалов из Ирана (с. 185). По мнению П.-М. Галлуа, создание американцами исламского государства в христианском окружении напоминает создание в мусульманском окружении государства Израиль, ставшего причиной полустолетия войн. Постоянная нестабильность на Балканах оправдывает сохранение военного присутствия США в Европе (с. 266). Еще очевиднее происламистская стратегия Вашингтона проявилась в его почти безоговорочной поддержке албанских террористов Косово.

Следует четко осознать: по-настоящему единая, а не «брюссельская» Европа не возникнет до тех пор, пока европейцы не возьмут дело собственной обороны в свои руки, а будут нуждаться в США для урегулирования малейших конфликтов на своей территории.

По сути НАТО руководят из Вашингтона, европейцы бесправны в этой организации. Слабы позиции сторонников Маастрихтского и Амстердамского договоров, которые обвиняют их противников в измене идее независимой от США Европы. Правда скорее на стороне приверженцев «Европы родин». Строительство единой Европы рано или поздно потребует демонтажа НАТО, постепенной интеграции России и выработки общей политики безопасности и обороны, основанной на интересах самих европейцев. Эти интересы сильно расходятся с интересами американцев, а во многих отношениях диаметрально противоположны им (с. 193). Только осознание народами всей Европы принадлежности к общему цивилизационному универсуму и создание «Великой Европы» (термин французского геополитика И. Лакоста) от Атлантики до Тихого океана (т.е. вместе с Россией) позволит европейцам пересмотреть свои отношения с США.

Дель Валь выступает за реабилитацию *heartland*'а и осуществление проекта немецкого геополитика К. Хаусхофера, направленного против англосаксонских держав-талассократий. Американцы систематически играют на противоречиях Берлина и Сараево с Парижем и Москвой — тогда как, по мнению автора, для успешной обороны Европы необходима «антигегемоническая ось» Париж — Берлин — Москва. Только это позволит Европе перестать быть американским протекторатом и вну-

шить больше уважения мусульманскому миру. Следует отказаться от проповедуемой из Брюсселя идеологии федерализма свободной торговли и уделить внимание четырем стратегическим и геополитическим приоритетам: 1) выработать доктрину европейской обороны, определив исламизм и США как стратегические угрозы; 2) создать европейскую индустрию информации для противодействия американской пропаганде; 3) создать европейскую оборонную и аэрокосмическую промышленность; 4) сформировать европейскую армию (ее ядро уже существует – франко-немецкий «Еврокорпус») (с. 195–196).

Розыгрыш некоторыми западноевропейскими государствами исламистской карты не оправдан никакими интересами. Напротив, он является одним из следствий подчинения Европы внешнеполитическому курсу США. Такие страны, как Великобритания и Германия, поощряют исламистские движения, исходя исключительно из краткосрочных экономических интересов.

Нынешняя массовая иммиграция мусульман в Европу и пропаганда здесь исламизма представляют собой третью волну мусульманского вторжения. Сейчас, когда миллионам мусульман разрешается селиться в Европе, им представилась небывалая возможность ее «завоевания», чего им так и не удалось сделать посредством джихада. По наиболее достоверным оценкам, мусульман в Европе насчитывается около 15 млн. человек (с. 198). В планах исламистов мусульманские общины играют здесь двойную роль.

Во-первых, Европа служит «тыловой базой» для исламистов. Они стремятся реисламизировать европейские мусульманские общины, набрать из их среды полувоенные группы и бросить их на разжигание религиозных и политических революций в «реакционных» мусульманских странах (Марокко, Египте, Турции). Во-вторых, по замыслу исламистов, мусульманские общины Европы – зародыш будущего полностью исламизированного европейского общества. Как замечает Б. Льюис, третья попытка мусульманского вторжения в Европу успешнее двух предыдущих: капитал и рабочая сила преуспели там, где потерпело неудачу арабское, а затем османское оружие (с. 199).

Ислам – не просто религия. Современная светская мысль недооценивает исламскую идентичность, тогда как для мусульманина отречение от веры – не просто религиозный, а политико-юридический акт. Принадлежность к умме важнее для мусульманина, чем гражданство в том или ином государстве. Это недвусмысленно выразил один молодой англичанин, принявший ислам: «Я не англичанин-мусульманин, а му-

сультанин, живущий в Англии» (с. 206). Поэтому европейские государства не должны рассматривать обращение своих граждан в ислам как просто осуществление духовного выбора: встает реальная проблема суверенитета.

Учитывая рост влияния исламистов в европейских мусульманских общинах, дель Валь считает, что в обозримом будущем мусульмане откажутся от «безбожного» государственного образования и потребуют преподавателей-мусульман (в Великобритании уже существуют полностью исламские лицеи и колледжи). Дальнейший успех демографического и идеологического завоевания исламом Европы (которому способствует демографическое самоубийство европейцев) грозит привести к ее «ливанизации» или «балканизации». Этот процесс идет прежде всего в крупных городах: там возникли настоящие гетто, где на национальную полицию и администрацию все больше смотрят как на иностранные и «безбожные» структуры. Страны Европы могут пойти по стопам Великобритании, где уже имеются города, на 80–90% населенные мусульманами, причем в них с попустительства властей действует исламское законодательство (с. 218).

Исламистская деятельность в Европе во многом опирается на поддержку двух фундаменталистских государств — Саудовской Аравии и Пакистана, в то время как европейские правительства делают вид, что рассматривают их как дружественные и прозападные страны. Сауды учредили исламские культурные центры в Риме, Вене, Мадрасе, Брюсселе, Лондоне и Женеве и осуществляют контроль над ними с помощью Лиги исламского мира. Инструментом Пакистана служит Конгресс мусульманского мира, через который он финансирует исламские центры в Лондоне, Женеве и Германии. Важную роль в схожем с иезуитским «хамелеонском прозелитизме» исламистов играет их Европейский институт гуманитарных наук во французском городе Шато-Шинон (с 1992 г.).

«Пришло время, когда европейцам следовало бы прекратить смешивать свободу и уважение идентичности иммигрантов с попустительством демографическому, идеологическому, политическому и духовному завоеванию Европы. Ведь за законной защитой идентичности иммигрантов-мусульман скрывается стремление исламистов обратить Европу в ислам» (с. 242). Дель Валь обвиняет «политически корректных» руководителей стран Европы в пренебрежении интересами своих народов. Они забывают, что получили мандаты, чтобы гарантировать сохранение и безопасность наций, но сами ни за что не захотят жить в мусульманских городах-гетто типа Брэдфорда. Европейские правительства приносят

судьбу своих народов в жертву на алтарь промышленного капитализма. Попустительство идущей уже 30 лет исламской колонизации Европы может в близком будущем вызвать здесь межэтнические и межрелигиозные столкновения.

Что касается исламистов, то они предпочитают не прилагать усилий для повышения уровня жизни своих народов и их просвещения: бедность и невежество гарантируют исламистам победу на выборах. Они противятся также ограничению рождаемости: демографический взрыв порождает миграцию в Европу, посредством которой исламисты надеются исламизировать ее.

Поэтому дель Валь принимает идею «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и предостерегает: именно этому способствует нынешняя иммиграционная политика европейских государств, завлекающая Европу в ловушку «религии прав человека» и мультикультурализма. Исламская цивилизация действительно обладает единством, несмотря на внутренние разногласия. П.-М. Галлуа подчеркивает, что исламский мир занимает определяющую стратегическую позицию на планете, географически разделив два из трех полюсов экономического развития (Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион). Мощным фактором объединения мусульманских стран может стать наличие у них 75% энергетических ресурсов мира. ОПЕК — почти исламская организация: 11 из 12 ее членов — мусульманские страны.

Кроме геоэкономического у потенциального блока есть политико-идеологическое измерение. Общемусульманская идентичность ограничивает конфликты в исламском мире. Исламисты пользуются отсутствием его единства, чтобы приписать это исключительно проискам внешнего врага — Запада. Сейчас исламизм занял в «третьем мире» место левого национализма. Однако за антизападной революционной риторикой современный исламизм плохо скрывает собственные империалистические намерения: исламисты хотят бороться с Западом не во имя идентичности народов, а ради их исламизации.

Что касается военной мощи мусульманского мира, то технологии, позволяющей угрожать Европе в военном отношении, у них пока нет. Тем не менее есть вероятность, что в пределах 10–20 лет ядерная промышленность Ирана или Пакистана станет реальной угрозой для Европы.

Вот почему формирующийся исламский блок вполне способен стать для Запада и в первую очередь для Европы новой угрозой, заменив собой советскую. Одно из проявлений межцивилизационной напряжен-

ности — сербо-боснийский конфликт. Пытаясь закрепиться в мусульманских регионах бывшего СССР и на Балканах, в конфликт вмешались США — чего никогда не осмелились бы сделать прежде. Они финансируют восстановление инфраструктуры Боснии (более \$ 135 млн. в 1997 г.) (с. 257). Вместе с Бонном Вашингтон защищает право мусульманского и хорватского населения Боснии на самоопределение, отказав в нем сербам. Демонизация сербов — плод кампании дезинформации и не выдерживает критики. Однако новое боснийское государство вряд ли будет настолько европейским, как утверждает западная пресса. В стране идет исламизация общества, включая армию. Впрочем, американцев это не волнует. Их цель — любым способом утвердиться в Боснии в военном плане. Расположение мусульман они, в частности, стремятся «купить» организацией суда в Гааге над «военными преступниками», 90% которых оказываются сербами.

Непосредственную выгоду от исламофильской геополитики США получает их привилегированный стратегический союзник в НАТО Турция. На Балканах происходит воссоздание транснационального тюрко-исламского организма — прямого наследника Османской империи. Геополитические ирредентистские амбиции этого организма серьезно угрожают интересам европейских наций. Анализ содержания турецких СМИ позволяет понять, что стремящаяся в ЕС Турция вовсе не прозападная и еще менее — проевропейская страна. Геополитики Турции открыто пишут о ее вхождении в ЕС как о пути к исламизации Европы. В самой Турции идет реисламизация общества, лучший показатель которой — успех на парламентских выборах 1995 г. исламистской партии «Фасилет», набравшей 21% голосов. Поэтому, даже несмотря на антиисламистский военный переворот 1997 г., «светский и кемалистский» характер Турции относителен. Посредством автоматически предоставляемого двойного гражданства 70 млн. турков скоро станут 200 млн. — когда к ним присоединятся тюркоязычные народы бывшего СССР (с. 271). Анкара стремится сделать новые независимые государства Средней Азии своими привилегированными партнерами.

Развитие пантюркизма прямо направлено в первую очередь против славянско-православных народов. В России с населением в 150 млн. человек мусульман насчитывается 22,5 млн. человек (15% населения) (с. 278). Поэтому для этой страны исламизм может стать не только внешним, но и внутренним врагом. Исламисты могут активизировать антирусский национализм в двух главных мусульманских очагах страны — Дагестане и Татарстане. Даже в советский период мусульмане (за ис-

ключением татар) оказались неподатливыми к насаждаемой коммунизмом лаицизации повседневной жизни. Возникновение в 90-е годы тысяч мечетей в СНГ — всего лишь выход наружу той реальности, которая в советское время и не исчезала. По близким к ЦРУ источникам, в 1999 г. на территории бывшего СССР функционировали более 50 500 мечетей (и только 18 250 приходов Русской православной церкви!) (с. 278). Радикальный ислам уже стал идеологией чеченских и таджикских боевиков.

По вопросу об отношении к исламу в России существует две школы. «Евразийская школа» считает русских отличным от европейцев и азиатов народом, но его врагами называет первых, Запад. По мнению неоевразийца А. Дугина, фундаменталистский ислам с его антиматериализмом и отказом от ростовщичества — геополитический союзник России против США с их либеральной, антирелигиозной и антитрадиционной системой. Не случайно евразийцев поддерживает Партия исламского возрождения. Однако «евразийцы» остаются в меньшинстве и дискредитированы, будучи в глазах русских националистов «пятой колонной» «исламского империализма».

Антимусульманское течение включает большинство российских политических партий. Предметом все большей обеспокоенности для российской общественности является не только движение в Средней Азии за реисламизацию, но и демографический кризис в самой России, который делает ее объектом мусульманской экспансии. В бывшем СССР рост тюркского населения в 8–10 раз превышает рост славянского (с. 281).

«Перед лицом исламского блока европейский Старый континент оказался бы в уязвимой позиции, будучи окруженным с запада и востока мусульманскими странами с сильной социальной напряженностью и имея в своих недрах многочисленные мусульманские общины, живущие здесь уже в течение жизни нескольких поколений (Западная Европа) и даже веками (Восточная Европа)» (с. 284–285). Поощряют формирование этого блока США.

Европейцы должны понять, подчеркивает дель Валь, что и по экономической, и по геополитической причинам интересы США расходятся с интересами их западноевропейских союзников по НАТО. Америка всегда старалась занять их место на международной арене. С конца Второй мировой войны Вашингтон поощрял антиколониалистские движения во владениях Франции, Великобритании, Нидерландов, Португалии и Бельгии. ООН при этом служит инструментом легитимации американского неокOLONIALИЗМА. «Даже если кажется, что исламистская военная машина ЦРУ и Разведывательного управления Министерства обороны

(РУМО) разворачивается против Вашингтона, Белый дом продолжает делать ставку на успех исламизма. Он уверен, что будущие исламистские режимы предпочтут иметь дело с ним, нежели с европейскими державами, колониальное прошлое которых еще представляет собой фактор напряженности, если не *casus belli*» (с. 289).

По словам адмирала Лакоста, США объявили Европе и экономическую войну. Именно по ее интересам быт наложенный на Ливию, Иран и Кубу режим санкций, постоянное нарушение американцами принципов свободной конкуренции (например, путем финансовой помощи «Боингу»). Осуждая европейский «протекционизм», они по сути прибегают к нему же: выделяемая ими своим фермерам субсидия в два раза больше, чем в Европе.

Помимо экономической, между Америкой и Европой идет культурная война, которую американцы, похоже, уже выиграли. С 1945 г. импорт американской культурной продукции в Европу не облагается квотами. В результате, например, в 1985–1995 гг. 56–76% фильмов, показанных в кинотеатрах стран ЕС, были американскими. Сами США терпят у себя не более 1–3% европейских фильмов (с. 292).

Наконец, ведется информационная война. Ставкой для США в ней является контроль над мировой системой коммуникаций. Основную роль в данной войне играет телевидение. CNN стал крупнейшим в мире каналом, который смотрят более 80 млн. семей в 142 странах. В целом крупнейшие американские газеты, периодические издания, телевизионные сети и агентства печати прямо или косвенно контролируют 90% мировой информации (с. 294). Это позволяет США моделировать образ мыслей миллиардов людей. И это — прямая и явная угроза.

Не меньшую угрозу для Европы представляет мусульманский мир. Европейцам не следует преуменьшать исходящую от него экономическую угрозу. Неверно думать, что ислам несовместим с капитализмом. Ислам возник у торгового народа. Что касается главного аргумента исламофилов — запрета исламом ростовщичества (*риба*), — то в реальности запрет никогда строго не соблюдался (как и в средневековой Европе). На практике ростовщичество было широко распространено в мусульманском мире — под прикрытием разного рода юридических уверток. Когда речь заходит об экономике, «ислам опять же намного гибче, чем предполагают на Западе, — если под сомнение не ставится исламская философско-политическая система. За исключением импорта культурных товаров, признанных декадентскими и антиисламскими, содержащихся в современной музыке (рок, рэп и т.д.), а также в многочисленных западных

передачах, торговый обмен с Западом и Америкой вполне приемлем для ортодоксальных и исламистски настроенных мусульман, которые гораздо в большей степени капиталисты и либералы в экономическом плане, чем их баасистские и светские политические враги» (с. 297).

Американцы поощряют экспансию исламизма в мире главным образом по экономическим причинам — с целью увеличения своего влияния за счет всех других акторов, начиная с европейских государств. Если подойти к исламизму с социологической точки зрения, то в лишенной культурных корней и мультикультурной Европе он может стать реальным ответом на аномию и аккультурацию. Подрывает эти корни американская коммерческая субкультура, которую никогда не анализировали с точки зрения обороны и геостратегии, — как будто Сунь-цзы написал свой трактат впустую. «Под предлогом того, что дядя Сэм освободил нас в 1944 г. от немецкого ига, практически никто в Европе не осмеливается разоблачить глубоко подрывную и насильственную природу наводнения Старого континента американскими “культурными продуктами”. Европейская культура просто находится под угрозой исчезновения. Она, в самом деле, постепенно слабеет под грубые иступленные афро-американские ритмы, звучащие по радио и в местах культурной смерти, которыми являются дискотеки. Она пассивно терпит “промыывание мозгов”, которое осуществляют телевизионные сериалы, произведенные за Атлантикой и продаваемые в Европе по низкой цене, чтобы устранить всякую конкуренцию. Наконец, она чахнет под воздействием разных “лекарств”, которые ей прописывают WASP (Белые англосаксонские протестанты. — Реф.) с начала века: от сект — протестантских, производных от них или других (“Свидетели Иеговы”, “Церковь сайентологии”, “Мормоны”) и до “кока-колы”, включая “поп-музыку”, сладкие гамбургеры и сигареты “Мальборо»» (с. 302). В основе всех этих явлений — почти наркотическая зависимость, «букет» потребительских привычек, тем более соблазнительных и губительных, что их распространяют именем и под видом духа свободы и развития личности.

Следует, однако, различать «американскость» и «американизацию». Под первым автор понимает «быть американцем», т.е. принадлежать к WASP, которые составляют большинство населения США и, в частности, их элиту. Термином «культурная американизация» автор обозначает процесс распространения по миру гедонистической субкультуры, берущей начало в негритянских кварталах крупных городов США. Американских сельских жителей и пуританские элиты — WASP — она в основном не затрагивает. Однако американские компании

коммерциализировали эту лжекультуру на планетарном уровне, преследуя цель торгового и стратегически-идеологического завоевания мира. В результате американизации возникает планетарное сообщество, лишенное четких границ. Это делает его сравнимым во многих отношениях с мусульманской уммой. Американский политолог Б.Р. Барбер назвал эту «англосаксонскую умму» «цивилизацией *McWorld*».

Дель Валь считает даже, что США воспринимают Европу как живой укор себе за «измену» в прошлом своим корням. Поэтому стратегия Америки направлена на то, чтобы заставить Европу «исчезнуть в пещерах англосаксонского космополитизма». Согласно американскому пониманию человечества, все, что не принадлежит к Новому Свету, — плохо, несправедливо, богохульно, архаично, политически некорректно и неэгалитарно. Израильский историк Я.Л. Тальмон назвал американскую систему «тоталитарной демократией».

Европейское общество с его достатком уязвимо для проникновения ослабляющей его потребительской идеологии, порожденной тем, что здесь считают «братской цивилизацией». Однако попытки США насадить ту же субкультуру в мусульманском мире (даже в богатых странах) терпят неудачу. Мусульмане отвергают ее как «империалистическую» и аморальную. Но это вовсе не значит, что ислам — непримиримый враг Америки. «В действительности непроницаемость исламских обществ для материалистической западной культуры как раз позволяет — поскольку не существует прямых культурно-идеологических контактов (или их становится все меньше и меньше), а следовательно, культурного гегемонического вмешательства — установить реальное стратегические и экономическое сотрудничество с целью гегемонического раздела планеты между двумя завоевателями... Однако исламо-американское сотрудничество зиждется не только на молчаливом признании совпадения ограниченных объективных интересов. В равной мере оно зиждется на глубоком психологическом, философском и теологическом сходстве, порой неосознанном, способном преодолеть идеологически-культурные разногласия» (с. 305—306); стратегические союзы вообще редко основываются только на материальных факторах.

Еще М. Вебер отметил два аспекта общности между протестантизмом и исламом. Во-первых, он нашел много общего в их отношении к капиталистической этике. Во-вторых, обе цивилизации нацелены на искоренение предшествовавших им культур, история которых насчитывает несколько тысячелетий. Уничтожение других культур ведется во имя Писания, в исполнение божественного приказа завоевать и обратить

весь мир в свою веру. Исламисты и протестанты испытывают чувство превосходства по отношению к остальному миру и, видя в этом свое право и свой долг, стремятся любой ценой навязать свою истину и концепцию мироустройства человечеству, включая католиков и православных, которое в глобальном масштабе рассматривается как «языческое» и «неверное». Мусульмане и протестанты слепо следуют букве своего Писания, которое почти заслоняет для них самого Бога, и он в таком случае, как писал франкмасон Ж. де Местр, становится химерой, в тысячу раз более чудовищной, чем Юпитер язычников. В результате они загоняют себя либо в узкий ритуализм, либо в либеральное и гедонистическое нарушение запретов.

Как и ислам, пуританство тяготеет к религиозно-политическому синтезу (эта тенденция отмечена в работе 1950 г. американского политолога Р.Б. Перри), в котором религия определяет политику. Религиозное видение мира и провиденциальной роли Америки определяло, как писал в 1983 г. А. Шлессинджер-младший, внешнюю политику США в XX в. от Вудро Вильсона до Рональда Рейгана и особенно антикоммунистический курс.

В отличие от пассивных европейцев, американские лидеры усвоили наставления Сунь-цзы. Последним препятствием к установлению планетарной капиталистической синархии — новой формы тоталитаризма — они верно считают нации. Сознание общей идентичности сплачивает народы, упрочивая их дух сопротивления. «Если гордящийся своей цивилизацией европеец может восстать против “американской тоталитарной демократии” и построить однажды политическую “Великую Европу”, “европейскую конфедерацию”, о которой говорил Франсуа Миттеран и которой так страшится Вашингтон, европеец, подвергшийся лоботомии децибелами афро-американских труб и сведенный мультикультурализмом к состоянию анонимности, окажется совершенно неспособен на это, будучи целиком поглощен проблемами своей индивидуальной идентичности и своими наркотическими патологиями» (с. 311). Поэтому для европейских адептов религии «Мировой деревни» настало время понять: они обслуживают политико-экономические интересы враждебных Европе сил, являясь «полезными идиотами» для американского капитализма и его союзника исламского империализма (того, что корреспондент газеты «Le Monde» Ж.-П. Перонсель-Югоз обозначил одним словом «Исламерика»). Настало время для ответственных европейских политиков и их советников по вопросам обороны и стратегии осознать наличие угрозы, исходящей от такого сверхмощного современного оружия,

как MTV, M6, Fun Radio, NRJ, McDonald и Голливуд, а также то, что это оружие намного более опасно для государств и народов, чем когда-то Сталин и Гитлер (с. 311).

Цивилизация *McWorld* и исламизм взаимозависимы. Эпикурейская американская культура служит приверженцам Мухаммада символическим антитезисом, на отвержении которого они основывают свою моральную, духовную и политическую легитимность, а цивилизации *McWorld* исламизм нужен как объект мнимого крестового похода (раньше таким объектом был коммунизм), чтобы оправдать свою гегемонию в качестве (лже)защитника.

Исламизм стремится заполнить моральную, социальную, идеологическую и культурную пустоту американизированной Европы. В то же время он является реакцией-возмездием на ослабление европейской цивилизации, которая была прежде не только врагом, но и моделью. Ведь тот, кто обладает силой (пусть даже завоеватель), всегда внушает уважение. С VII до начала XX в. Европа и ислам боролись друг с другом, но и признавали цивилизационные силу и ценность друг друга. С ослаблением Европы очарование уступило место презрению со стороны мусульманского мира.

Если даже цивилизация *McWorld* победит в Европе, успех США окажется недолговечным. Рано или поздно эта цивилизация обречена на саморазрушение — по самой своей глубоко антитрадиционной и разнородной, а значит, хрупкой природе. «Материалистическая и гедонистическая цивилизация не может существовать долго, так как постепенное разрушение естественных организмов, таких как семья, и полное искоренение гражданского и морального духа, необходимого для социального сплочения и выживания наций, неотвратимо ведут к самоуничтожению и коллективному самоубийству. Более того, духовная и демографическая пустота неизбежно привлекает новое население и новые формы верования. Сила исламистского проекта заключается именно в заполнении этого духовного вакуума Запада» (с. 316).

Некоторые возражат, что не надо преувеличивать степень упадка. Дель Валь отрицает свою принадлежность к пессимистам. У Европы есть чем ответить на нависшие над ней угрозы, и сделать это еще не поздно. В наличии — целый арсенал политических, культурных и социальных мер, которые можно принять. Однако проблема — не в средствах, а в воле. Прежде чем начать реагировать на внешние опасности, необходимо вырвать корень психологического и морального упадка Европы. «В конечном счете европеец стоит только перед одним выбором: либо исламиза-

ция, либо возвращение к духовным ценностям своих предков. Он делает выбор в зависимости от того, как собирается бороться с упадком и американизацией — *исчезая или становясь самим собой...*» (с. 317).

К.А. Фурсов

**ЛАБЕВЬЕР Р.
ДОЛЛАРЫ ТЕРРОРА:
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ИСЛАМИСТЫ
LABÉVIÈRE R.
Les dollars de la terreur: Les États-Unis et les islamistes. —
P.: Bernard Grasset, 1999. — 439 p.**

Книга главного редактора «Radio France Internationale» посвящена подъему исламизма в мире в 90-е годы и роли в нем ЦРУ США.

7 августа 1998 г. в Найроби близ посольства США взорвался грузовик, в результате чего погибли 263 человека, из них 12 американцев. В это же время прогремел взрыв в Дар-эс-Саламе, также возле американского посольства. Итог: 10 убитых, но американцев среди них не было. Ответственность за террористические акты взяла на себя «Исламская армия освобождения мусульманских святых мест».

«Независимо от фактов, которые установит расследование ФБР, последовавшая сразу же реакция США и поспешно предложенные ими объяснения подчеркивают их замешательство перед лицом роста угрозы, механизм которой привели в действие они сами с конца Второй мировой войны. Кульминация этой политики имела место во время войны в Афганистане (1979–1986), в которой Советская армия противостояла мириадам партизанских групп, поспешно окрещенных западной прессой “борцами за свободу”. С помощью саудовских и пакистанских секретных служб ЦРУ вооружило и обучило участников афганского сопротивления, которые окажутся самыми радикальными исламистами в мире» (с. 14–15). (Автор придерживается определения исламизма, данного востоковедом М. Родэнсоном: «Вдохновляемое исламом политическое движение, стремящееся посредством религии решить все социальные и политиче-

ские проблемы и одновременно восстановить полноту догм» (сноска на с. 15).

Преследуя краткосрочную цель, пентагонские стратеги сделали тогда ставку на ислам, не думая о возможных негативных последствиях. Последние наступили очень скоро: война в Персидском заливе, рассматривавшаяся американцами как полицейская акция, нанесла арабомусульманскому миру серьезную травму. Именно с этого времени вооруженный ислаимзм начал попытки освободиться от своего покровителя и обратить оружие против него. Этот процесс начался с теракта в Нью-Йорке 26 февраля 1993 г. Однако и после войны в Заливе США не потеряли «отцовских рефлексов» и продолжают проводить такую политику, которая способствует взрыву ислаимзма в различных формах.

США начали поощрять ислаимзм, имея перед собой три основные цели: обеспечить себе источники энергетических ресурсов Персидского залива; резко ослабить арабский национализм; нанести поражение СССР в Афганистане.

Реализация первой цели берет начало с «пакта “Куинси”», заключенного президентом Ф.Д. Рузвельтом с маликом¹ Саудовской Аравии Абд-уль-Азизом 14 февраля 1945 г. на борту американского крейсера. Малик обещал снабжать США нефтью в больших количествах по умеренным ценам (в Саудовской Аравии сосредоточено 26% ее разведанных мировых запасов). В обмен президент гарантировал Саудам безоговорочную защиту от любой возможной внешней угрозы. В целом было установлено почти исключительное партнерство двух стран в сфере экономики. Обратной стороной американского экономического благоприятствования Саудам стало невмешательство США во внутренние дела страны. Обычно проявляющие громкую активность в вопросах прав человека повсюду в мире, в случае Саудовской Аравии американские администрация и СМИ хранят молчание. По словам одного европейского дипломата, самая могущественная либеральная демократия оказалась союзницей режима абсолютной монархии, к тому же одного из наиболее обскурантистских в мире.

«Пакт “Куинси”» привел к перелому в истории международных отношений. «Выгеснив британское влияние, этот пакт утвердил Соеди-

¹ Арабский термин «малик» («правитель») обычно переводят на европейские языки как «король», а «мамлака» (страна, которой правит малик) — как «королевство». Однако неправомерно использовать термины с иным, европейским, содержанием для обозначения социальных явлений (арабского) Востока. — Прим. реф.

ненные Штаты в качестве доминирующего партнера в ближневосточной игре – в ущерб европейским государствам. Наконец, он узаконил сделку, условия которой сохраняются до сих пор и могут и будут служить образцом для других соглашений того же типа, особенно в Средней Азии» (с. 40). Заключение пакта 1945 г. в конечном счете сделало США и Саудовскую Аравию покровителями исламизма.

Второй целью США было нанесение удара по арабскому национализму. После отказа США помочь Насеру в строительстве Асуанской плотины американо-египетские отношения стали ухудшаться. Президент Л. Джонсон отдал предпочтение в арабском мире режимам нефтяных монархий, отношения с которыми посчитал экономически более выгодными. Насер стал все больше склоняться в сторону Москвы, от которой получил не только техническую, но и военную помощь. Поэтому США стали искать противовес Насеру и арабскому национализму и нашли его в лице исламистов.

Толчок росту в арабских странах исламистских организаций дала молниеносная победа Израиля в июньской войне 1967 г. Крупнейшей из таких организаций были «Братья-мусульмане», основанные еще в 1928 г. Х. аль-Банной и С. Кутбом. Эти лидеры выступали за воссоединение политики и религии. Стратегия братства включала отказ от сотрудничества со светскими «безбожными» властями и использование «законного насилия». С 1956 г. ЦРУ наряду с саудовским маликом Файсалом начало финансировать «Братьев». «Братья-мусульмане» стали «материнской организацией» для большинства современных исламистских движений в мире и постепенно обзавелись связями во многих арабских странах. Исламистская идеология не предлагает альтернативы территориальному национализму (за редкими исключениями вроде алжирского «Исламского фронта спасения» или турецкого «Рефаха»). Выступая за существовавшие на заре ислама порядки, исламисты отвергают «нахда» – реформистское движение возрождения в исламе, находившееся под влиянием европейского Просвещения. Как утверждается в ряде основополагающих исламистских текстов, сама национальная идея «безбожна» и является дьявольским изобретением «неверных» с целью расколоть единство уммы (сообщества мусульман).

Тем не менее вопрос территории жизненно важен, и исламистская идеология решает его, склоняясь в конфликтных ситуациях к территориальному разделу и образованию пусть все новых, но чисто мусульманских, властных организмов. Такой курс устраивает и США, которые при его реализации получают новые рынки, в то время как государства – их

потенциальные конкуренты — уменьшаются в размерах. Американцы активно разыгрывали исламскую карту в процессе «сдерживания» коммунизма. В этом они опирались на Пакистан, Саудовскую Аравию и Турцию. Однако и после развала социалистического блока эта стратегия не потеряла для США актуальности: ставкой в их новой игре является центр Евразии — очень богатый сырьем регион. Главным соперником США в борьбе за этот регион остается Россия, и задача США — преградить ей выход к теплым морям и не допустить ее объединения с Европейским Союзом. Это требует не только укрепления сфер влияния трех мусульманских союзников США, но и успешного продвижения исламистской идеологии.

Третья цель, которую преследовали США, начав поощрять исламизм, — нанести поражение СССР, введшему войска в Афганистан. Однако в конце XX в. у США появилась еще одна важная цель, достижение которой также предполагало использование исламистов. Речь идет о глобализации. Автор проводит параллель между экономическим и финансовым развитием глобализации и развитием международного/исламистского терроризма. Терроризм является полноценным интегральным элементом процессов экономических и социальных изменений, которые трансформируют сегодня мировой порядок. Геополитические формы, в которые отливается исламистская идеология, обретают полную экономическую рентабельность с помощью статичных и архаичных порядков. Герои этой идеологии, выступающие «по совместительству» охранниками завершающейся неолиберальной глобализации, «стали субподрядчиками американского влияния в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке» (с. 57). Огромную роль в этом играет тот факт, что исламисты лишены каких бы то ни было национальных и государственных корней.

«Приватизацию» исламистского терроризма и взаимопроникновение экономических программ и военных акций в совершенстве воплощает бывший саудиец миллиардер У. бин Ладин. По словам одного дипломата, через транснациональную организацию бин Ладина развивается новый вид терроризма — биржа наемников, управляемая законами рынка, где ислам выступает в качестве лучшего алиби. Ядро этих наемников составляют «афганцы» ЦРУ — наследие «холодной войны» и одновременно один из фундаментов современной организованной преступности.

Вооруженные и обученные американцами боевики-исламисты (около 10 тыс. арабских добровольцев) сыграли важную роль в победе США в Афганистане. Затем они рассеялись по миру, чтобы принять уча-

стие в других «священных войнах». В 90-е годы деятельность «афганцев» ощутили многие страны, например, Египет, Босния, Хорватия, Франция.

Важной фигурой в создании «афганских» сетей в 80-х годах был палестинец А. Азам, член международной ветви «Братьев-мусульман». В 1980 г. он занялся в Пешаваре вербовкой арабских добровольцев — будущих афганских муджахидов. К концу джихада он стал его почти неоспоримым вождем, но в 1989 г. был убит Моссадом. Азам теологически обосновал участие в священной войне как одну из основных обязанностей всякого правоверного мусульманина. Согласно развитой Азамом теории «кругов близости», если одно мусульманское государство не может в одиночку справиться со своими врагами, ближайшее к нему мусульманское государство обязано помочь ему в джихаде. Если и их объединения сил недостаточно для победы, должны вмешаться следующие мусульманские соседи — и так, пока джихад не охватит, если потребуются, весь мусульманский мир. Поэтому исламисты вовсе не воспринимают операции в Афганистане изолированно, а считают их лишь этапом на пути к полному освобождению «дара-уль-ислам» (территории, где господствуют мусульмане), в том числе и от внутренних врагов — «безбожных» правительств ряда мусульманских стран (с. 79).

После окончания афганского джихада расползанию исламистского насилия способствовали товарищества муджахидов-ветеранов, финансируемые Лигой исламского мира. Эта организация была создана в 1962 г. Саудами с целью противодействия арабскому светскому национализму. Лига является мощным орудием по поддержанию доминирования Саудовской Аравии среди мусульманских сообществ мира. В настоящее время ключевую роль в Лиге играет принц Турции — глава секретных служб Саудовской Аравии.

В годы антисоветского джихада он контролировал организацию Азама, а через нее — вербовку муджахидов и их материально-техническое обеспечение. Осуществлял это Турки с помощью пакистанских коллег из Межведомственной разведки (МВР), имеющей репутацию самой эффективной спецслужбы «третьего мира». Именно МВР при поддержке Эр-Рияда и Вашингтона сформировала в 90-е годы новую исламистскую силу в Афганистане — движение «Талибан». Началась новая «Большая Игра» — за нефтяные и газовые запасы Средней Азии. Что касается «афганцев», то часть их примкнула к талибам, а часть вернулась в свои страны, чтобы реализовать на практике учение Азама.

Одним из важнейших убежищ «афганцев» стал Судан. В июне 1989 г. генерал У. аль-Башир произвел в Судане военный переворот, приведя к власти исламистов. Реальным руководителем страны стал Х. ат-Тураби, лидер Национального исламского фронта (НИФ). В 1991 г. по его инициативе в Хартуме был созван съезд исламистских организаций Африки, Азии и Европы, на котором была предпринята попытка их объединения. Однако, по мнению французского исламоведа О. Руа, подобного рода международные террористические структуры нежизнеспособны: каждая группировка руководствуется прежде всего внутренней логикой политических событий своей страны. По-настоящему наднациональными являются сети финансирования и снабжения, а не командования (с. 88).

В самом Судане исламисты (НИФ), придя к власти, самым активным образом использовали открывшиеся финансовые возможности. Как и в других местах, исламизм здесь часто сочетается с различными формами теневой деловой активности (*affairisme*), и от широкомасштабной программы приватизации, осуществленной новой властью, особенно выиграли связанные с ней дельцы. Их тесные связи с афганскими группировками способствовали превращению Судана в один из перевалочных пунктов отмывания прибылей от сбыта афганского опия. Расцвела и торговля оружием с Восточной Африкой, а также с Йеменом, где входящая в правящую коалицию партия «аль-Ислах» является дочерней организацией «Братьев-мусульман» и приютила несколько сот «афганцев».

Однако скоро «афганцы» стали претендовать в Йемене на господство как в торговой, так и в религиозной жизни страны. Это привело к тому, что в 1995–1997 гг. значительная часть их была изгнана. Часть «афганцев» уехала в Сомали, часть вернулась в Афганистан. Тем не менее часть все-таки осталась в лагерях на севере страны: «аль-Ислах» надеется использовать их в борьбе за исламское государство (с. 95–96). Они пользуются поддержкой и бин Ладина.

Раздираемую гражданской войной Сомали, где государственных структур больше не существует, «афганцы» превратили в одно из своих «охотничьих угодий». Страна поделена на зоны воюющих друг с другом полевых командиров, в ней процветают все виды нелегальной торговли и рабство. Здесь «афганцы» (около 400 человек) обосновались, вступив в союз с исламистами «Сомалийского исламского союза» и кланом Айид. Сотрудничая с преступными сетями, «афганцы» участвуют в торговле наркотиком кат, автомобилями.

Автор выделяет три постоянные составляющие деятельности «афганцев». Во-первых, теологическо-политические следы рождения движения во время афганской «священной войны», когда произошло соединение идеологии «Братьев-мусульман» с ваххабизмом. Осуществлено оно было под руководством принца Турки, Азама, МВР и ЦРУ (обеспечивавшего движение в материально-техническом и финансовом плане). Во-вторых, военно-идеологический комплекс «афганцев» занимается различными нелегальными видами бизнеса; это тоже поощряется американскими спецслужбами, которые не желают нести все расходы сами. Здесь дело также не обходится без «Братьев» и саудовских финансистов, а нередко — (полу)преступных финансовых структур. В-третьих, на всех уровнях исламистского здания присутствует У. бин Ладин. Выступавший последовательно в качестве финансиста, полевого командира, политического деятеля и проповедника, он является чистым продуктом американских спецслужб.

Бин Ладин родился в 1956 г. в Мекке в семье выходца из Хадрамаута. Его отец стал близким другом семьи Саудов и создал одну из крупнейших на Ближнем Востоке компаний по строительству и общественным работам. Однако Усама не пошел по стопам отца-подрядчика, а принял участие в афганском джихаде. Вступив в контакт с ЦРУ, он стал для него незаменимым посредником в переправке муджахидам оружия.

По окончании «холодной войны» у Госдепартамента наместились глубокие разногласия с ЦРУ по вопросу о новой региональной конфигурации в Центральной Азии и той роли, которую могли сыграть в ней «афганцы». Однако на совещании в Пешаваре представители ЦРУ и принц Турки сошлись во мнении, что о разрыве связей с «афганцами» (ставшими столь полезным орудием) вопрос не стоит. ЦРУ стремилось сохранить свое присутствие в Афганистане, дававшем доступ к Средней Азии, которую американские нефтяные компании собираются превратить в энергетическое Эльдorado третьего тысячелетия. Поэтому и после 1992 г. бин Ладин продолжал (из Судана) поставки оружия Хикматьяру, а также управлял сбытом опиума из провинции Гильменд. Именно в этот период он получил славу «банкира джихада». Однако такая известность стала неудобной саудовским властям, и в 1994 г. они символически лишили бин Ладина подданства. В 1996 г. давление Египта и экономические санкции Совета Безопасности ООН заставили Судан также изменить отношение к бин Ладину. В мае 1996 г. он — под защитой саудовских спецслужб, получивших «зеленый свет» от ЦРУ, — уехал в Афганистан. Оттуда он объявил священную войну «несправедливым, преступ-

ным и тираническим» США. Однако это объявление не следует воспринимать серьезно. Показательно, что во время войны в Заливе бин Ладин не осудил действия США. Показательно также, что и после 1994 г. он продолжал регулярно встречаться с Турки и своими братьями, а вовсе не порвал с семьей, как утверждали саудовские власти (с. 112).

О деятельности семейной группы «Bin Ladin Organization» известно очень мало: она не публикует ежегодных отчетов. С 1980 г. у группы есть важный филиал в Женеве — «Saudi Investment Co.», отделения которого существуют в европейских и арабских странах, США и многих офшорных зонах. Две другие ветви империи бин Ладинов развились из двух холдингов — «Falken Ltd» (о-ва Кайман) и «Sico» (Кюрасао). Бин Ладины владеют также авиакомпанией. Если эта организационная схема даже не является криминальной сама по себе, она представляет собой хороший пример комплексного подхода к созданию обществ-ширм. Последние могут служить для маскировки того, что эксперты называют «законным финансированием» терроризма, своего рода «отмыванием наоборот», извлекающим пользу из всех банковских секретов.

В 1996 г. бин Ладин отправился в Афганистан, чтобы вернуться к участию в торговле опиумом. Для этого ему пришлось порвать с Хикматияром и наладить сотрудничество с «Талибаном». По-видимому, бин Ладин заключил с талибами сделку: в обмен на предоставление убежища он стал помогать режиму в финансовом отношении. Но свою ценность для ЦРУ бин Ладин не потерял. Он может сыграть ключевую роль в сложной проблеме престолонаследия малика Фахда.

В Саудовской Аравии господствует режим обскурантистской геронтократии, женщины в своих правах сведены к положению несовершеннолетних; каждый год в стране отрубают около 200 голов, а условия труда иностранных рабочих мало чем отличаются от каторжных. Однако в стране ширится недовольство явной проамериканской ориентацией Фахда, затронувшее и правящую семью. В частности, за ослабление американского контроля выступает сам наследный принц Абдулла. Он является главой могущественного союза племен Шаммар и командующим Национальной гвардией (40 тыс. бедуинов). Будучи строгим мусульманином, принц пользуется уважением религиозных кругов. Не ставя под сомнение сохранение проамериканской ориентации страны, он выступает за сближение Саудовской Аравии с Ираном, Сирией и за разрядку напряженности в отношениях с саддамхусейновским Ираком. Поэтому США предпочли бы видеть на троне его брата — принца Султана. Возглавляя клан Судайри и занимая с 1962 г. пост министра обороны,

Султан имеет репутацию посредственности и человека Вашингтона. За любовь к деньгам и роскоши он подвергается критике со стороны аливмов. Абдулла стал ограничивать его влияние, но Султан пользуется поддержкой своего клана — принцев Найифа (министра внутренних дел), Салмана (градоначальника Эр-Рияда и администратора заката) и Турки.

В условиях этого противостояния бин Ладин и его «афганцы» (около 3 тыс. боевиков на севере Йемена) могут сыграть чрезвычайно важную роль. Передислокация этих сил всегда происходила по инициативе Турки, находившегося в тесном контакте с ЦРУ. Именно с Судайри связаны деловые интересы бин Ладина. По словам одного европейского военного атташе в Персидском заливе, если в случае смерти Фахда между Национальной гвардией и кланом Судайри вспыхнет открытая война, именно йеменские боевики бин Ладина могут стать в этой игре «джоке-ром», который обеспечит американцам господство во всем регионе (с. 123). Вывод Лабевьера: «Даже сегодня Турки, вынужденный дружить с ЦРУ, и его секретные службы широко используют сети Усамы бин Ладина. И это несмотря на то, что федеральный трибунал Нью-Йорка выдал международный ордер на его арест... Учитывая тесные связи Соединенных Штатов с Саудовской Аравией, кажется непостижимым, что Усама бин Ладин остается неуловимым!» (с. 123).

Саудовский миллиардер пользуется материально-технической и финансовой поддержкой и «Братьев-мусульман». Поскольку это самая богатая и хорошо структурированная организация суннитского мира, в соприкосновение с «Братями» неизбежно входят все исламистские активисты.

Эту организацию серьезно изучает бывший председатель Верховного суда Каира М.С. аль-Ашмави. По его словам, следует различать подлинный ислам и политический ислам. Последний он характеризует как идеологию (сравнимую с фашизмом или нацизмом), угрожающую истинным мусульманским ценностям. Аль-Ашмави подчеркивает, что для исламистских лидеров, претендующих на монополизацию ислама, он является бизнесом. Эти дельцы используют имя религии для достижения любых своекорыстных целей.

Будучи социально-экономическими организмами, религиозные братства играют в Египте важную роль еще с XV в. Прекрасно приспособившись к основанным на родственных связях системам сельских общин и ремесленных цехов, они продолжают занимать командные позиции в обществе, несмотря на секуляризацию государственных институтов с XIX в. Укреплению «Братьев-мусульман» способствовала не только тра-

диция, но и конкретные исторические условия — противостояние сторонников и противников обновления ислама, британская оккупация и подъем фашизма в Италии, в котором «Братъев» привлекали корпоративские принципы и методы мобилизации. В 1933 г. «Братъя» приняли программу действий на случай прихода к власти, предусматривавшую принятие конституции, прямо вытекающей из Корана. На экономические воззрения «Братъев» сильно повлияла идеология итальянских фашистов и немецких нацистов. Популистское содержание программы организации отвечало устремлениям поддерживавших ее социальных групп — зажиточного крестьянства и городских средних слоев. Мерами по обретению влияния братства в массах стали не только пропаганда, но и организация коранического и технического образования; открытие диспансеров, спортивные клубов и культурных ассоциаций; создание важного сектора мелких промышленных и коммерческих предприятий. Благодаря этому к концу 30-х годов число членов братства достигло 500 тыс. человек (с. 135).

На политическую сцену «Братъя» впервые вышли в 1936 г. В 1942 г. они тайно создали военное отделение организации и приступили к террору (в частности, в 1945 г. ими был убит премьер-министр А. Махир). Поэтому на «Братъев» обрушились репрессии. Это привело к их активному участию в выступлениях против режима, завершившихся антимаонархической революцией «Свободных офицеров» 1952 г.

Придя к власти, «Офицеры» сначала сделали «Братьям» ряд уступок. Однако братство раскололось на три фракции: сторонники вооруженной борьбы за власть; сторонники союза с левыми; «реформисты» — сторонники давления на власть с целью постепенной исламизации страны. Насер воспользовался внутренним ослаблением «Братъев», чтобы избавиться от них. В 1954 г. он обрушил на исламистов массовые репрессии. Пришедший в 1970 г. к власти А. Садат разрешил исламистам вернуться в политику. Намереваясь положить конец партнерству с СССР, он рассчитывал на них как на противовес просоветскому крылу режима, но президент заплатил за эту рискованную политическую игру жизнью. После Кемп-Дэвидских переговоров 1978 г. «Братъя» резко критиковали Садата за соглашательский курс по отношению к Израилу, и именно их подозревали в организации его убийства в 1981 г.

Тактикой «Братъев» всегда было чередование при необходимости насилия (политических убийств) с легальной деятельностью. За лицемерие их прозвали «иезуитами ислама». «Совершенно очевидно, что слишком интересующиеся экономической и финансовой деятельностью брат-

ства наталкиваются на стену молчания и страха. Тем не менее с конца 20-х годов оно создало настоящую параллельную экономику» (с. 142). С началом экономической либерализации связанные с «Братьями» банки и компании частично вышли из подполья. Пытаясь лишить исламистов повода для критики, Садат и Мубарак сами поощряли возникновение «исламских финансов». Однако «это особое экономическое пространство постепенно превратилось в платформу противостояния экономическому и политическому строю Египта» (с. 143). Центральным экономическим инструментом «Братьев» является исламский банк «А.Т.». Председатель правления банка — бывший боевик «Братьев» Ю. Нада, который, согласно некоторым источникам, когда-то сотрудничал с «Абвером» (с. 148).

«Братья-мусульмане» имели немало контактов с агентами Третьего Райха, стремившимися к установлению связей с национально-освободительным движением английских и французских колоний. Сам аль-Банна выступал в качестве посредника между ними и будущими «Свободными офицерами». Другой член правления филиала, бывший журналист А.Х., весьма уважает Гитлера и сотрудничает с неонацистской организацией «Туле», призывая к воссоединению ислама и христианского Запада. Эта организация имеет давние связи с исламом, «интеллектуальным посредником» служат теории К. Хаусхофера, Хорбигера и Р. Генона. В неонацистской среде исламистские организации нашли щедрого спонсора — в лице швейцарского банкира Ф. Жему.

Прямое отношение к исламу имеют и спецслужбы США. Это стало возможным из-за фрагментации центра принятия решений во внешней политике США, что превратило ее в нечто похожее на тысячелистник. «В этой конфигурации центральную роль играют разведывательные службы, включая ЦРУ... Оно неоднократно сознательно преследовало собственные интересы, проводя собственную политику, независимую от всякого влияния президента и конгресса» (с. 173). Такая политика привела к скандалу «Ирангейт», после которого конгресс получил право запрашивать у спецслужб любую информацию об их деятельности.

Однако «Ирангейт» вовсе не положил конец той деятельности спецслужб, которая привела к нему. Извлеченный ими из скандала урок заключался в необходимости большей осторожности в действиях. На практике это проявилось в том, что спецслужбы стали прибегать к услугам посредников — связанных с ними бизнесменов. Тем самым с «Ирангейта» начался процесс «приватизации» внешней политики США. В этих условиях «никто не управляет процессом — до такой степени, что можно

вполне задаться вопросом о способности этой страны вести последовательную внешнюю политику» (с. 176). В связи с этим Лабевьер ставит вопрос: «Есть ли пилот в американском самолете?» Господствующая среди американцев уверенность в том, что они — «единственные победители в “холодной войне”, ставит американские элиты в положение акционера с контрольным пакетом акций, который хочет присвоить все дивиденды. Они охотно считают мир однополярным, который организуется исключительно вокруг американских стратегических, экономических, финансовых, коммерческих интересов. В неизбежно ограниченных рамках этой концепции, согласно которой “все, что хорошо для Соединенных Штатов, неминуемо хорошо для остального мира”, публичные и частные проводники американской внешней политики больше не делают различий между “внутри” и “снаружи”» (с. 182—183).

Эта позиция проявляется в весьма безапелляционных высказываниях. Так, в 1996 г. директор Вашингтонского института Р. Сатлофф заявил: «Как мировая сверхдержава, Соединенные Штаты имеют право (а часто и несут ответственность за это) на непоследовательность в подходе к таким явлениям, как исламизм, поскольку в конечном счете их политика должна быть эффективной» (с. 185—186). В таком случае, возражает Лабевьер, очень трудно оправдать дела, подобные «Ирангейту» или взрыву 1993 г. во Всемирном торговом центре. Ведь как установило ФБР, этот явно антиамериканский теракт организовал глава египетской «Гамаа исламия» шейх У. Абд-ур-Рахман, дорогу которому в США открыла виза, выданная ему сотрудником ЦРУ в Судане в обмен на услуги времен войны в Афганистане.

Экспертами по исламизму для Госдепартамента, Совета национальной безопасности и спецслужб выступают разные «фабрики мысли» типа Вашингтонского института или корпорации «Рэнд» и исследовательские центры американских университетов. В их среде существуют две школы мысли. Видным представителем одной из них является Д. Пайпс, рассматривающий исламизм как опасность для свободного мира. Апогея данный подход достиг в книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Другая школа (Дж. Эспозито, Дж. Энтелис, Г. Фуллер) считает, что исламизм представляет собой нечто вроде «теологии освобождения», с помощью которого ведется законная борьба против автократических и коррумпированных режимов. Представители этого направления ратуют за политический диалог с исламизмом. Однако, по мнению Лабевьера, не существует разрыва между вооруженной борьбой «исламизма у власти» (стремящегося к власти) и социальной

деятельностью «исламизма власти», набирающего силу в средних слоях и толкающего власть мирным путем ко все большей исламизации общества. И те и другие исламисты будут строго придерживаться принципа, по которому между мусульманами и неверными не может быть подлинного мира (с. 343–344).

Обе американские школы мысли имеют доступ к властям, спецслужбам и лобби. Несмотря на их разногласия, цель у них одна, призванная обеспечить прагматизм и эффективность американской политики. Они способствуют развитию «конфликтов низкой интенсивности» — театров действий по преимуществу вооруженных исламистских группировок. При этом защита прав человека и религиозных меньшинств служит алиби в преследовании экономических и финансовых интересов США, их корпораций или отдельных ведомств.

«Чтобы избежать повторения дел типа “Ирангейта”, американские спецслужбы и Пентагон передали значительную часть внешних операций в ведение частных обществ, деятельность которых не подпадает под контроль конгресса. Располагая важными и разнообразными источниками финансирования, большинство их заявляет о наличии капитала в несколько миллионов долларов. Хотя их руководители и служащие чаще всего являются отставными сотрудниками ЦРУ, спецназа или Пентагона, эти общества строго следят за тем, чтобы не показаться прямыми эманациями ЦРУ и Пентагона» (с. 207). Администрация США поощряет создание частных структур и агентств, выступающих в качестве его неформальных функциональных органов, поскольку, во-первых, в скандальных ситуациях удар на себя примут частные партнеры, а не правительство, а во-вторых, они же несут расходы по операциям. Для контактов с ними у Пентагона есть секретный орган — Командование специальных операций (Socom) — совершенно непроницаемая организация. Именно посредством нее американцы организовали тыловое обеспечение повстанцам Л. Кабилы против Мобуту в Заире, поставили средства связи П. Кагаме в Руанде.

«Мы уже лет десять являемся свидетелями возникновения американской тайной внешней политики. За коммунике Государственного департамента вырисовываются внешнеполитические действия, которые определенным образом противоречат позициям, официально объявленным правительством первой державы в мире. Налицо тайные “внешние политики” — именно так, во множественном числе, поскольку интересы разных агентств и частных субподрядчиков не всегда подчиняются одной линии поведения» (с. 210–211).

Пособником подъема исламизма США делает не только множественность их внешних политик, но и защита исключительно собственных краткосрочных экономических интересов. Еще один фактор подъема исламизма — поддержка США политики Израиля, направленной на раскол сил в стане его арабских противников. В начале 70-х годов израильская спецслужба внутренней безопасности и контрразведки «Шин-Бет» разработала план содействия возникновению исламистских организаций, способных если не ослабить и расколоть Организацию освобождения Палестины (ООП), то соперничать с ней. С этой целью «Шин-Бет» начала финансирование палестинского отделения «Братьев». Израиль разрешил исламистам виды деятельности, запрещенные им ООП, что привело к созданию шейхом А. Ясином движения «Хамас». Данная организация вступила в открытое соперничество с ООП и, в отличие от нее, выступает против всех планов мирного урегулирования. Этим исламисты напрямую обслуживают интересы правых израильтян. Вот почему Лабевьер назвал исламистов и сионистов «взаимодополняющими врагами» («ennemis complémentaires») (с. 224).

Проводя в жизнь принцип *divide et impera*, Израиль делает ставку на идеологию исламизма, а также исходит из правильной оценки Ирана как мощного фактора раскола мусульманского мира. Вот почему Израиль продавал Ирану оружие и во время ирано-иракской войны, и в 90-е годы. Следуя именно этому курсу, Израиль, бывший до того традиционным союзником шаха, в 70-е годы согласовал свою иранскую политику с политикой администрации Дж. Картера, которая в значительной мере содействовала исламской революции (с. 226).

Когда речь заходит об исламизме, все взгляды обращаются к Ирану. Поэтому возникает вопрос: как США могут поощрять и в иных случаях даже опираться на идеологию, святилищем которой остается страна, являющаяся, по их мнению, главным террористическим государством мира? Если взглянуть на демонизацию Ирана американцами в исторической перспективе, становится очевидным, что у истоков исламской революции стоит сам Вашингтон. Причиной этого было ухудшение американо-иранских отношений с начала 60-х годов из-за наращивания шахом военной мощи страны и его плана объединить расположенные по берегам Индийского океана государства в оборонительный союз, независимый ни от США, ни от СССР. Вашингтон мог с трудом терпеть такое открытое проявление независимости, особенно со стороны союзника, обладающего пятой по численности армией в мире. Ухудшение внутренней ситуации в Иране и опасность, что страна попадет под влияние Москвы, привели

к тому, что президент Дж. Картер предоставил свободу действий сторонникам «исламского решения».

Однако очень скоро исламисты выступили против США. Главной причиной захвата в 1979 г. американского посольства в Тегеране было то, что за предшествовавшие провозглашению республики месяцы оно превратилось в «параллельное правительство», средоточие шпионов и всякого рода консультантов, стремившихся проникнуть в административные органы и национальные предприятия Ирана. До смерти Хомейни в 1989 г. Иран действительно оставался нервным центром международного терроризма.

Однако еще до смерти имама иранские лидеры поняли, что такая политика ведет в тупик, особенно в экономическом отношении. После 1989 г. Тегеран по сути вернулся к политике шаха, у которой были две традиционные цели: сохранение единства полиэтнической страны и сохранение равновесия в регионе (необходимое условие торговли нефтью в Персидском заливе).

Тем не менее возникший в 80-е годы образ Ирана как государства-террориста не исчезает. Этот образ удобен и «долго будет служить для объяснения — столь же поспешного, сколь и упрощенного — причин всех террористических актов, внезапно произошедших где бы то ни было в мире. Серьезнее то, что иранское пугало будет длительное время заслонять внутренние истоки исламизма и его подлинных спонсоров — гораздо более опасных, чем экономически весьма ослабленный Иран... В самом деле, теракт против Всемирного торгового центра Нью-Йорка, совершенный 26 февраля 1993 г.; взрыв в том же году, повредивший штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли; убийства иностранцев, совершенные алжирскими ВИГ («Вооруженными исламскими группами». — Реф.); убийства туристов в Египте; нападение на центр военной подготовки в Эр-Рияде 13 ноября 1995 г. и взрыв на базе в Дахране в Саудовской Аравии 26 июня 1996 г. — все это каждый раз неминуемо приводит нас к суннитским террористическим сетям, состоящим из бывших муджахидов Афганистана, по большей части выпестованных ЦРУ и большую часть времени обучавшихся и финансировавшихся саудовскими или пакистанскими секретными службами, которые сами были созданы Соединенными Штатами!» (с. 236–237).

Несмотря на атаки, которым подвергаются американские солдаты в Саудовской Аравии, она остается партнером США. В то же время эта страна продолжает занимать центральное место в финансировании исламистских движений во всем мире. Саудовская Аравия — одна из бога-

тейших стран мира. Именно это делает ее весьма уязвимой. Слишком очевидны диспропорции в экономическом развитии арабских стран: ВВП на душу населения Саудовской Аравии в 30 раз превышает йеменский, в 10 раз — египетский, в 5 раз — сирийский. При этом ее население насчитывает 12 млн. человек (из них 4 млн. — иммигранты), тогда как население Йемена — 15 млн. человек (с. 254).

Неудивительно, что семья Саудов, распоряжающаяся страной как собственностью, стремится канализировать зависть своих соседей в другое русло, предпочитая влиять, а не вступать в конфронтацию. Чтобы силы вроде «Братьев-мусульман» не поставили под сомнение правомерность их власти, Саудам приходится занимать весь религиозный спектр исламского мира. Поэтому они, например, щедро финансируют исламские центры в Европе и пытаются установить свое влияние на ее мусульманские общины. Источником легитимности внутри и вне страны Саудам служит только ислам. Им приходится доказывать, что огромные богатства, в которых на фоне отсталости соседей купается их страна, тратятся и во славу ислама тоже. Между тем эти суммы намного меньше тех, которые от них как от добрых мусульман имеют право ожидать в виде помощи единоверцы. Поэтому Сауды уделяют значительное внимание как «мусульманской дипломатии», так и исламскому образу жизни своих подданных.

Орудиями «мусульманской дипломатии» Саудов служит целая сеть светских, религиозных, экономических, гуманитарных и политических организаций. Важнейшее место среди них принадлежит Организации исламской конференции (ОИК) — своего рода ООН мусульманского мира. Она была создана в 1969 г. в противовес неподконтрольной Саудам и слишком «социализирующей» Лиге арабских государств. После ввода советских войск в Афганистан ОИК призвала к «священной войне» с неверным захватчиком, позднее осудила «хомейнизм и шиитский активизм», а в 90-е годы поддерживала мусульман Боснии, Чечни и Косово. ОИК располагает рядом «технических агентств», главное из которых — Исламский банк развития (создан в 1973 г.). В частности, после наложения на Пакистан санкций в связи с его ядерными испытаниями этот банк увеличил ему ссуду со \$ 150 млн. до \$ 400 млн. (с. 259–260). Активна и Лига исламского мира. Другим рычагом влияния Саудовской Аравии является ее прямая финансовая помощь определенным странам (Египту, Сирии, Йемену). В подражание структурам ООН Саудовская Аравия создала Академию мусульманского права и Исламскую организацию по вопросам образования, науки и культуры (ISESCO) (основана в

1981 г.). Задуманная в противовес ЮНЕСКО, она, несмотря на свои призывы к «диалогу культур и цивилизаций», квалифицирует свою деятельность в таких терминах, как «противостояния» и «столкновения»; таким образом, ее создатели прекрасно понимают геополитический смысл своей культурной деятельности (с. 260).

Часть нефтяной ренты Саудовская Аравия направляет на финансирование 875 исламских центров и строительство мечетей по всему миру от Аргентины до Японии и Фиджи. Еще один рычаг влияния Саудов в мире — исламские банки, например «Дар-уль-Маль-уль-Исламий» и «Даллах-уль-Барака».

Исламская политика Саудов — чисто оборонительная. По словам одного дипломата, они руководствуются тремя принципами: 1) «прежде всего действовать без шума»; 2) «все можно купить»; 3) «оставьте нас в покое» (с. 268). В этом ключ к их поддержке исламизма.

В экономику Запада Саудовская Аравия вкладывает немало средств. Парадоксальным образом ваххабитские деньги причастны к процветанию светского западного «антимира», что служит предметом нападок на режим. Чтобы отвести от себя такие обвинения, Саудовская Аравия и финансирует радикальных исламистов. Это происходит с попустительства США, согласно условиям сделки которых с Саудами они не вмешиваются в их арабскую политику. Например, в 1998 г. Сауды перевели шейху Ясину \$ 25 млн. (с. 274). Хотя американским спецслужбам это было известно, они не помешали переводу денег. Более того, ЦРУ вместе с окружением Нетаньяху по сути защищает интересы «Хамаса». Совпадение здесь точки зрения Саудов с американской и израильской, естественно, никак не отражается в официальных заявлениях Саудовской Аравии. В то же время неизменными компонентами саудовской дипломатии остаются прагматизм и уважение силы. Это заставляет Саудов молчаливо признавать союз с Вашингтоном как незыблемую гарантию независимости монархии на международной арене.

Еще один пример совпадения интересов США и Саудовской Аравии — Афганистан, где спецслужбы этих стран ранее использовали исламистов в антикоммунистической войне, а теперь — в «новой большой игре», которую за океаном называют «главным интересом Америки». Контроль над Афганистаном — ключ к доступу к огромным богатствам Средней Азии. По разным оценкам, нефтяные запасы этого региона (вместе с Азербайджаном) составляют до 25 млрд. т (18% мировых резервов), а запасы туркменского газа — до 21 млрд. куб. м (10% мировых

резервов) (с. 302). К тому же регион богат хромом, серебром, свинцом и другими полезными ископаемыми.

После ухода советских войск ранее союзные муджахидские группировки начали гражданскую войну, а главные из них поддерживали в 1990 г. С. Хусайна против Саудовской Аравии и Пакистана. Поэтому МВР прекратила им всякую помощь. Она занялась формированием, вооружением отрядов талибов — студентов, изучавших суннитскую теологию. В октябре 1994 г. талибы без труда захватили Кандагар. Они должны были стать новым афганским орудием Пакистана — но не его одного. Пакистану «Талибан» должен был обеспечить стратегическую глубину перед лицом Индии. Саудовской Аравии — преграду для всякого продвижения проиранского шиизма. ЦРУ и вооруженной милиции нефтяных компаний США талибы должны были гарантировать прямой доступ к новым государствам Средней Азии — потенциальным поставщикам нефти и газа и рынкам сбыта оборудования.

«Как это часто бывало и прежде, ЦРУ и крупные нефтяные компании возобновили свои старые знакомства, поставив Государственный департамент уже перед свершившимся фактом... ЦРУ и службы безопасности “Unocal” предоставили оружие и военных инструкторов нескольким частям талибов, которые, таким образом, сражаются как за Аллаха, так и за бога доллара» (с. 300).

Благодаря таким мощным покровителям в сентябре 1995 г. талибы взяли Герат, а спустя год — Кабул, вытеснив на север коалицию противостоящих им сил во главе с таджикским генералом А.Ш. Масудом. В Афганистане и Пакистане продолжали появляться тренировочные лагеря террористов. США во время наступления «Талибана» по сути оказывали ему дипломатическую поддержку.

Однако, «серьезно недооценив вредоносность пакистано-талибского террористического убежища, его главного спонсора — саудийца Усамы бин Ладина — и его магрибских, египетских, йеменских, сомалийских и суданских сетей, ЦРУ затащило Соединенные Штаты в афганскую западню, что ознаменовалось терактами 7 августа 1998 г. С “Ирангейта” американские агентства реадаптировали свои методы работы, приватизировав свои службы “операций”, чтобы больше не быть пойманными в ловушку комиссиями конгресса. Тем не менее в талибском Афганистане при пособничестве Пакистана и Саудовской Аравии ЦРУ объективно создали условия для будущего “бин Ладингейта”» (с. 300—301). Это — результат начавшейся «новой Большой Игры» за Среднюю Азию и Каспийский регион.

Кроме экономического у «новой Большой Игры» есть и геополитическое измерение. В США прекрасно понимают: тот, кто завладеет ресурсами указанного региона, сможет оспаривать их мировую гегемонию. Сюда может вернуться Россия, может прийти начавший просыпаться Китай. «Даже если Соединенные Штаты сделали упор на использование самых радикальных местных исламистских группировок в качестве своих пешек, общая конфигурация не похожа ни на противостояние цивилизаций, по Хантингтону, ни на новую “холодную войну”, в ходе которой новые республики вернулись бы в лоно России. Развивающаяся модель отношений скорее приближается к классической схеме балансирования державы между разными государствами» (с. 304, 306).

В этой сложной ситуации американцы и пытаются использовать исламистов («афганцев», талибов) в качестве «сторожевых псов глобализации» (с. 249). Такая политика чревата трагедиями — подобными луксорской.

17 ноября 1997 г. шесть боевиков «Гамаа исламия» расстреляли в Луксоре 58 туристов, их гида и трех полицейских. Президент Х. Мубарак обвинил ряд европейских стран (Великобританию, Германию) в укрывательстве террористов, а ЦРУ — в их финансировании. Между тем частичная вина лежит на самих египетских властях. Именно А. Садат с помощью американцев открыл «ящик Пандоры» египетского исламизма, начав поощрять исламизацию экономики, систем образования и здравоохранения. Х. Мубарак пошел еще дальше, отдав исламистам целые сегменты общества, в то же время питая иллюзию, что государственный аппарат сохраняет безраздельный контроль над ним.

Наиболее рациональное объяснение луксорского теракта представили американские спецслужбы (уже после взрывов в Кении и Танзании): теракт — исполнение приказа из-за рубежа, данного с целью устроить сенсационную бойню, и причастен к нему бин Ладин. Незадолго перед терактом в Лондоне произошло примирение и объединение египетских «Гамаа» и «Джихада», подготовленное бин Ладином. Чтобы скрепить этот союз, исламисты и выбрали эффектную мишень.

В Египте исламизм будет иметь подпитку, пока продолжается репрессивная политика властей и пока не разрешится палестинская проблема. По мнению Лабевьера, единственным выходом из ближневосточного кризиса может стать прекращение США блокирования там мирного процесса, а Израилем — политики апартеида в отношении палестинцев.

Решение палестинской проблемы лишило бы исламистскую идеологию образа главного врага — монолитного Запада, безоговорочного

союзника радикального сионизма. Вообще, следствием подъема исламизма может стать не столько «столкновение цивилизаций», сколько укрепление сетей организованной преступности и — одновременно — крупных деловых сетей глобализованного капитализма. «Совокупность современных исламистских течений часто воспроизводит три этапа одной и той же эволюции: этап вооруженных группировок, превращающихся в мафиозные сети, которые, в свою очередь, стремятся рано или поздно реконвертироваться в респектабельном деловом мире. “Священная война”, определенно, разрешима в условиях глобализованного капитализма» (с. 341).

Следуя правилам партизанской войны, «афганцы» гибко меняют тактику, сообразуясь с разными условиями. Например, в крупнейшей мусульманской стране мира — Индонезии — они установили контроль над рядом социальных движений. Тем самым там возник «исламизм власти», с которым правящему политическому слою приходится считаться. С 80-х годов, пользуясь терпимостью властей, Саудовская Аравия развернула в Индонезии прозелитическую деятельность, давшую немалые плоды. К 90-м годам набрала силу реисламизация политической жизни. Видя крепнущий исламизм, политический класс все больше стремится к «исламизации сверху», беря пример с соседа — Малайзии.

В этой стране государство проводит официальную дискриминацию немусульман (составляющих 50% населения). Влияние находящегося у власти в Малайзии исламизма на мусульманские общины региона обусловлено тем, что страна добилась исключительных экономических успехов (с 1990 г. она имеет самые высокие темпы роста в развивающемся мире) (с. 350). Уверенность в экономических силах страны позволила ее премьер-министру М. Мухаммаду обвинить Запад в использовании ООН в качестве инструмента укрепления своего господства, а причиной 35%-ной девальвации ринггита назвать «еврейский заговор». К такой позиции с большим сочувствием относится Саудовская Аравия. Из малайзийского эльдорадо получают средства многие исламистские организации, например филиппинские.

На Филиппинах продолжается гражданская война: мусульмане юга требуют независимости. Среди их организаций — «Исламский фронт освобождения моро» и экстремистская группа «Абу Саяф», ведущая «священную войну» за создание исламского государства (лидер — А.А. Джанджалани; около 1 тыс. боевиков, среди них прошедшие лагеря талибов). По сведениям тайландской разведки, группировку финансиру-

ет бин Ладин через своего зятя М. Дж. Халифа. Другой источник средств исламистов — наркоторговля.

Вся филиппинская наркоторговля приносит, по некоторым данным, 70 млрд. франков в год, что составляет половину государственного бюджета страны (с. 356). «Уже на протяжении нескольких лет религиозная компонента ведущейся “Абу Саяфом” борьбы растворяется в деятельности, более близкой к широкомасштабному бандитизму, нежели революционному исламу. Сформированные “священной войной”, “новые афганцы” часто кончают в качестве наемников традиционных кругов организованной преступности... некоторые находят в религиозном алиби хорошее средство легитимации своей основной деятельности, представляющей собой просто-напросто бандитизм» (с. 356).

Филиппины — лишь одна из многих точек, связанных между собой «нарко-исламистскими» потоками. Другая точка — Мадагаскар. Благодаря наркоторговле здесь и на Реюньоне возникла «преступная элита» из шиитской общины ходжа, находящейся в стадии «предкартелизации». Это напоминает Колумбию 70-х годов и Мексику 80-х годов. Мадагаскар не только сам производит коноплю, но и играет роль перевалочного пункта для трех маршрутов переправки талибских и филиппинских наркотиков в Европу и Африку.

Еще одной страной, где происходит приватизация исламистской деятельности, растворяющейся в организованной преступности, является ЮАР. Уровень преступности в этой стране в шесть раз выше, чем в США, и в пять раз выше, чем в России. Безработица охватывает 33% населения. На одного полицейского приходится 10 сотрудников частных служб безопасности (с. 361). ЮАР — важная база международной наркоторговли. В годы апартеида полиция не занималась негритянскими бандами, поскольку их деятельность не затрагивала напрямую белое население. В результате в одной только Капской провинции сейчас насчитывается сотня банд на племенной основе, объединяющих до 100 тыс. человек (с. 362). Чтобы противостоять «картелизации» преступности в условиях нерешительного поведения властей, местные шиитские общины создали отряды самообороны. Однако, начав со «священной войны» против наркодельцов, к концу 90-х годов шииты стали наносить удары и по государственным структурам. Более того, в настоящее время они перешли к налаживанию контактов с «наркоисламистами»-суннитами.

Похожая ситуация сложилась в Нигере. Созданные здесь государством в 1992 г. Комитеты бдительности Тассары задумывались как вспомогательные ополчения для борьбы с повстанческой активностью туаре-

гов. Однако очень скоро эти хорошо вооруженные группировки превратились в мафиозные структуры. Пользуясь тяжелой социально-экономической ситуацией и неспособностью государства выполнять свои обязанности, многие государственные функции взяли на себя представительства «Братьев-мусульман». Этим они завоевали популярность среди беднейших слоев населения.

Ярким примером сращивания религиозного фанатизма с бандитизмом служит Алжир. Самопровозглашенные эмиры исламистов занимаются там грабежом, рэкетом и захватом земель и в глазах обездоленной части населения воплощают социальный успех. Силы безопасности сосредоточивают усилия на защите нефтяных и газовых предприятий и импорт-экспортного сектора и оставляют сельскую местность на попечение групп самозащиты, которые также начинают преследовать собственные цели. По словам Л. Мартинеса, «эмиры» вооруженных банд стремятся скорее изменить в свою пользу социальные отношения на подконтрольных им территориях, чем вести до победного конца борьбу с режимом, чтобы заменить его исламским государством» (с. 367). В этом их отличие от классических освободительных движений, цель которых — политические изменения в масштабе нации. «Параллелизм между приватизацией насилия и приватизацией экономики — если не вообще их взаимоналожение — становится практическим принципом. Таким образом, и без всякой религиозной конечной цели “джихад” превращается в высшей степени доходную деятельность. Он становится восприимчивым ко всякого рода “мафиозным отклонениям” и в конце концов вырождается в чистый бандитизм. Во многих случаях исламистская идеология работает как превосходная машина по обелению бандитизма во всех его формах» (с. 58).

Недавно у исламизма появилась совершенно новая база в Латинской Америке — «Исламо-латиноамериканский треугольник»; это территория на стыке границ Аргентины, Бразилии и Парагвая. Нелегальной торговле здесь способствуют близость водопада Игуасу, который посещают более 40 тыс. туристов в год (что затрудняет контроль властей за прибывающими), и сильная пересеченность местности водными потоками. Поэтому парагвайский город Сьюдад-дель-Эсте — латиноамериканская столица подделки и контрабанды оружия и взрывчатки. Через исламо-латиноамериканский треугольник, который служит штаб-квартирой не только латиноамериканских, но и китайских и ближневосточных мафий, проходит 80% колумбийского кокаина (с. 370).

Экономическая и финансовая глобализация способствует взаимопроникновению преступных и легальных структур. В качестве примера Лабевьер приводит визит бывшего премьер-министра Ливана Р. Харири в парагвайский город Сьюдад-дель-Эсте в 1997 г. по приглашению арабской общины. Среди сопровождавших его людей спецслужбы заметили близкого сотрудника бин Ладина. Это свидетельствует о том, что даже легальная деловая деятельность (Р. Харири — крупный бизнесмен) сопрягается с функционированием исламистских мафий, поскольку посредники в обеих областях — нередко одни и те же люди.

Центральную роль в утечке и отмывании капиталов по-прежнему играют швейцарские банки. Из \$ 500 млрд., покинувших Персидский залив, чтобы осесть в офшорных зонах, половина находится в Швейцарии (с. 373). Несмотря на ряд принятых в 90-е годы законов для выявления средств сомнительного характера, из-за неповоротливости судебной машины у подозреваемых остается время перевести эти деньги в другое место. Кроме того, генеральный прокурор страны К. дель Понте не скрывает, что ее интересует прежде всего борьба с русской и итальянской мафиями. «Такая иерархия приоритетов в борьбе с организованной преступностью носит в высшей степени политический характер. Незначительное усердие, демонстрируемое Швейцарией в деле международного антитеррористического сотрудничества, совершенно определенным образом обусловлено весом и значением саудовских финансов в швейцарском банковском секторе» (с. 375). Как сообщил автору один крупный швейцарский банкир, поскольку Швейцария конкурирует за капиталы с Лондоном и Люксембургом, она не заинтересована в том, чтобы докупать выгодным клиентам юридическими придирками (с. 376).

Другим удобным убежищем для средств исламистов служат офшорные зоны на периферии промышленно развитых стран. Создание таких зон поощряют США, следуя своей логике экономической дерегуляции. Привлекательность этих зон для преступников очевидна. Поэтому неудивительно, что с финансированием террористических сетей становится все труднее бороться. Исламизм и различные формы его организации извлекают большую выгоду из процесса глобализации экономики.

Как писал М. Родэнсон, ислам сам по себе вовсе не внушил своим adeptам склонности к торговле (его лидеры уже занимались торговлей до обращения, и мусульмане завоевали уже развитые в торговом отношении общества). Однако Лабевьер подчеркивает разницу между исламом и исламизмом. «Постулируемые последним мораль и порядок вещей ближе либеральной идеологии. Они легко согласуются с вытекающими из нее

экономическими моделями, теми самыми, которые Соединенные Штаты пытаются навязать всей планете» (с. 378).

Исламизм и аферизм всегда хорошо уживались. Большинство современных конфликтов, где играет роль ислам, имеют тенденцию к развитию по алжирскому сценарию. «В раю международной приватизированной “священной войны” “все покупается и все продается”. Там ликует саудовский миллиардер Усама бин Ладин, который изобрел терроризм, котирующийся на бирже... Сформированная в американской школе разведки, его основная идентичность — идентичность бизнесмена, и “священная война” — это его бизнес» (с. 378). «Реальный бог» исламистов, прячущийся за их «иллюзорным богом», — это финансы и теневые деловые операции.

Нерв исламизма — не ислам, а деньги. Не случайно в мусульманском мире исламистская идеология проявляет себя в первую очередь в самых современных секторах общества, наиболее открытых внешнему миру. «Эти различные выражения тотального политико-религиозного протеста не призывают к сохранению или восстановлению традиции, которой угрожает исторический прогресс. Наоборот, они основываются на этой эволюции, приспосабливаются к ее ритмам и присоединяются к ее наиболее передовым направлениям. Наследники Просвещения, Алена и Огюста Конта, мы слишком увлеклись идеей прогресса, т.е. развития по восходящей линии. Заперев реальность в различного рода формулировках гегельянского типа “современность рациональна, рациональность современна”, мы в нашем понимании Истории слишком пренебрегли ее неизбежными уловками, где каждый шаг вперед сопровождается рецидивом традиционных особенностей, где каждая модернизация воспроизводит архаизмы, считавшиеся забытыми, где каждый прогресс дублируется попятными движениями, которые свидетельствуют об упрочении неасимилируемого самосознания» (с. 379).

Поэтому, отвечая на исламизм ракетами, США не только бьют мимо цели, но и усиливают позиции исламистов. После терактов в Найроби и Дар-эс-Саламе 20 августа 1998 г. американский военно-морской флот обстрелял ракетами пять лагерей боевиков в Афганистане и фармацевтический завод «аш-Шифа» в Хартуме. По словам президента Б. Клинтона, указанные объекты сыграли ключевую роль в африканских терактах и использующие их террористы планируют новые акции. В результате расследования ФБР основным подозреваемым был объявлен бин Ладин. Он быстро получил репутацию «государственного врага № 1», что напоминает легенды, окружавшие Карлоса и Абу Нидаля. Ему

вообще стали приписывать всю террористическую деятельность, тогда как имело бы смысл задать вопросы, которые позволили бы выйти на истинных спонсоров этой деятельности.

В бомбардировке афганских лагерей остается много неясного — особенно относительно роли правительства Пакистана в ее подготовке. Согласно некоторым данным, ракетный удар американцев сопровождался авианалетом, а одна ракета упала в пакистанском Белуджистане. Представитель Пакистана в ООН заявил в Совете Безопасности о нарушении американцами воздушного пространства страны. Однако Клинтон и Олбрайт предупредили премьер-министра Н. Шарифа о готовящейся атаке. Вероятно, обращение в ООН было сделано правительством под давлением религиозных партий. В то же время арабские дипломаты задались таким вопросом: не пытались ли США одновременно нанести удар по ядерному полигону Пакистана?

Не все просто и в случае с Суданом. Как заявили представители США, завод «аш-Шифа» производил химическое оружие, причем для бин Ладина. Однако дело не столько в истории с химическим оружием. Собственником «аш-Шифа» является член оппозиции режиму ат-Тураби внутри НИФ, выступающей с еще более радикальных исламистских позиций. Весной 1998 г. отсутствие у правительства средств заставило Тураби пойти на мирные переговоры с анимистами и христианами Юга (богатого нефтью), с оружием в руках добивающимися отделения от Судана (их поддерживают американские спецслужбы). Против мира выступают крайние в НИФ: мир положит конец существованию их деловых сетей. Лидером крайних является Г.С. Атабани, снятый в 1997 г. с должности генерального секретаря НИФ. Именно он организовал теракты в Найроби и Дар-эс-Саламе, чтобы скомпрометировать Тураби и сорвать переговоры. Атабани — человек бин Ладина, который профинансировал его операции, но вовсе не был их «мозгом». Поэтому истинный смысл бомбардировки завода «аш-Шифа» заключался в том, что она была сигналом американцев экстремистам в НИФ, означавшим: США знают, кто в Судане препятствует переговорам и где находятся их экономические интересы.

При расследовании теракта в Найроби ФБР выявило связи бин Ладина с ЦРУ и Пентагоном. В результате этих разоблачений между ФБР и ЦРУ развернулась «война полиций». По мнению автора, скандал «бин-Ладингейт» уже начался. Именно реагируя на резкое ухудшение своей репутации, ЦРУ пытается реанимировать мирный процесс на Ближнем Востоке. Тем самым ведомство стремится выглядеть техниче-

ски и политически незаменимым в решении этой жизненно важной для США проблемы. Разумеется, это не остановит расследование ФБР, но смягчит политические последствия «бин-Ладингейта» (с. 430).

Лабевьер убежден, что методами ракетных обстрелов бороться с терроризмом бесполезно, — нужны иные средства. Прежде всего следует заключить специальную международную конвенцию по борьбе с финансированием терроризма. Среди предлагаемых механизмов борьбы — доступ следствия к банковским секретам и офшорным зонам. Причастными к терроризму следует признать все — как «нелегальные», так и «легальные» — средства его финансирования.

США до сих пор отвечают на терроризм занесением определенных государств в «черный список», наложением санкций на государства и обстрелами, подобными августовским 1998 г. «Сегодня эти меры — не только анахронизм, поскольку они опираются на устаревшее понятие “государственного терроризма”, тогда как современные террористические организации представляют собой международные сети, но и преследуют совсем иные цели, нежели антитеррористическая борьба. Партнеры Вашингтона давно поняли, что истинная цель этого устарелого арсенала — гораздо в большей степени экономическая, чем политическая.

На самом деле, за алиби антитеррористической борьбы, за удобным козлом отпущения “государства-изгоя” скрываются принципиальная священная доктрина защиты американских интересов, необъявленная торговая и финансовая война и тайная борьба за новые рынки» (с. 409—410).

Параллельно с борьбой против финансирования терроризма необходимо дать политический отпор исламистской идеологии. Особенно важно здесь не поступаться принципом разделения религиозной и политической сфер. Актуальность данной темы несомненна: в Европе сейчас немало людей с полным незнанием исламистской идеологии и комплексом бывших колонизаторов — если не полностью безответственной демагогией на тему «прав человека». Таких невежественных «попутчиков» Ленин называл «полезными идиотами». Подобные настроения весьма на руку исламистам, которые занялись в Европе настоящим интеллектуальным терроризмом, присвоив себе агрессивную монополию на «политически корректное» выражение ислама. Некоторые европейцы призывают к общинному партикуляризму, что может расшатать основы и республиканского строя, и самой демократии. Во Франции этот коммунализм нашел пылкого защитника в лице политолога Ф. Бюрга, автора книги «Лицом к лицу с исламом» (Р.: La Découverte, 1995). По сути,

Ф. Бюрга принимает и оправдывает идеологию движений, которые должен изучать. Лабевьер считает, что на самом деле исходный ислам — сконструированный исламистами миф, а соединения реальности с мифом уже бывали в истории (например, в нацистской идеологии). С оправданием исламизма Ф. Бюрга сочетает рассуждения о «непреодолимом упадке» Запада, выступает за отмену прав женщин во имя их «подлинного освобождения» и обвиняет левый лаицизм в партикуляризме. Лабевьер подчеркивает: «Лаицизм — великое завоевание человеческой свободы. Отделив политику от религии, он не только гарантировал существование нескольких вероисповеданий, но и дал доступ к политическому гражданству независимо от них» (с. 421).

Вопрос не столько в том, разрешим ли исламизм при демократии и лаицизме, — здесь ответ отрицательный. Вопрос скорее в том, разрешим ли исламизм в исламе. Мусульмане должны сами истолковать исходное послание (message) своей веры и решить, что сохранить, а что реформировать в четырнадцативековом наследии их истории и культуры. По мнению муфтия Марселя С. бин Шейха, распространенная ныне идея неотделимости государства от общества в исламе ложна, поскольку вытекает из интерпретации ислама патриархальным обществом. М.С. аль-Ашмави заявил автору, что Просвещение — достояние не одних европейцев, а всех свободных людей, поэтому многие мусульмане проводят все-таки грань между религией и политикой. Только так можно уберечь ислам от использования в целях наживы и жажды власти. Лабевьер настаивает, что, проведя разделение двух названных сфер, ислам не подчинится диктату западной культуры, а осуществит благотворное примирение с собственной историей (с. 422). Для эффективной борьбы с исламизмом автор призывает внимательно прочитать «Богословско-политический трактат» Б. Спинозы. В нем голландский философ отстаивал свободу мысли, указывая, что соединение церкви с государством недопустимо и что свобода сама гарантирует и права и обязанности.

К.А. Фурсов

**БРИЗАР Ж.-Ш., ДАСКЬЕ Г.
БИН ЛАДИН: ЗАПРЕЩЕННАЯ ПРАВДА
BRISARD J.-CH., DASQUIÉ G.
Ben Laden: La vérité interdite. – P.:
Denoël Impacts, 2001. – 333 p.**

Ж.-Ш. Бризар – бывший советник конгрессмена и сенатора США, отвечал за экономическую разведку одной транснациональной корпорации; сейчас – руководитель общества финансовых расследований. **Г. Даскье** – журналист, специализирующийся по геополитике и экономической разведке, главный редактор «Intelligence Online». Главный предмет их книги – финансовый фундамент террористической деятельности Усамы бин Ладина.

В 1994–1998 гг. США демонстрировали относительную благосклонность по отношению к афганскому режиму «Талибана». Они были заинтересованы в установлении в Афганистане сильной власти, контролирующей всю страну: Афганистан – ключ к энергетическим ресурсам Средней Азии. Интересы США совпали в Афганистане с интересами Пакистана и Саудовской Аравии. Для Пакистана в его противостоянии Индии необходим прочный тыл – дружественный Афганистан, управляемый «Талибаном». Это движение находилось под контролем Межведомственной разведки (МВР) Пакистана. Сауды добиваются расширения своего влияния посредством распространения ваххабизма, к которому близки взгляды талибов. К тому же и США, и Пакистан, и Сауды стремились не допустить превращения Афганистана в зону влияния Ирана.

В 1995 г. американская корпорация «Unocal» и саудовская «Delta Oil» договорились с президентом Туркменистана С. Ниязовым об экспорте из страны газа на сумму \$ 8 млрд. и о строительстве для этого га-

зопровода через Афганистан. «Начиная с этого периода, поддержка “Талибана” имеет не только геостратегический смысл, но и стала экономическим приоритетом» (с. 45). Именно тогда саудовские секретные службы начали обильное финансирование «Талибана». В 1996 г. Афганистан посетила помощник госсекретаря Р. Рэфел, фактически заявившая о поддержке США движения «Талибан». В самих США созданием благоприятного образа афганских фундаменталистов занимались два наиболее влиятельных исследовательских института в сфере внешней политики — Совет по международным отношениям и корпорация «Рэнд».

К 1997 г. казалось, что цель близка: талибы контролировали 90% Афганистана. Однако именно в 1997 г. отношения «Талибана» с США (и со всем миром) резко ухудшились. Талибы стали насаждать жесткие исламские порядки, и у них нашел убежище У. бин Ладин — один из руководителей суннитских фундаменталистов из Саудовской Аравии, которые еще за два года до этого объявили США своим главным врагом.

«Эволюция режима “Талибана” и дружба, которую он укрепляет с этими новыми врагами Америки, приходили во все большее противоречие с надеждами нефтяных компаний, департамента торговли и дипломатов» (с. 54). 7 августа 1998 г. у посольств США в Найроби и Дар-эс-Саламе прогремели взрывы, организованные бин Ладин. В ответ американцы выпустили 75 ракет по областям Хоста и Джалалабада, где находились тренировочные лагеря его организации «Аль-Каида», а также по фармацевтическому заводу в Судане (подозревали, что исламисты производят там химическое оружие). Лидер «Талибана» мулла М. Умар осудил удары. Тогда США разорвали отношения с талибами, а фирме «Unocal» пришлось свернуть свою деятельность в Афганистане.

Тем не менее ставки были слишком высоки, чтобы выходить из игры. Поэтому в 1999 г. Государственный департамент возобновил попытки договориться с «Талибаном», но до 2001 г. (до теракта в Нью-Йорке) так ничего конкретного и не добился.

По-иному сложились отношения США с Саудовской Аравией. «История королевства Саудовская Аравия — восточная версия союза сабли и кропила. На этом полуострове, ограниченном с запада Красным морем, а с востока — Персидским заливом, религия всегда играла решающую роль» (с. 83). Именно здесь в VII в. родился ислам. В XVIII в. эта территория попала под власть династии Саудов. К 1745 г. изгнанный из своего оазиса по причине критики мусульман за отступление от строгого следования Корану проповедник Мухаммад бин Абд-уль-Ваххаб нашел убежище в оазисе Дирия, где правил Мухаммад бин Сауд. «Рели-

гиозный деятель Ваххаб и воин Сауд, который даст стране свое имя, заключили священный союз, чтобы распространять дело Бога и наставлять верующих на его путь. С самого начала вера и власть оказались тесно связаны» (с. 85–86).

Под лозунгом очищения ислама бин Сауд за 40 лет завоевал весь Неджд, а его преемники вышли за его пределы. Однако две первые попытки объединения Аравии имели кратковременный успех. Современная Саудовская Аравия возникла благодаря потрясениям Первой мировой войны. В 1932 г. потомок М. бин Сауда Абд-уль-Азиз провозгласил свою власть во всем Неджде и Хиджазе. Роль конституции в новом государстве стал играть Коран. Монарх обладает безраздельной властью, а значительную роль при новом режиме играют алимы во главе с потомками Абд-уль-Ваххаба.

Первая нефтяная концессия в Аравии была предоставлена еще в 1923 г. британскому «Eastern and General Syndicate». Однако поскольку в то время в стране еще не обнаружили ни литра нефти, синдикат продали американской «Standard Oil Company of California» (нынешняя «Chevron») – сроком на 60 лет, с арендной платой в \$ 50 тыс. в год. К 1946 г. филиал компании в Саудовской Аравии назывался «Arabian and American Oil Company» («Aramco»), и долю в ее капитале имели «Texaco», «Standard Oil Company of New Jersey» (нынешняя «Exxon») и «Socony-Vacuum» (нынешняя «Mobil»).

С самого начала добычи нефти (с 1938 г.) председатель «Aramco» фактически являлся послом США в Саудовской Аравии, а компания взяла на себя роль технического модернизатора страны. В Дахране появилась военная база США, и американцы стали привилегированными партнерами саудовского монарха. С 50-х годов Саудовская Аравия заняла свое место в международном сообществе в условиях необычайного нефтяного бума.

«Aramco» контролирует более 95% саудовской нефти, а ее добыча постоянно растет (547 тыс. баррелей в день в 1950 г., 1 млн. – в 1980 г.) и дает 75% доходов страны (\$ 56 млн. в 1950 г., \$ 102 млрд. в 1980 г.) (с. 99). Такая зависимость от США сделала Саудов осторожными во внешней политике. И все же в нефтяном эмбарго 1973 г. роль Саудовской Аравии была решающей – как и ее роль в ОПЕК. В 1988 г. американские компании вышли из «Aramco», и она стала называться «Saudi Aramco» (ныне – крупнейшая в мире нефтяная корпорация). Однако это вовсе не было концом экономического империализма США в Персидском заливе: многие члены ее правления – американцы.

«Однако зло уже совершилось. Уже давно в королевстве песков что-то подгнило. Переход от верблюда бедуина к сияющему “Мерседес-600” эмира не произошел безболезненно для страны» (с. 101). Сверхбыстрая модернизация общества не могла не породить недовольство традиционалистов. Оно выплеснулось наружу, в частности, в 1979 г. в виде захвата мечети в Мекке. В 1991 г. Сауды поддержали США в их войне против Ирака, и чувства многих мусульман были оскорблены, когда они воочию увидели степень зависимости своей страны от США. Одновременно начались экономические трудности. Последние были в немалой степени связаны с тем, что члены правящего дома безвозмездно черпали из казны для собственных нужд. К тому же они сохраняют за собой ключевые государственные посты, далеко не всегда обладая компетентностью. В 1995 и 1996 гг. в стране произошли антиамериканские теракты.

«Королевская семья продолжает исполнять свой шпагат, по-прежнему оставаясь слабой перед лицом Соединенных Штатов, но в то же время демонстрируя относительную благосклонность к определенным интегритским движениям, таким как “Талибан”, которые проповедуют близкую к идеалу ваххабизма религиозную практику» (с. 105).

Понять роль Саудовской Аравии в экспансии радикальной формы исламизма позволяют три фактора: религиозный прозелитизм, банковская система как инструмент, дающий королевству возможность реализовать свои религиозные амбиции, и нефть как оружие устрашения Запада. Афганский конфликт был катализатором развития этих факторов и стоящих за ними интересов, позволивших расчистить путь радикальному исламу. Еще с 70-х годов Саудовская Аравия поддерживала исламистские суннитские движения, защищая свои нефтяные интересы, реагируя на подъем арабского национализма и вступив в противостояние с революционным Ираном. Неудивительно, что едва ли не все исламистские организации мира финансируются Саудовской Аравией напрямую либо посредством контролируемых ею исламских международных институтов — Организации исламской конференции (создана в 1970 г.), Лиги исламского мира (с 1962 г.) и особенно саудовских холдингов и банков.

«Будучи прекрасно интегрированной в капиталистическую систему», Саудовская Аравия «использует все ее пружины, причем настолько умело, что отныне ее капиталы стали необходимыми для нормального функционирования мировой экономики. Представляя собой энергетический резерв первостепенной важности, саудовское королевство в своей прозелитической деятельности пользуется покровительством нынешней сверхдержавы — Соединенных Штатов. Таким образом, маловероятно,

что в кратко- или среднесрочной перспективе будет поставлен предел распространению исламского фундаментализма, который является опорой групп, выступающих за крайние формы насилия, — таких как “Хамас” в Палестине, “Талибан” в Афганистане или ВИГ (“Вооруженные исламские группы”. — Реф.) в Алжире» (с. 111).

Усаму бин Ладина в некоторой степени сформировала именно данная политика. В 1978 г. по инициативе главы саудовских разведывательных служб принца Турки он создал организацию «Исламский легион» с целью экспорта воинствующего ислама в Афганистан. В этот период Саудовская Аравия снабжала бин Ладина средствами для его антисоветской деятельности. Что бы ни утверждали ее представители, эти связи сохранялись до совсем недавнего времени — несмотря на изгнание бин Ладина и приписанные ему многочисленные теракты.

Для финансирования воинствующего исламизма Саудовская Аравия создала обширную сеть исламских организаций, формальной целью которой являются благотворительность и взаимопомощь. На самом деле многие из них представляют собой центры вербовки или финансирования деятельности бин Ладина. Важнейшими являются Организация международной исламской помощи и Международная исламская организация помощи (создана в 1978 г.).

Неудивительно, что между Саудами и бин Ладином существует взаимная терпимость. Поэтому Сауды не сотрудничали с США в расследовании антиамериканских взрывов в своей стране и отказались предоставить свою территорию для американских войск во время ударов по Афганистану. Власти стремились не провоцировать исламских радикалов, а бин Ладин (несмотря на резкую критику им властей) — не ставить Саудовскую Аравию в неудобное положение, навлекая на нее гнев США. «Охотно говорят о “государственном терроризме” применительно к Ливии или Ирану. Саудовской Аравии в черных списках нет. Существует простое и достаточное основание для этого: она — незаменимый игрок на мировой нефтяной сцене. Если бы у нее не было нефти и финансов, она, вероятно, занимала бы в черном списке видное место...

Мы (Запад. — Реф.) долго закрывали глаза на эту ситуацию, чтобы лучше обеспечивать безопасность саудовского союзника. Тем самым мы позволили развиваться росткам фундаментализма, вышедшего из-под контроля, и отказались от какого бы то ни было давления на державу, которая и сегодня защищает то, что невозможно защищать, и позволяет этому существовать в политическом, материальном и финансовом отношениях» (с. 130–131).

Усама — не единственный представитель семьи бин Ладина, разделяющий радикальные исламистские взгляды. Его брат Махрус в 70-е годы прошел схожим с ним путем. Он сблизился с сирийской исламистской организацией «Братья-мусульмане» и в 1979 г. при подготовке захвата экстремистами мекканской мечети предоставил им грузовики для транспортировки оружия и, по-видимому, план мечети. Все участники этой операции были обезглавлены — кроме Махруса, которого отпустили. Это произошло благодаря привилегированному положению, которым пользуется семья бин Ладина в стране.

Основателем экономической империи бин Ладина был уроженец Йемена Мухаммад Авад, создавший в 1931 г. «Saudi BinLadin group» (SBG). Благодаря тесным связям с Саудами эта корпорация быстро стала одной из главных фирм в Саудовской Аравии. О себе бин Ладина в стране позволяет судить тот факт, что в течение многих лет они были единственными подрядчиками по ремонту святых мест в Мекке и Медине.

В обмен на благосклонность династии семья оказывает ей ценные услуги, например, обучает ее представителей началам финансового и торгового дела. Уже тридцать лет корпорация диверсифицирует свою деятельность, превратившись в конгломерат фирм. Кроме строительства SBG занимается инженерным делом, недвижимостью, оптовой торговлей, телекоммуникациями и образованием. Благодаря мощи SBG партнерские отношения с ней установили многие многонациональные компании. В прошлом в сфере строительства имело место сотрудничество одного из братьев Усамы и Дж. Буша-младшего.

Экономическое могущество SBG возросло с приходом в ее руководство сыновей основателя компании. В 1972—1988 гг. бразды правления империей находились в руках старшего сына Салима, который, по слухам, продавал оружие Ирану и афганским моджахедам. После его гибели в авиакатастрофе дела реально решают три других брата — Хасан, Яслам и Яхья. «Интересы бин Ладина настолько прочно связаны с интересами королевства, что поддержка семьи, которой прямо или косвенно пользовался Усама бин Ладина, могла существовать исключительно с благословения или как минимум при дружественном нейтралитете саудовского режима... Верность семье в королевстве означала также активное внесение вклада в осуществление его самых темных замыслов» (с. 155).

SBG включает большое количество подразделений и филиалов. Ее главные холдинги ведут дела в Саудовской Аравии, Египте, Иордании,

Ливане, ОАЭ, Малайзии, Сингапуре, Великобритании, Франции, Германии, Испании, Швейцарии, Канаде. Эти фирмы часто трудно идентифицировать из-за множества компаний-ширм, однако их связи свидетельствуют об их близости к разнообразным мошенническим сетям.

Что касается других финансовых организаций, причастных к террористической деятельности У. бин Ладина, то, по данным ЦРУ, это следующие: суданские «ash-Shamal Islamic Bank», «Gum Arabic Company Ltd» и «ash-Shifa», а также «Dubai Islamic Bank». С бин Ладинам связан также ряд крупных торговцев оружием и нефтью — Г. Фараун, М. Абдун-Нур, С. Искандер и др.

Особую роль играет шурин бин Ладина — глава одной из самых влиятельных саудовских семей, «банкир террора» Халид бин Махфуз (род. в 1928 г.). В 1989 г. малик Фахд назначил Х. бин Махфуза членом высшего совета «Aramco». К концу XX в. семья бин Махфузов стала одной из богатейших в мире (\$ 2,4 млрд. в 1999 г.) (с. 187). Их империя раскинулась по всему миру, а сферы ее деятельности включают банковское дело, земледелие, фармацевтику, производство телефонов и др.

Опираясь на три своих главных холдинга в Джидде — «National Commercial Bank» (NCB), «Nimir Petroleum Ltd» и «Saudi Economic and Development Company Ltd», бин Махфузы занимают ведущие позиции примерно в семидесяти странах по всему миру. В сферу нефтяных интересов бин Махфуза входят все основные зоны нефтедобычи — от Омана до Казахстана, и даже Венесуэла. В 1994 г. «Nimir Petroleum» присоединился к «Unocal» и «Delta Oil» в их попытках проникнуть на туркменский рынок энергосырья путем строительства трубопроводов через Афганистан. Бин Махфузу удалось завязать деловые связи и в США. Управляющий одного из филиалов NCB пакистанец С.М. Баарма является членом правления американской «Carlyle Group». В руководстве этого инвестиционного фонда немало людей из окружения президентов Бушей — и старшего и младшего. Наконец, Х. бин Махфуз был исполнительным директором «Bank of Credit and Commerce International» (BCCI), 20% капитала которого принадлежало его семье.

Эта организация находится в сердце финансовой системы, созданной спонсорами бин Ладина. Она была основана в 1972 г. пакистанцем А.Х. Абеди при поддержке и участии властей ОАЭ. Нефтяной кризис весьма способствовал развитию банка, и в 1988 г. у него насчитывалось 400 отделений в 73 странах. «Однако с самого начала BCCI предпочитает необычные способы финансирования, такие как займы без реальной

гарантии взамен платежей по капиталу, согласно приему *loan back*. Таким образом, основную выгоду от займов получали сами акционеры...» (с. 194). ВССИ занимался мошенническими операциями. Были выявлены связи банка с колумбийскими и панамскими наркодельцами, диктатором М. Норьегой и такими известными торговцами оружием, как Абу Нидаль, С. Наджм-уд-дин, А. Хашоги. Банк финансировал работы по созданию пакистанского ядерного оружия.

Основные прибыли получали семья пакистанских судовладельцев Гокаль, Г. Фараун, Х. бин Махфуз, бывший глава саудовской разведки К. Адхам. До 1990 г. вся эта деятельность банка оставалась безнаказанной благодаря его регистрации в странах, в которых закрывают глаза на капиталы сомнительного происхождения (один из холдингов банка был зарегистрирован в Люксембурге, а другой — на островах Кайман). В результате ВССИ недосчиталась \$ 5—10 млрд. В 1991 г. власти США, Великобритании, Франции, Испании, Швейцарии и Люксембурга осуществили ликвидацию банка. Окружной прокурор Нью-Йорка обвинил его руководство в мошенничестве, и банк обязали выплатить \$ 550 млн. штрафа (с. 201).

В 1999 г. американцы выявили факт трансфертов огромных средств NCB благотворительным организациям, близким к бин Ладину. Поэтому, чтобы репутация NCB не испортилась окончательно, в 2000 г. Сауды сместили бин Махфуза с поста главы банка и поместили его под надзор (в больницу в Таифе).

«Переплетение» связей семьи бин Махфузов и различных участников скандала с ВССИ, с одной стороны, и сетей Усамы бин Ладина — с другой, служит... доказательством пористости саудовской сферы финансов... Халид бин Махфуз воплощает банковскую жизнеспособность и мощь Саудовской Аравии. Источник его финансов мощи — непосредственно его государь, который в то же время является его лучшим клиентом. В этом королевстве с тысячами граней его роль заключалась в соучастии (в деятельности бин Ладина. — Реф.), тогда как королевская семья годами попустительствовала ему, если не была с ним в сговоре» (с. 225).

Теперь бин Ладин стал террористом, и от него надо отречься. Соответственно Халид бин Махфуз временно стал для Саудовской Аравии удобным орудием, с помощью которого она пыталась разрешить собственные противоречия, связанные с бин Ладином.

11 сентября 2001 г. бин Ладин положил конец длинной череде недоразумений и противоестественных союзов (которые тем не менее устраивали приверженцев радикального ислама). «Однако вопреки частым

утверждениям некоторых лиц, цель которых — обезопасить нефтяные монархии, столь щедрые по отношению к своим должникам, Усама бин Ладин не обнаруживает черты террористического главаря-экстремиста, который ослеплен фанатизмом, обуявшим его еще во время антисоветской войны... Этот сын из хорошей семьи довольствуется тем, что следует за судьбой своей страны и сражается оружием, которое вложили ему в руки мы сами» (с. 228). Речь идет о подрывной деятельности, партизанской войне и пропаганде.

Авторы убеждены, что рано или поздно Запад прозреет, и начнется процесс над террористами, их спонсорами и, возможно, государствами, предоставляющими им убежище и поддержку. «Менее вероятен процесс, который необходимо провести над теми, кто их вдохновляет и финансирует, — делом, негласно или из корысти» (с. 228).

К.А. Фурсов

ТАЛИБЫ, НАРКОТОРГОВЛЯ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В АФГАНИСТАНЕ В 1989–2002 гг.

1. MATINUDDIN K. The Taliban phenomenon: Afghanistan 1994–1997. With an afterword covering major events since 1997. – Oxford etc.: Oxford univ. press, 2002. – XVIII, 298 p.
2. BHATTACHARJI R. The narco-politics of Afganistan // Frontline. – Chennai, 2002. – Vol.19, № 1. – P.66–70.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. и падения просоветского режима Наджибуллы в 1992 г., констатирует К. Матинуддин (генерал-лейтенант армии Пакистана в отставке), война в стране — вопреки ожиданиям и надеждам многих — не закончилась. Благодаря тому, что во время антисоветского джихада этнические меньшинства Афганистана, прежде всего таджики, узбеки и хазарейцы, получили массовый доступ к оружию и военной технике, они впервые в афганской истории обрели возможность требовать своей доли в управлении страной (ранее они были исключены из этого процесса пуштунами, составляющими 43% населения) (1, с. 27). Попытки премьер-министра Пакистана М.Н. Шарифа примирить стороны успеха не имели, и джихад перерос в гражданскую войну, причем воевали друг с другом не только меньшинства, но и различные пуштунские группировки.

Установившие контроль над Кабулом глава таджикской партии «Джамиат-и-Ислами» Б. Раббани и генерал А.Ш. Масуд увязли в вооруженном конфликте с главой сильнейшей из пуштунских группировок «Хизб-и Ислами» Г. Хикматъяром. Раббани в качестве президента поддерживали только таджики, и власть Кабула над страной оставалась номинальной. Шесть северных провинций Афганистана со значительной долей узбекского населения контролировал узбекский генерал А. Дустум.

В Бамиане власть принадлежала группировке хазарейцев-шиитов «Хизб-э Вахдат», в Герате — союзнику Раббани М. Исмаилхану, а на пуштунском юге и востоке страны — в основном пуштунским полевым командирам и племенным вождям. К 1992 г. население Афганистана устало от бесконечной гражданской войны и жизни на грани голода. Популярность моджахидов падала: они не только не смогли восстановить мир в опустошенной войной стране, но и занялись вымогательствами и грабежом. Произошел экономический крах. Афганистан стал «несостоявшимся государством» (failed state), подобно Сомали, Руанде и Бурунди. Почти все государства игнорировали режим Раббани. В 1992–1994 гг. война унесла 45 тыс. жизней (1, с. 10). Однако в 1994 г. на сцену вышел совершенно новый участник — исламское движение «Талибан».

Движение «Талибан» возникло в мусульманских учебных заведениях на западе Пакистана. В некоторых из них формировались «религиозные группы, весьма жестко требовавшие проведения в жизнь того, что они считали истинными исламскими ценностями... Их догматический подход и нетерпимость к другим точкам зрения часто порождали фанатиков, которых набирали для осуществления операций за пределами страны» (1, с. 13). Толчок развитию мусульманского образования в Пакистане, финансировавшегося Пакистаном, Саудовской Аравией, Кувейтом и другими мусульманскими странами с консервативным режимом, дал генерал М. Зия-уль-Хак.

Талибан не понадобилось больших усилий, чтобы получить поддержку афганского населения: своей целью они провозгласили восстановление мира (тем более что талибы в основном пуштуны и сунниты, как и большинство населения). Лидером их движения стал ветеран джихада пуштун мулла М. Умар. В сентябре 1994 г. он собрал первые пять десятков талибов и получил оружие и транспортные средства от одного из полевых командиров. Задачами нового движения были названы: освобождение страны от власти соперничающих группировок, их разоружение (если потребуется — силой) и обеспечение соблюдения в стране законов ислама (1, с. 26).

Талибы сумели добиться популярности благодаря преданности своему делу, нестяжательству и быстрому способу отправления правосудия. К тому же они избегали кровопролития. Неудивительно, что до подхода к Кабулу талибы брали населенные пункты практически без боя. Рост поддержки населения позволил «Талибану» значительно увеличить свою армию (до 50 тыс. человек в 1997 г.) (2, с. 54). Мало кто считает, что учившиеся в Кветте афганские студенты смогли сами организовать

такое мощное движение, как «Талибан». Высказывались предположения, что талибам помогли пакистанская Межведомственная разведка, саудовское МВД и США. Напротив, автор настаивает, что убедительных доказательств такой помощи нет: хотя студенты сами не были способны организовать мощную армию, им помогли в этом только афганцы — бывшие муджахиды и военные-коммунисты.

Судя по чрезвычайно жесткому толкованию шариата талибами, их можно назвать экстремистами. Женщинам было запрещено получать образование и работать. Под страхом тюремного заключения при выходе на улицу они должны были надевать длинное покрывало, и их должен был сопровождать кто-то из родственников-мужчин. Мужчинам под страхом телесных наказаний и тюремного заключения было предписано носить длинные бороды и (вне дома) тюрбаны. Врачей заставляли отрубить вора́м кисти рук и ступни. Практиковались публичные казни убийц, часто осуществляемые родственниками убитых. Был наложен запрет на любые изображения, музыку и песни. Общая молитва стала обязательной, неучастие в ней каралось арестом.

Поскольку приоритетом для «Талибана» считалось восстановление мира, они не занимались и не смогли ни оживить разрушенную в результате двадцатилетней войны экономику, ни восстановить государственную структуру управления. Поэтому даже в мае 1997 г. по сути функционировал лишь руководящий орган движения — кандагарская шура (совет министров) во главе с муллой Умаром.

Главным источником доходов талибов являлась контрабанда различных товаров из ОАЭ в Пакистан, приносившая им огромную прибыль. Например, купленный за 22 тыс. рупий в Дубаи автомобиль продавался в Пакистане за 600 тыс. рупий (1, с. 56).

Немалый доход им приносила и наркоторговля, расцветшая еще во время джихада. Хотя формально «Талибан» запретил ее, запрет строго не соблюдался: выращивание мака — единственный источник средств существования значительной части населения, и талибы рисковали потерять его поддержку. К тому же продажу опи́я они облагали налогом в 15–30%, что приносило им годовой доход в \$ 15 млн. (при общей сумме бюджетных поступлений в \$ 80 млн.). Поэтому «Талибан» не выполнял условий соглашения с ООН по ликвидации маковых полей и наказанию наркоторговцев (1, с. 66). Афганистан в наши дни превратился в одну из двух крупнейших областей нелегального производства опиума в мире. При талибах опиум производился в 10 из 32 провинций страны — 2,2–2,3 тыс. т в год (40% мирового нелегального производства). По оценке

ООН, в 1997 г. на подконтрольной «Талибану» территории производили 96% афганского опиума; 4% — территории, контролируемые Раббани и Дустумом (1, с. 118).

Когда в октябре 2002 г. США и Великобритания начали войну против «Талибана», своей целью они объявили ликвидацию не только рассадника терроризма, но и очага производства наркотиков. Именно это последнее и не было выполнено. В немалой степени это связано с попытками Запада договориться с талибами до террористических актов 11 сентября 2001 г. Многонациональные энергетические компании были заинтересованы в проведении нефте- и газопроводов из Туркмении в Пакистан через Афганистан. Однако образ режима «Талибана» в глазах Запада сильно портили производство в Афганистане героина и опиума и их сбыт — не в последнюю очередь в Европу и США. Поэтому было необходимо заставить режим запретить производство наркотиков или хотя бы создать видимость этого. Программа ООН по международному контролю за наркотиками пошла по второму, более легкому, пути. Чиновники ООН сделали вывод, что если в 2000 г. в Афганистане было произведено 3276 т опиума, а в 2001 г. — всего 185 т (2, с. 70), то причина резкого падения производства наркотиков — данное руководством талибов обещание запретить его. Однако, во-первых, проведенное ООН инспектирование было весьма поверхностным, и конфискованное в сопредельных с Афганистаном странах количество афганских наркотиков позволяет утверждать: данные по 2001 г. сильно занижены. Во-вторых, хотя падение производства действительно имело место, произошло оно только благодаря сильной засухе. Отчасти поэтому группа экспертов из стран — возможных спонсоров строительства трубопроводов (США, Великобритания, Австралия, Бельгия), посетившая весной 2001 г. ряд подконтрольных талибам провинций Афганистана, не нашла там маковых полей. Отчасти же они увидели лишь то, что хотели видеть: в том же году индийский спутник зафиксировал наличие нескольких маковых зон в провинциях Нангархар и Гильменд, причем засуха привела к сокращению их площади в Нангархаре лишь на 30% (1, с. 69). Правда, строительство трубопровода при талибах все равно не началось.

Продвижение «Талибана» по стране шло следующим образом. В мае 1994 г. группа в 40–50 талибов захватила один из арсеналов Хикматьяра. Следующей успешной операцией стало освобождение в ноябре 1994 г. пакистанской торговой автоколонны, захваченной полевыми командирами близ Кандагара. Вскоре талибы ликвидировали все блокпосты полевых командиров между Чаманом и Кандагаром, на которых

взималась плата за провоз товаров. Этим «Талибан» снискал значительную популярность у населения Кандагара. В ноябре 1994 г. талибы захватили и сам Кандагар благодаря переходу на их сторону корпуса правительственных войск (2, с. 68). К январю 1995 г. движение контролировало семь провинций, а к осени их армия насчитывала уже 25 тыс. человек. К талибам присоединились немало пуштунов из пакистанского Пояса племен, которые не признают линии Дюранда и свободно пересекают границу.

Воспользовавшись соперничеством Хикматьяра и Раббани, талибы выбили первого из его оплота в Чарасьябе, в августе 1995 г. осадили Кабул, а в сентябре взяли Герат. Однако под Кабулом талибы простояли целый год, поскольку им противостояли панджшерцы Масуда — отличившаяся в годы джихада и хорошо организованная армия. В декабре 1995 г. Раббани попытался договориться с «Талибаном», но неудачно. В 1996 г. Масуд предпринял несколько операций против талибов, но в целом безуспешно. Не помог таджикам и союз с Хикматьяром. В сентябре 1996 г. под контроль «Талибана» перешла провинция Нангархар с Джалалабадом. Вследствие этого столица оказалась почти окруженной, и Раббани и Масуд оставили Кабул, тем более что к этому времени существенно изменилось соотношение сил Масуда и талибов в пользу последних (10 тыс. и 30 тыс. соответственно) (1, с. 88—89).

Однако с взятием Кабула триумфальное шествие талибов по стране закончилось. Они подошли к Гиндукушу, который четко делит Афганистан на две части. Когда продвижение «Талибана» стало угрожать территории узбека Дустума, он объединился с Масудом. В смене позиции Дустума, вероятно, сыграло роль и давление России и Узбекистана (1, с. 211). Но на подконтрольной Дустуму территории нарастало недовольство его коррупцией и nepотизмом. В мае 1997 г. к талибам перешел его генерал А. Малик, и Дустум бежал в Турцию. Однако Малик посчитал себя обделенным постами в правительстве талибов, которые к тому же настаивали на разоружении его войск. Поэтому буквально через три дня Малик обратил оружие против талибов и вытеснил их за Гиндукуш. Тяжелые потери «Талибан» понес и от группировки «Хизб-э Вахдат» в Бамиане. Через полгода Дустум восстановил свое влияние на севере. Война продолжалась, причем к 1999 г. антиталибские силы укрепили свои ряды, создав Объединенный исламский фронт спасения Афганистана во главе с Масудом. К осени война зашла в тупик: ни та, ни другая сторона не могла выбить противника с его позиций. Очевидным стал этнический раскол страны: против «Талибана», пользовавшегося поддержкой пуш-

тунских племен, боролись таджикское, узбекское и хазарейское меньшинства.

Несмотря на заявления о своем нейтралитете в этом конфликте, Пакистан все эти годы поддерживал «Талибан», оказывая ему моральную и дипломатическую поддержку, а также финансовую и техническую помощь в восстановлении магистрали Кандагар — Герат. По мнению К. Матин-уд-дина, слухи о военной помощи Пакистана талибам распространяли Раббани и Масуд. Он обвиняет их в черной неблагодарности: в течение 17 лет Пакистан дал убежище 3 млн. афганских беженцев, и именно премьер-министру Пакистана Раббани был обязан властью в Кабуле. Однако помощью талибам Пакистан выразил предпочтение пуштунам перед другими этносами, что, учитывая возросшую политическую роль таджиков, автор считает неблагоприятным.

В мае 1997 г. Пакистан официально признал администрацию талибов. Однако афганская война вовсе не закончилась. Новый режим нельзя было назвать пользующимся широкой поддержкой населения, пока власть в основном пуштунского «Талибана» не признали меньшинства. Примеру Пакистана последовали лишь Саудовская Аравия и ОАЭ. К тому же Пакистан не учел резко отрицательную реакцию Ирана и России. Главной причиной признания «Талибана» Пакистаном, по словам автора, было его стремление обеспечить доступ к нефтяным и газовым месторождениям Туркмении: талибы к 1997 г. контролировали 27 из 32 провинций Афганистана и столицу. К тому же они принадлежали к пуштунам — одному из народов Пакистана (2, с. 144).

Однако для Пакистана существовал и ряд аргументов против признания «Талибана»: как показал опыт англичан в XIX в. и СССР в XX в., попытки навязать свою волю свободолюбивым афганцам неизменно проваливаются; если бы «Талибану» стало выгодно, он мог легко поменять союзников; поддержка «Талибана» испортила отношения Пакистана с Ираном; поскольку талибы — крайние фундаменталисты, их религиозное рвение могло перекинуться на Пакистан. К. Матин-уд-дин подчеркивает, что для Пакистана правильнее было бы добиваться мира в Афганистане путем сотрудничества с ООН.

Другая страна, интересы которой затронул конфликт в Афганистане, — Иран, недовольный усилением пуштунов (2, с. 150). Поэтому Иран оказывал помощь антиталибским силам, в том числе военную (хотя официально отрицал это). Враждебность позиции Ирана по отношению к талибам усиливалась его стремлением направить торговый путь из Центральной Азии по собственной территории.

Соперничество Саудовской Аравии с Ираном считается одной из причин финансирования ею талибов.

США, которые после окончания афганского джихада прекратили финансирование муджахидов, сохранили стратегический интерес к региону: не дать центральноазиатским республикам стать государствами — клиентами России. Многие считают, что именно они подтолкнули «Талибан» к территориальным захватам. Тем не менее интерес США к Афганистану растет: именно американская фирма «Unocal» и саудовская «Delta» планировали построить нефте- и газотрубопроводы из Туркменистана через Афганистан. Отсюда — стремление Запада договориться с талибами.

Однако в августе 1998 г. отношения американцев с талибами серьезно ухудшились. США обвинили арабского террориста Усаму бин Ладина (укрывшегося у талибов) в организации взрывов у их посольств в Кении и Танзании. Однако «Талибан» отказался выдать бин Ладина, и по инициативе США ООН наложила на Афганистан экономические санкции.

Что касается бывших советских республик Центральной Азии, то эти страны (сохраняющие секуляристскую ориентацию) были обеспокоены соседством с фундаменталистским исламским режимом и признавали правительство Раббани. К тому же ясно, на чьей стороне симпатии Таджикистана и Узбекистана в по сути межэтническом афганском конфликте. Особую позицию занимала лишь Туркмения, готовая продавать газ Пакистану через Афганистан.

Проникновение экстремистских идей исламизма в стратегически и экономически важные для нее центральноазиатские республики не в интересах России, поэтому ее войска находились на таджико-афганской границе для предотвращения возможной угрозы вторжения исламистов. По соглашению Б. Ельцина с Раббани последний обещал не поддерживать противников правительства таджикского президента Э. Рахмонова, а Москва — оказывать Раббани и Масуду военную и экономическую помощь против талибов. Эта помощь составляла \$ 20 млн. ежемесячно (1, с. 176). В 1997 г. был заключен оборонительный союз между Россией и Китаем, что стало реакцией на оживление интереса США к региону Центральной Азии.

Индия заинтересована в плохих отношениях между Афганистаном и Пакистаном. «Индия снабжала иранское руководство ложной информацией, пытаясь убедить его, что “Талибан” создан Пакистаном по приказу Соединенных Штатов. Индийцы, по-видимому, сообщили иранцам,

что ни та ни другая страна не хочет иранского влияния в Афганистане... Главный интерес Нью-Дели в Афганистане и республиках Центральной Азии заключается в том, чтобы помешать Пакистану создать сплошной блок мусульманских стран, который дал бы Исламабаду стратегический тыл, в котором он нуждается, когда ему угрожает нападение Индии» (1, с. 180). Поэтому Индия переправляла Масуду часть вооружений российского производства, а индийские специалисты обслуживали его технику. Антиталибская позиция Индии продиктована и ее желанием получать газ из Центральной Азии (она не может рассчитывать на его получение через талибов), а также ее стремлением сохранить хорошие отношения с важными экономическими партнерами — Россией, Ираном и центральноазиатскими странами. Новая ось между Ираном, Индией и Россией возникла, чтобы сдерживать распространение влияния в Афганистане США, Саудовской Аравии и Пакистана.

Попытки Организации исламской конференции примирить враждующие стороны носили довольно вялый характер. Более значительные миротворческие усилия прилагала ООН. Однако идти на компромисс никто не собирался. Реально остановить войну могло лишь прекращение соседними державами продажи оружия афганцам. Во многом из-за укрывательства «Талибаном» бин Ладина даже в 1999 г. ООН продолжала признавать правительство Раббани.

Двадцать лет непрерывной войны нанесли Афганистану огромный социальный и экономический ущерб. На восстановление хозяйства необходимы миллиарды долларов. По оценке ООН, только на разминирование в 1997–2000 гг. потребовалось бы \$ 16,4 млн. (1, с. 202).

Относительно перспектив афганского конфликта (на конец 1999 г.) К. Матин-уд-дин выдвигает пять гипотез. 1. Наиболее вероятно возникновение патовой ситуации в результате продолжения войны. 2. Победа «Талибана» над северными противниками. Однако наступление длительного мира маловероятно: противники талибов продолжают сопротивление. 3. Успех миротворческих усилий ООН и соседних стран: создается коалиционное правительство. Однако в силу идеологических расхождений между «Талибаном» и другими группировками их бесконфликтное совместное нахождение у власти вряд ли продлилось бы долго. 4. Формирование в центре коалиционного правительства, но с ограниченными полномочиями: этнические регионы получают максимальную автономию. 5. Распад страны по границам расселения этносов в случае патовой ситуации в военной сфере (этому способствует то, что Афганистан всегда был слабоцентрализованным государством) (1, с. 213–215).

Ни один из указанных выше сценариев не осуществился. После терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне США и Великобритания свергли укрывавший бин Ладина режим «Талибана» военным путем. В мае 2002 г. надежды энергетических компаний начали сбываться: президенты Туркмении и Пакистана и глава переходного правительства Афганистана подписали соглашение о строительстве через афганскую территорию трубопровода длиной в 1,5 тыс. км. Однако проблема наркотиков не решена до сих пор — из-за того, что, пытаясь договориться с талибами, Запад сделал вид, что такой проблемы больше не существует. Поэтому теперь он «притворяется удивленным газетными заголовками, согласно которым в Афганистане может производиться около 3 тыс. т опиума. Это безразличие стало гарантом того, что наркотики продолжают играть господствующую роль в афганской политике благодаря своей способности приносить деньги» (2, с. 70).

К.А. Фурсов

После 11 сентября 2001 г.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВОЙНА ИЛИ МИР
Krieg oder Frieden im Nahen Osten // Intern. Politik. – Bonn,
2001. – N 8. – S. 1–38.
(Сводный реферат)

Inhalt

1. AL HASSAN BIN TALAL. Der Nahe Osten in der Krise. – S. 1–6.
2. AVINERI Sh. Ein Kompromiss liegt in weiter Ferne. – S. 7–13.
3. LAPID OT R. Der Status von Jerusalem. – S. 14–18.
4. YUCHTMAN-YAAR E. Der Friedensprozess in der öffentlichen Meinung Israels. – S. 19–22.
5. SHIKAKI KHALIL. Der Friedensprozess aus palästinensischer Sicht. – S. 23–28.
6. HADI, MAHDI ABDUL. Führungskrise in Palästina. – S. 29–30.
7. IBRAHIM F. Der Nahost-Konflikt im regionale Umfeld. – S. 31–38.

Аль Хасан бен Талал (1) (бывший кронпринц Иордании, президент Римского клуба, Амман) констатирует, что «Ближний Восток погружается в пучину беспощадного насилия и конфликтов, которым нет разумного объяснения... Создается впечатление, что он стал никчемным регионом мира, не способным выбраться из трясины кризиса и застоя» (1, с. 1).

Страны региона не могут сами урегулировать свои взаимоотношения. Необходимо разработать и реализовать крупномасштабную программу партнерства в интересах мира, безопасности и развития с обязательным участием международного сообщества государств. Ни одно государство региона не должно пытаться усилить свои позиции за счет другого. Все государства должны совместно защищать свои интересы, преследуя при этом цель упрочения всеобщей безопасности, стабильности и

благополучия. Всем становится ясно, что «необходим новый региональный порядок, включающий механизмы для его поддержания. Его контуры пока еще едва проглядывают в отдаленной перспективе, но от региональных и международных партнеров зависит, как будут проработаны детали и каково будет реальное воплощение этих идей. В нынешнем хаосе насилия важно не упустить эти шансы, не дать им потонуть в потоке взаимных обвинений и оскорблений, которых всегда найдется достаточно» (1, с. 4).

Важно понять, что арабско-израильский конфликт — это лишь одна из многих острых проблем, с которыми сталкивается Ближний Восток. Это и повсеместное распространение по региону оружия, и серьезные социально-экономические трудности, и острое внутриарабское соперничество. Необходимо создать специальный центр в регионе для поисков взаимоприемлемых решений. Восстановление Ближнего Востока в его роли «срединной земли» (*terra media*), зоны мира, безопасности и развития в значительной мере зависит от прекращения палестино-израильского противостояния. Противники мира, религиозные и националистические экстремисты с обеих сторон постоянно мешают сторонникам мира. Мешают им и внутренние разногласия, связанные с давлением избирателей в собственной стране. Поэтому сегодня ведется больше внутренних, чем внешних переговоров. Единственным выходом из этого тупика был бы прорыв в ходе переговоров в сочетании с осязаемым доказательством успешного хода мирного процесса.

Чрезвычайно важен вопрос об оружии массового поражения, он требует самого широкого обсуждения. Военные расходы — это еще один сложный вопрос. После войны в Персидском заливе регион потратил более 300 млрд. долл. на закупки оружия. Масштабы этих затрат становятся более ясными, если иметь в виду, что, по оценкам специалистов, для восстановления экономики всего региона в течение 10 лет потребуется всего 30 млрд. долл. США (1, с. 6).

При наличии таких предпосылок, как политическая воля и решимость заключить справедливый и прочный мир, «соединение капитала из зоны Персидского залива с арабской рабочей силой и израильской технологией могло бы привести к совместной деятельности на благо мира и безопасности в “*terra media*” Ближнего Востока. Завязывание тесных экономических отношений могло бы снизить риск возникновения конфликтов и повысить уровень благосостояния в регионе» (там же).

Ш. Авинери (2) (бывший генеральный директор МИД Израиля, профессор политологии Еврейского университета, Иерусалим) отмечает,

что летом 2000 г. казалось, что президент США Билл Клинтон, премьер-министр Израиля Эхуд Барак и глава Организации освобождения Палестины Ясир Арафат смогут прийти к согласию в ходе их встречи в Кемп-Дэвиде. Израильский премьер-министр сделал палестинцам самое великодушное предложение из всех когда-либо сделанных Израилем. Он согласился: 1) признать суверенное и независимое палестинское государство на 97% территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа; 2) ликвидировать значительное число израильских поселений; 3) передать палестинскому государству часть территории Израиля в качестве компенсации за земли еврейских поселений, которые останутся; 4) вывести войска с остальных оккупированных Израилем территорий, что позволило бы палестинцам территориально объединить Западный берег Иордана и сектор Газа; 5) пойти на компромисс о совместном использовании Иерусалима; 6) разделить полномочия на Храмовой горе, что практически переводило бы Храмовую гору под палестинский контроль; 7) разработать формулу, которая позволила бы некоторым беженцам 1948 г. возвратиться в Израиль (2, с. 8).

Правые в Израиле пришли в ярость и надеялись, что Арафат отвергнет эти предложения. Но большинство израильтян считали, что это приемлемая цена за мир. Многие комментаторы даже хвалили Барака за мужество, с которым он нарушил некоторые табу, в частности, в отношении Иерусалима. Поэтому отказ Арафата от соглашений удивил большинство израильтян. Жестокое насилие, к которому прибегли власти Палестинской автономии сразу же после прекращения переговоров, а также провокационный визит А. Шарона на Храмовую гору вызвали у многих израильтян впечатление, что договоренности в Осло, возможно, были ошибкой или, по крайней мере, изжили себя.

Решительный поворот в настроениях многих израильтян, который обеспечил победу А. Шарона на выборах 6 февраля 2001 г., произошел после того, как палестинцы выдвинули требование (на переговорах в Табе в январе 2001 г.), чтобы Израиль признал право всех палестинских беженцев 1948 г. на возвращение в Израиль. По опросам общественного мнения зимой 2001 г., большинство израильтян прониклись убеждением, что палестинцы, выдвигая такое требование достижения исторического компромисса, не отказались от своей цели разрушить еврейское государство.

Грубое насилие и террор со стороны палестинцев сразу после провала переговоров лишь усилили недоверие израильтян к Арафату. Если бомбы террористов-самоубийц взрываются в крупных израильских горо-

дах от Нетаньи и Хадеры до самого центра Тель-Авива и при этом Арафат не выступает с решительным осуждением, то образ Арафата-мироотворца все более тускнеет, замещаясь образом Арафата-террориста. Ответные удары Израиля вызвали в свою очередь схожее чувство ярости и ожесточение со стороны палестинцев.

Крах мирного процесса и вспышка насилия определили безоговорочную победу на выборах лидера правой партии Ликуд А. Шарона и создание самой странной большой коалиции в истории израильской политики – альянс партии Ликуд и Партии труда. Эта коалиция позволяет правительству опираться на широкую поддержку избирателей. Шарон утверждает, что попытка Барака достичь соглашений привела к обратному результату, поскольку он согласился вести переговоры о статусе Иерусалима и возвращении беженцев, хотя позиции сторон слишком далеки друг от друга. Вместо этого Шарон предлагает ряд ограниченных соглашений, сокращение израильского присутствия на оккупированных территориях и поддержку движения палестинцев к независимости. В ходе июльской встречи с президентом Дж. Бушем (2001) Шарон продемонстрировал карту, где были нанесены границы палестинского государства, которое он готов был бы признать. По плану Шарона территория этого государства была бы урезана, беженцы остались бы там, где они живут сейчас, а суверенитет этого государства был бы существенно ограничен. Трудно ожидать, что палестинцы примут такой вариант: они отвергли гораздо более выгодное для них предложение Барака.

Многие хотели бы более масштабного участия американцев: это, разумеется, палестинцы, некоторые левые в Израиле и, конечно, европейцы, которые понимают ограниченность своих возможностей. Но правительство Буша, очевидно, сделало из неудачи Клинтона в Кемп-Дэвиде вывод, что США все-таки не всемогущи и вынуждены проявлять осторожность. Американское вмешательство могло бы быть эффективным и убедительным, если бы существовала политическая воля с обеих сторон (как это было при заключении мирного договора между Египтом и Израилем в 1977–1978 гг.) или возникла бы явная угроза широкомасштабного вооруженного конфликта. Однако ни тот, ни другой сценарий пока неприменим.

Многие в Израиле считают, что отказ Арафата от договоренностей в Кемп-Дэвиде перечеркивает надежды на исторический компромисс с палестинцами. «Арафат совершил огромную историческую ошибку, которую можно было бы, пожалуй, сравнить лишь с катастрофическим отказом палестинцев принять в 1947 г. план ООН по разделению

Британской Палестины. Если бы палестинцы тогда приняли этот план, то 15 мая 1948 г. были бы созданы два государства — Израиль и независимая Палестина. Если бы Арафат принял в 2000 г. в Кемп-Дэвиде предложение Барака, это тоже привело бы к созданию палестинского государства вместо нынешнего состояния войны» (2, с. 13).

Рут Лапидот (3) (профессор международного права, Еврейский университет, Иерусалим) считает, что основные аспекты проблемы Иерусалима сегодня можно свести к следующим пунктам. 1. Национальные устремления Израиля и палестинцев противоречат друг другу, особенно в отношении суверенитета. Израиль претендует на весь город, палестинцы не менее решительно заявляют права по крайней мере на восточную часть города. Предметом разногласий остается и вопрос о том, содержит ли резолюция 242 Совета Безопасности ООН 1967 г. требование, чтобы Израиль покинул оккупированный им в 1967 г. Восточный Иерусалим. 2. В городе находится ряд наиболее почитаемых святых мест иудаизма, христианства и ислама. 3. Население Иерусалима очень разнородно, что требует особых договоренностей относительно городской администрации. 4. Какое бы решение ни было найдено в отношении границ, Иерусалим, вероятно, будет занимать срединное положение между Израилем и палестинской территорией. Для поддержания связей между городом и прилегающими к нему территориями необходимы специальные меры. 5. С этим городом связано много сильных эмоций, что осложняет достижение компромисса (3, с. 14).

Израильские притязания на Иерусалим основываются на том факте, что в 1948 г. Великобритания покинула Палестину, создав вакуум суверенитета. Правом заполнить такой вакуум обладало только законно действующее государство. В 1948 г. Израиль в порядке самообороны установил контроль над западной частью города и был, таким образом, уполномочен заполнить вакуум. Иордания же взяла под контроль восточные районы города в результате агрессии и поэтому не имела права на их аннексирование. В 1967 г. Израиль овладел восточной частью опять-таки в порядке самообороны и поэтому обладал правом на получение суверенитета над ней.

Согласно другим теориям суверенитет приостанавливается до тех пор, пока не будет найдено окончательное решение: либо Иерусалим по-прежнему считается объектом территориальной интернационализации (*corpus-separatum*), как это рекомендовалось Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 г., либо арабские палестинцы располагают полным правовым суверенитетом над всей Палестиной, включая Иерусалим.

Отклоняя израильские притязания, палестинцы ссылаются на резолюцию 242 Совета Безопасности ООН. В этой резолюции были сформулированы принципы, на основе которых должен решаться арабо-израильский конфликт: уход Израиля с территорий, оккупированных в 1967 г. (в арабском прочтении: уход со всех территорий, оккупированных в 1967 г.); установление надежных и признанных границ; взаимное признание; свободное использование международных водных путей в регионе; справедливое решение проблемы беженцев и принятие мер, обеспечивающих гарантии новых границ. Иерусалим как таковой в резолюции не упоминается. Международное сообщество не признало *de jure* суверенитета Израиля над Иерусалимом, хотя израильский контроль над западными районами считался практически признанным, в особенности применение израильского права и израильской юрисдикции. Большинство государств в ООН считают восточные районы оккупированными территориями.

Администрация Палестинской автономии *de facto* завладела большинством святых мест в Иерусалиме, и Иордания заявила, что сложит с себя свои функции, как только палестинцы получат контроль над Восточным Иерусалимом. Переговоры об окончательном статусе Иерусалима официально начались в 1996 г. и проходили главным образом в 2000 г., но достичь договоренности до сих пор не удалось.

Представляется возможным ряд некоторых компромиссных решений для Иерусалима: совместный, разделенный или кооперативный суверенитет над определенными территориями; функциональный суверенитет, т.е. суверенитет только для исполнения тех или иных функций; временное снятие претензий на суверенитет; договоренность о том, чтобы отказаться от согласования вопроса о суверенитете и произвести детальное разделение полномочий и сфер ответственности. Разные решения могли бы быть найдены для различных районов города.

В вопросе о святых местах нужно отдавать себе отчет, что многим людям трудно пойти на компромисс по этому пункту. Очень важно не допустить злоупотреблений религиозными чувствами в политических целях. При отсутствии обязательной для всех юридической формулы необходимо составить согласованный список святых мест, чтобы избежать чрезмерного увеличения их числа. В одном из документов ООН (1949) перечислялось 30 таких святынь в Иерусалиме, а в 2000 г. группа из трех экспертов насчитала уже 328 святынь (3, с. 17). Необходимо достичь договоренности о правах доступа к ним и совершения там богослужений, а также о защите от осквернения и других наносящих вред

действий. Эти договоренности должны уважать «исторический status quo» 1852 г., установленный Османской империей фирманом 1852 г. для небольшого числа христианских святынь, — режим, признаваемый как Израилем, так и палестинцами. В святых местах, которые почитаются представителями двух или более религий или конфессий, доступ и богослужения следует организовать таким образом, чтобы всем группам, считающим эти места святыми, разрешалось посещать их и молиться там. Обязательным требованием является взаимное уважение приверженцев разных исповеданий.

Учитывая разнородность населения города, где проживают представители 40 различных религиозных и этнических групп, можно было бы предусмотреть его деление на «районы» или «округа» с соответствующей автономией.

Взаимоотношения Иерусалима и его окраин следует урегулировать на основе прагматических соображений. Город является культурным центром как для израильтян, так и для палестинцев. Многие люди, проживающие за пределами города, в нем работают. Вопросы подъездных дорог, водоснабжения, очистки, отведения и регенерации сточных вод должны координироваться и решаться совместно с прилегающими к городу территориями. В силу этих причин Иерусалим не следует отрезать от его пригородов. Вне зависимости от политического статуса различных территорий, прилегающих к городу, необходимо поддерживать тесные технические, культурные, религиозные, экономические и социальные связи между Иерусалимом и окружающими его территориями.

Несмотря на всю сложность вопроса о статусе Иерусалима, город не станет препятствием на пути у тех, кто действительно стремится к компромиссу.

Э. Юхтман-Яар (4) (руководитель Центра исследований проблем мира имени Тами Штайнмеца, Тель-Авивский университет) анализирует результаты опросов общественного мнения Израиля относительно различных аспектов процесса мирного урегулирования. В течение первого периода правления Барака (май — июль 1999 г.) 63% населения поддерживали процесс, инициированный в Осло в 1993 г. 58% были убеждены, что он приведет к достижению прочного мира. К концу правления Барака (ноябрь 2000 г. — январь 2001 г.) отмечалось значительное снижение двух составляющих индекса Осло: масштабы поддержки снизились до 46%, а количество убежденных — до 33% (4, с. 19).

Данные, полученные в начальной фазе деятельности правительства Шарона (февраль — апрель 2001 г.), показывают, что тенденция сни-

жения обоих показателей продолжилась, хотя и в меньшей степени: соответственно — 43 и 28% (4, с. 20). Это означает, что сегодня очевидное большинство не поддерживает соглашений, достигнутых в Осло, а еще большее число израильтян им не верят.

В отличие от периода правления Барака значительное большинство населения Израиля (около 70%) сегодня поддерживает действующего премьера, хотя и понимает, что это связано с большими жертвами. Поддержка правительства Шарона, кажется, объясняется тем, что оно является правительством национального единства, а также убежденностью израильтян, что Шарон будет менее уступчив и менее наивен, чем Барак, на переговорах с палестинцами.

Граждан Израиля очень сильно затрагивают вопросы внешней политики и политики в области безопасности. При этом их электоральное поведение определяется в первую очередь позициями политических партий по данным проблемам. Это четко прослеживается при сравнении поведения избирателей левого и правого крыла, а также неопределившихся избирателей.

В начальный период правления Барака (с мая по июль 1999 г.) доля сторонников мирного процесса, начатого в Осло, составляла среди избирателей левого крыла 87%, среди избирателей правого крыла — 38 и среди неопределившихся избирателей — 63%. В начальный период правления Шарона эти показатели выглядели, соответственно, так: 65, 25 и 41% (4, с. 20–21). В целом можно сказать, что разрыв между избирателями левого и правого крыла сократился в сторону правых.

Установки и поведение израильских граждан зависят от степени их приверженности религиозным законам и вере. Степень поддержки мирного процесса как при Бараке, так и при Шароне находилась в обратной зависимости от степени религиозности: чем она выше, тем меньшим было одобрение (4, с. 21).

Группы сторонников и противников мирного процесса различаются, хотя и не столь заметно, также по социально-экономическим и демографическим признакам. Так, лица с высоким уровнем образования в большей степени поддерживают соглашения в Осло. На момент начала правления Барака доля его сторонников среди лиц с низким уровнем образования составляла 56%, среди лиц со средним уровнем образования — 62 и с высшим образованием — 70% (4, с. 22). Что касается демографических характеристик, то доля сторонников мирных соглашений зависела от возраста, хотя различия здесь относительно небольшие (от 5 до 10%). Небольшое, но стабильное различие было зафиксировано и между

полами. Так, доля сторонников среди женщин была немного выше (5–7%) (4, с. 22).

Итак, «типичный портрет сторонников Осло выглядит следующим образом: светский избиратель левого крыла с высоким социально-экономическим статусом. Среди них относительно много взрослых и пожилых людей, а также женщин. Портрет противников Осло выглядит так: религиозный или традиционалистский избиратель правого крыла с низким социально-экономическим статусом, молодой мужчина» (4, с. 22).

Халил Шикаки (5) (директор Палестинского центра политических исследований, Рамалла) отмечает, что провал переговоров в Кемп-Дэвиде и последовавшая за ним эскалация насилия перечеркнули надежды на мирное решение конфликта. Обе стороны по-разному трактуют эти события. Израильяне представляли Кемп-Дэвид как беспрецедентный компромисс, отвергнутый палестинцами. По их мнению, кампания насилия, развернутая палестинцами, показала их истинное лицо: они не желают признавать Израиль и не хотят заключать с ним мир.

Палестинцы ожидали, что подписание в 1993 г. в Осло Декларации о принципах мирного урегулирования приведет к окончанию оккупации и созданию палестинского государства. Но этого не произошло, и последующее насилие было вызвано утратой иллюзий. Они не могли более терпеть, что «Палестина превратилась в сотню мелких анклавов посреди контролируемой Израилем территории. Иными словами, мирный процесс воспринимался палестинцами как повод для Израиля, чтобы узаконить оккупацию, а не положить ей конец» (5, с. 23–24).

Внутренние палестинские и израильские дискуссии о провале переговоров в Кемп-Дэвиде, а также взрыв интифады выявляют три точки зрения. Согласно одной, неудача высветила антагонизм интересов, который нельзя преодолеть с помощью одной лишь дипломатии. Об этом свидетельствует упорное нежелание Израиля отказаться от аннексии значительной части Западного берега реки Иордан и арабского Восточного Иерусалима, а также от суверенитета над Храмовой горой, а с другой стороны, требование палестинцев о возвращении 4 млн. беженцев в Израиль. Такого мнения придерживаются правые группировки в Израиле, а также исламисты и национальная оппозиция в палестинском лагере. Вторая позиция: неудача в Кемп-Дэвиде — лишь временное явление. Она обусловлена недостатком времени, сложностью тематики, неверными представлениями и личностными факторами. Необходимо продолжать переговоры. Третья позиция: фиаско мирного процесса является

результатом четырех взаимосвязанных тенденций: фундаментальные структурные трудности, незавершенный характер соглашения, заключенного в Осло, внутриполитические факторы, а также проблематичная техника ведения переговоров.

«В течение 2000 г. палестинцы и израильтяне, — утверждает Шикаки, — вопреки ожиданиям достигли существенного прогресса по всем вопросам окончательного статуса, включая проблемы Иерусалима и беженцев. Однако в тот момент, когда этот исторический прогресс стал очевидным, ни одна из сторон не смогла его поддержать: Эхуду Бараку недолго оставалось исполнять свои полномочия, а Ясир Арафат и палестинское руководство были слишком слабы, чтобы поддержать мирный процесс. С обеих сторон в общественном мнении, возбужденном месяцами насилия и массированными столкновениями, возобладали воинственные настроения, что сильно ограничило свободу маневра для руководства. Цена окончания конфликта оказалась слишком высокой для обеих сторон» (5, с. 24–25).

Израильская политика массированного применения силы в сочетании с широкой системой коллективных наказаний, блокад и осад, разрушения домов, сельхозугодий, предприятий и другого имущества способствовала тому, что население поддержало интифаду.

Тем не менее, заключает Шикаки, «конфронтация и кровопролитие показали, что мир нельзя обеспечить ни насилием, ни военными акциями. Палестинцы действительно хотят положить конец насилию, поскольку именно они больше всего от этого страдают. Путь к миру начинается с возвращения обеих сторон к сотрудничеству под международным контролем, с прекращения строительства поселений на оккупированных палестинских территориях и возобновления переговоров, целью которых должно быть завершение конфликта, заключение и полная реализация договоренности о прочном мире» (5, с. 28).

Махди Абдул Хади (6) (председатель Палестинского научного общества по изучению международных отношений, Иерусалим) указывает на давнюю напряженность между так называемым «внутренним» и «внешним» палестинским руководством. В течение первого десятилетия оккупации «внутреннее» руководство почти полностью принадлежало традиционно влиятельным семьям и авторитетным личностям, которые нередко были крупными землевладельцами и до этого занимали влиятельные посты в иорданском правительстве. Во второе десятилетие все большее внимание стало уделяться руководству сопротивлением. На арену вышел второй тип «внутреннего» лидера, призванного зарождать

шимся национальным движением. Он пользовался поддержкой избранных местных советов и бургомистров, профсоюзов, «национальных фронтов», «национальных комитетов управления» и других организаций. «Внутреннее» руководство отвергло сотрудничество с оккупационными властями, в то время как «внешнее» руководство организовывало вооруженное сопротивление.

Во время переговоров в Осло роль главного посредника взял на себя председатель Организации освобождения Палестины (ООП) Я. Арафат. В 1994 г. была создана Администрация Палестинской автономии (АПА), и «внешнее» руководство ООП сначала даже при лояльной поддержке «внутреннего» руководства занялось формированием политической системы, постоянно сталкиваясь при этом с ограничениями, вызванными продолжавшейся израильской политикой обеспечения безопасности. Арафат в качестве первого «избранного» лидера АПА и председателя ООП обретал все большую исполнительную власть, которая требовалась для поднятия авторитета и укрепления собственной легитимности как на палестинских территориях, так и в регионе и в мире в целом. Обладая исключительной способностью манипулировать недовольными как внутри движения «Фатх», так и в руководстве ООП и АПА, Арафат сумел превратить всех своих коллег по правительству и политических партнеров в простых исполнителей своей воли. В то же время ему удалось подчинить не входящее ни в какие союзы палестинское руководство, которое могло бы создать основу для движения за многопартийную демократию и свободные выборы.

«Постоянный перенос выборов лишил “внутреннее” руководство возможности достичь легитимной альтернативы историческому руководству. К тому же тем самым поддерживалось намерение Арафата по введению “традиционного” арабского правления, при котором подобный вызов скорее характеризовался бы как “революционный” и “агитационный”, чем прогрессивный и демократический» (6, с. 30).

На протяжении существования палестинского национального движения важные различия в политической идеологии и стратегии нередко представлялись малозначительными, уступая приоритету «единства» всего движения. «Это подавление жизненно важных внутренних политических дискуссий внесло свой вклад в формирование такой политической культуры, при которой любая критика как руководства движения в целом, так и руководства политических групп типа “Фатх” или “Хамас” рассматривается как отклонение от палестинской цели национального освобождения. Таким образом, демократическая политика приравнива-

ется к непатриотическим действиям, что делает практически невозможными изменения на любом уровне и прежде всего в руководстве. В качестве лидера палестинского движения на протяжении более трех десятилетий Арафат волей-неволей превратился в символ Палестины и борьбы ее жителей за независимость. Но «единственный законный представитель» палестинского народа физически слаб, перед возглавляемым им движением встают все более сложные внутренние и внешние проблемы, а определенного преемника нет. Отсутствие перспектив для нынешнего антидемократического режима может в скором времени вызвать опасный кризис в руководстве, а возможно, даже кризис самого палестинского государства» (6, с. 30).

Ферхад Ибрагим (7) (профессор истории Западной Азии, Эрфуртский университет, Германия) отмечает, что политика арабских государств после заключения соглашения в Осло в 1993 г. была противоречивой: за исключением Египта и Иордании, все они отклоняли мирный процесс и, кроме того, отказали также в помощи палестинцам. «Региональная система» арабского мира как сеть взаимодействия полностью развалилась. Помимо этого, региональные объединения арабского мира в форме институтированной политической и экономической кооперации в силу расхождения интересов отдельных стран всегда была лишь благим пожеланием.

Египет, претендующий на роль главного посредника, хотя и поддерживает мирный процесс, был поражен его темпами. Когда заседания МЕНА — Экономической конференции стран Ближнего Востока и Северной Африки — приобрели реалистическую направленность, Египет начал играть блокирующую роль. МЕНА затрагивала двойной интерес Египта: с одной стороны, урегулирование арабо-израильского конфликта могло положить конец поступлению «мирных дивидендов» в размере 2,1 млрд. долл. в год, которые питают Египет с 1979 г., и он мог бы утратить свою функцию посредника и «пионера мира» с Израилем. С другой стороны, Египет опасался быть отодвинутым на периферию ближневосточного экономического рынка из-за своей слабой экономической структуры. Египетское правительство оказывало давление на Арафата с целью убедить его не принимать предложение Барака во время переговоров в Кемп-Дэвиде. Победа Шарона на выборах была использована Египтом как повод для цементирования «холодного мира» с Израилем. Политика Египта нацелена на словесную поддержку мирной политики, исходя из уверенности, что в обозримом будущем заключение мира между Палестиной и Израилем крайне маловероятно.

Позиция Сирии в некоторых аспектах схожа с египетской политикой. После провала израильско-палестинских переговоров Сирия укрепила в мнении, что Израиль хочет диктовать условия урегулирования своим арабским соседям. Эскалация насилия между Израилем и палестинцами ужесточила сирийскую позицию.

После своего вступления в должность новый сирийский президент Башар аль-Асад использует язык, который с начала мирного процесса применялся только радикалами и исламистами. Сирийский президент своим поведением пытается предотвратить ослабление позиций своей страны в регионе. Ливан остается центром сирийской региональной политики. Даже после вывода израильских войск Сирия сохраняет здесь свое военное присутствие и поддерживает Хезболлах.

Саудовская Аравия по внутривластным причинам и ради сохранения своей роли в регионе заняла решительную антиизраильскую позицию. Экономика Саудовской Аравии после войны в Персидском заливе находится в состоянии затяжного кризиса. «Дипломатия чековой книжки», которая в течение 30 лет была действенным инструментом региональной политики, не может быть использована в прежнем объеме. Поэтому в последние годы Саудовская Аравия пытается двигаться в общей упряжке с другими.

Иордания полагает, что расширение интифады и возможный исход палестинского населения с Западного берега реки Иордан представляет собой угрозу ее существованию. Король Абдаллах стремится в рамках политических реформ добиться соразмерного участия иорданских палестинцев в политической жизни страны в противовес возможному сопротивлению. Конечно, это может произойти лишь в том случае, если вопрос об идентичности, который оживленно обсуждался в Иордании после 1993 г., будет решен в пользу единой иорданской идентичности.

Арабские государства, которые непосредственно задействованы в конфликте, приветствуют посредничество США. Роль европейцев оценивается ими как второстепенная. Каирская конференция арабских государств на высшем уровне (октябрь 2000 г.) рассматривает мирный процесс — вопреки ряду неудач и откатов — как «стратегический вариант». Представляется, что мадридская формула «территории в обмен на мир» остается и далее основополагающей для мира в регионе. В настоящий момент, однако, речь идет о деэскалации насилия между палестинцами и Израилем. Предложения, выдвинутые Митчеллом, были приемлемы для палестинцев и арабских стран, поскольку в его докладе причина эскалации насилия возлагалась на обе стороны и предусматривалось обоюдное

и одновременное прекращение насилия в качестве условия для возобновления переговоров.

Ю.И. Комар

**КРЕНШОУ М.
ПОЧЕМУ АМЕРИКА?
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
CRENSHAW M.**

**Why America? The globalization of civil war // Current history.
— Philadelphia, 2001. — Vol. 100, N 650. — P. 425–432.**

Марта Креншоу (Веслеанский университет, США) называет атаку 11 сентября непривычным сочетанием знакомой тактики угонов самолетов, совершавшихся с 1968 г., и взрывов бомб самоубийцами, известных с 80-х годов; за последние 30 лет США были жертвой примерно 1/3 всех международных террористических актов.

Международный терроризм второй половины XX в. вначале ассоциировался с социальной революцией. Война во Вьетнаме уравнила вражду к США с антиимпериализмом и борьбой за национальное освобождение. Одновременно начались террористические кампании в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Европе, для которых были характерны захват заложников, нападения на дипломатов и гражданские самолеты. В Латинской Америке революционные организации, обычно вдохновляемые кубинским примером, обвиняли США в поддержке диктаторских режимов, которые они пытались свергнуть методом «городской партизанской войны». На Ближнем Востоке (после поражения в арабо-израильской войне 1967 г. и оккупации Израилем Западного берега и Газы) в 1968 г. Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) положил начало угону самолетов, захватив израильский лайнер. В 1970 г. НФОП угнал пять самолетов разных компаний, но, к счастью, пассажиры не пострадали. Затем произошли террористические акты радикальных палестинских группировок (многие кровавые), ставящих целью не только освобождение Палестины, но и революцию во всем араб-

ском мире. Палестинский пример вдохновлял и западноевропейских радикалов, но их террористические действия были пресечены в 80-е годы.

В 80-е годы террор не прекратился, но изменился благодаря победе исламской революции в Иране: он стал «религиозным терроризмом», его спонсировали и Иран, и Ливия. Превращение в заложников американских дипломатов в Тегеране — «явный успех государственного терроризма. Провал попытки освободить их силой — дополнительный удар по американскому престижу»; так открылись «новые проявления терроризма — открытое и преднамеренное вовлечение государства и его религиозное оправдание» (с. 427).

В 90-е годы, несмотря на изгнание Ирака из Кувейта в 1991 г. и окончание «холодной войны», возникла перспектива «нового терроризма» — децентрализованного, фанатичного, склонного к атакам, влекущим массовые жертвы. Новые методы проявились во взрывах во Всемирном торговом центре (1993) и Оклахома-сити (1995) в США, в газовой атаке в токийском метро (1995) в Японии, в нападениях на американские посольства (1998) в Восточной Африке. Наконец, худшие опасения американцев реализовались 11 сентября 2001 г.: «Терроризм 90-х годов во многом был предопределен войной в Персидском заливе и советским вторжением в Афганистан в декабре 1979 г. Послевоенные санкции против Ирака... мобилизовали антиамериканские настроения. Американская поддержка афганского сопротивления Советскому Союзу в 80-е годы и последующее пренебрежение к стране, ввергнутой в хаос... могли позволить “Талибану” захватить в 1996 г. власть» (с. 428). Исламисты приобретали боевой опыт в Афганистане, сражаясь против советских войск, затем возвращались на родину, где множились радикальные организации. После ухода советских войск из Афганистана в 1989 г. здесь создавались тренировочные лагеря для террористов со всего мира Усамой бин Ладинам и его организацией «Аль-Каида».

Хотя внешне терроризм оправдывается религиозными принципами, на деле его подталкивает американская поддержка режимов, против которых выступает исламская оппозиция. Прежде всего это относится к Египту и Саудовской Аравии¹. «Изображение США аморальным врагом оправдывает терроризм в глазах обездоленных, особенно лишенной жизненной перспективы молодежи, единственное образование которой — религия» (с. 429). Гнев молодежи перемещается с местных режимов на

¹ Автор ссылается на работу: Gerges F. *America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests?* — Cambridge: Cambr.univ. press, 1999.

США, но нельзя понять «Аль-Каиду», не понимая внутренней политики Египта и Саудовской Аравии, а теперь и большинства мусульманских стран.

Союз США с Египтом превратил Америку в мишень для исламских радикалов, стремящихся свергнуть режим президента Хосни Мубарака. В октябре 1995 г. духовный лидер экстремистской суннитской группы «Аль-джамаа аль-исламийа», действовавшей в Египте с конца 70-х годов, был признан виновным во взрыве во Всемирном торговом центре в 1993 г. Группа участвовала также в нескольких покушениях на Мубарака. За этот же взрыв был арестован в 1995 г. в Пакистане и выдан США египтянин Рамзи Юсеф, осужденный в 1998 г. на пожизненное заключение. Связи с Египтом прослеживаются и в руководстве «Аль-Каиды». Так, Айман аль-Завахири, основатель египетского «Исламского джихада», стал одним из главных сподвижников Усамы бин Ладина, присоединившись к «Аль-Каиде» в 1998 г. «Союз египетского “Исламского джихада” с “Аль-Каидой” может быть истолкован как следствие неспособности первого продолжать свои террористические акты в самом Египте» (с. 429).

Сложнее ситуация с Саудовской Аравией. Здесь, как и в Египте, американская поддержка правящего режима вызывала гнев местных диссидентов. Нападения на американских военнослужащих в Саудовской Аравии, приводившие к жертвам среди них и гражданского населения, происходили в 1995–1996 гг. Однако Саудовская Аравия сама поддерживала фундаменталистский ислам, была одним из немногих государств, признавших «Талибан», финансировала медресе в Пакистане, где «Аль-Каида» рекрутировала бойцов. Характерно, что 15 из 19 угонщиков самолетов 11 сентября были саудовскими подданными.

Усама бин Ладин привлек внимание американских спецслужб еще во время расследования взрыва 1993 г. в Нью-Йорке, хотя осталась неясной его роль в организации взрыва. В то же время хорошо известно, что он финансировал сопротивление советским войскам в Афганистане. Вернувшись на родину после их ухода, он начал борьбу против саудовских и американских интересов и был выслан в 1992 г. в Судан, откуда также был выслан по настоянию США и в 1996 г. уехал в Афганистан.

В 1997 г. со своей базы в пещерах Афганистана бин Ладин дал интервью CNN, провозгласив джихад против США в ответ на поддержку ими Израиля, американское военное присутствие в Саудовской Аравии и «агрессивное вмешательство» США, наносящее вред мусульманам во всем мире. В 1998 г. он объединился с египетским «Исламским джиха-

дом», создав Международный фронт исламской священной войны против евреев и крестоносцев. В феврале Фронт призвал атаковать гражданские и военные объекты США во всем мире, заставить их уйти из Саудовской Аравии и положить конец израильской оккупации Иерусалима; внимание фокусировалось на положении иракского народа, а не на палестинской проблеме. Призыв Фронта был амбициозно оформлен как фетва, которой обязаны повиноваться все мусульмане.

С 1996 г. американские спецслужбы расследовали деятельность бинладиновских агентов, летом 1998 г. 21 человек из них был арестован по обвинению в нападениях на войска США и ООН в Сомали в 1993 г. Тем не менее взрывы в американских посольствах в Кении и Танзании оказались неожиданностью. Одновременное нападение на посольства в разных странах свидетельствовало о «высокоорганизованном заговоре» (с. 431). США ответили бомбардировкой тренировочных лагерей «Аль-Каиды» в Афганистане и фармацевтической фабрики в Судане. Это было сигналом об американской решительности, но не нанесло серьезного ущерба «Аль-Каиде».

Следующее событие, выявившее существование международной террористической сети «Аль-Каиды», произошло в декабре 1999 г., когда была сорвана серия «заговоров тысячелетия». Случайный арест алжирца Ахмеда Рессама, приехавшего в США из Канады с целью взорвать аэропорт Лос-Анджелеса, показал, что ячейки «Аль-Каиды» действуют в Канаде и что они связаны с алжирской «Вооруженной исламской группой». Арест еще четверых алжирцев и их судебный процесс летом 2001 г. выявили, что все они тренировались в Афганистане. Ахмед Рессам описал децентрализованную организационную структуру «Аль-Каиды»: после обучения каждая группа получала средства и значительную свободу в выборе своих мишеней.

В октябре 2000 г. «Аль-Каида» вновь нанесла удар. Хотя достаточные доказательства отсутствуют, США убеждены, что нападение йеменских террористов-самоубийц на эсминец «Коул» было организовано бин Ладинам.

11 сентября 2001 г. ознаменовало кульминацию насилия. Последующее расследование раскрыло поразительный размах международного заговора, включавшего активистов из многих арабских стран, действовавших в США, Великобритании, Германии, Испании, Франции (одна из групп, состоявшая из алжирцев, живших во Франции во втором поколении, явно готовила параллельное нападение на американское посольство в Париже). Объяснение причин нападения 11 сентября прозвучало 7

октября в заявлении Усамы бин Ладина в катарском эфире. В нем говорилось о 80 годах унижения ислама (явная отсылка к установлению британского мандата на Палестину), упоминались Ирак и Палестина: США обвинялись в ядерных бомбардировках в 1945 г. в Японии, очевидно, чтобы показать несоответственность жертв этих бомбардировок и взрывов 2001 г.

М. Креншоу заключает, что США выбраны в качестве мишени международного терроризма из-за их роли в мире: каждая экстремистская группа, нанося удары по интересам США, стремилась достичь радикальных политических перемен на родине. «В 90-е годы решительное руководство, вдохновляемое экстремистской версией ислама, воспользовалось благоприятными политическими условиями и обширными финансовыми ресурсами для создания транснациональной террористической коалиции со смертоносными амбициями. Для американцев абсурдна идея, что террористы могут заставить США отказаться от своих интересов на Ближнем Востоке; для лидеров и последователей “Аль-Каиды” существует прецедент американского ухода из Ливана и Сомали... Когда гражданская война выходит на международный уровень, уязвимость становится неизбежным спутником применения силы. Хотя отвечать нужно на непосредственные угрозы, и тем, кто их осуществляет, следует думать также о длительной перспективе. Грядущая американская внешняя политика должна рассматривать опасность терроризма как центральный фактор в определении своих интересов и стратегии» (с. 432).

С.И. Кузнецова

**АХМЕД С.
США И ТЕРРОРИЗМ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ
AHMED S.
The United States and terrorism in Southwest Asia // Intern.
security. — Cambridge, 2002. — Vol. 26, N 3. — P. 79–93.**

Самина Ахмед, старший аналитик пакистано-афганского Проекта в Международной группе по исследованию кризисов, считает, что после событий 11 сентября США в своей политике в Юго-Западной Азии должны учесть ошибки прошлого и найти эффективные пути борьбы с терроризмом в этом регионе и за его пределами.

Как подчеркнул в своем заявлении от 27 сентября 2001 г. министр обороны Д. Рамсфелд, война с терроризмом будет вестись «необщепринятыми методами». В 80-х годах США уже вели войну такого рода — скрытую войну против СССР и просоветского режима в Афганистане. Бин Ладин и его террористы, их афганские хозяева и пакистанские военные — порождение этой войны.

Когда в декабре 1979 г. советские войска вошли в Афганистан, США оказали поддержку их противникам. Набранные пакистанской разведслужбой среди афганских беженцев на территории Пакистана и подготовленные пакистанскими военными и ЦРУ муджахиды развернули боевые действия против правительства в Кабуле и его союзника — СССР. Возникнув в 1994 г., движение «Талибан» уже в 1996 г. установило контроль над большей частью территории страны с помощью пуштунских полевых командиров, религиозных лидеров и их последователей, которые впоследствии стали покровителями бин Ладина (с. 80).

В 80-е годы США привлекли в свою неофициальную коалицию в афганской войне и Саудовскую Аравию, руководство которой воспользовалось случаем для насаждения в этом регионе своей разновидности сун-

нитского ислама — ваххабизма. В то же время ЦРУ набрали тысячи религиозных экстремистов из стран Среднего Востока и Северной Африки для войны против СССР в Афганистане. Среди них был и саудовский миллионер Усама бин Ладин, который, опираясь на помощь саудовской монархии, оказывал финансовую помощь афганскому сопротивлению, а также распространял в политических кругах идеи ваххабизма. В 1989 г. он возвратился в Саудовскую Аравию, где в 1991 г. начал новый джихад — на этот раз против «продажного саудовского режима» и его американских сторонников. Он набирает арабских и североафриканских ветеранов афганской войны и создает в Судане террористическую организацию «Аль-Каида» с целью дестабилизировать саудовский и другие режимы Ближнего Востока, пользующиеся поддержкой США, а также подорвать безопасность их американских хозяев. Изгнанный под давлением США из Судана в 1996 г., бин Ладин с боевиками «Аль-Каиды» в 1996 г. перемещается на подконтрольную талибам территорию Афганистана. Кроме общности религии (суннитский ислам) и личных связей с пуштунскими командирами со времен афганской войны, фактором, укрепляющим связи «Аль-Каиды» и «Талибана», стала финансовая помощь бин Ладина пуштунским отрядам.

Некоторые источники финансирования нынешних террористов Юго-Западной Азии связаны с деятельностью США в прошлом. В 80-х годах американцы предпочитали закрывать глаза на использование муджахидами средств от производства и продажи опиума и героина для финансирования операций против советских войск. Доминируя на европейском, российском, центральноазиатском и юго-западноазиатском рынках, афганский наркобизнес подпитывал почти все действующие в Афганистане силы, включая арабских террористов, ополчение талибов и их сторонников неафганского происхождения (в том числе пакистанских и арабских), а также антиталибскую коалицию — Северный альянс.

В настоящее время пакистанский наркобизнес является главным источником средств для пакистанских религиозных экстремистов суннитского толка. Существует опосредованная связь между прошлой политикой США в Юго-Западной Азии и подъемом религиозного экстремизма в Пакистане, который прежде был умеренным в религиозном отношении мусульманским государством. В 80-е годы США оказывали усиленную военную и экономическую помощь режиму Мохаммеда Зия уль-Хака, содействуя его международному признанию. Этот режим заключил союз с суннитскими экстремистскими группами, чтобы ослабить своих светских соперников и содействовать приходу к политической власти

улемы. По мере нарастания внутрирелигиозного конфликта в Пакистане религиозные вооруженные группы налаживали тесные контакты с афганскими и арабскими единомышленниками в Афганистане.

С тех пор, как после 11 сентября 2001 г. Афганистан оказался мишенью антитеррористической кампании, политика США по отношению к Пакистану сильно изменилась. Еще до сентябрьских событий администрация Буша начала налаживать тесные политические связи с Индией. Заместитель госсекретаря США Ричард Эрмитидж высказал пожелание Джорджа Буша «тесно сотрудничать» с премьер-министром Индии Ваджпай, чтобы защищать общие интересы в Азии и за ее пределами. Пакистан же, напротив, подвергся ряду штрафных санкций со стороны США. После отказа «Талибана» выдать бин Ладина США, которые до этого считали афганских суннитских экстремистов потенциальными союзниками против шиитского Ирана, вынудили Пакистан прекратить им помощь.

После сентябрьских событий администрация Буша выразила готовность к сотрудничеству с режимом Мушарафа для обеспечения поддержки своих военно-политических целей в Юго-Западной Азии. 7 октября 2001 г. США начали военную кампанию в Афганистане. Пакистан предоставил разведданные, военные базы и аэродромы. Результатом участия Пакистана в этой кампании стало не только снятие дипломатических санкций против Пакистана, но и существенные экономические стимулы. В ноябре 2001 г. президент Буш заявил о возможности предоставления Пакистану американской помощи в размере более 1 млрд. долл. в дополнение к ранее заключенным торговым соглашениям, льготным займам и долгосрочным кредитам Мирового банка и Международного валютного фонда. Япония отменила штрафные санкции (из-за пакистанского ядерного взрыва 1998 г.), а Великобритания выделила в долг 24 млн. ф. ст. (с. 85).

Таким образом, правительство Мушарафа добилось международной экономической и политической поддержки, что весьма усилило его позиции по отношению к внутренним противникам, отчасти нейтрализовало угрозу со стороны Индии и дало право голоса в постталибском устройстве в Афганистане.

Действуя в Афганистане на стороне США, Пакистан преследовал и свои цели: сопротивление афганскому влиянию на территориях с пуштунским большинством, обеспечение доступа к центральноазиатским нефтегазовым ресурсам, стратегическое усиление против Индии. Ахмед приводит и другие случаи, когда Пакистан бросал своих афганских со-

юзников после того, как «мавр сделал свое дело» — политическое или военное. США поддержали инициативы Пакистана по созданию переходного государственного устройства в Афганистане на широкой основе, но отказали ему в прямом участии в этом процессе.

Накануне сентябрьских событий США стремились к тесному стратегическому взаимодействию с Индией, и это наложило свой отпечаток на американо-пакистанские отношения. Так, в первую неделю сентября за импорт китайских ракетных технологий на Пакистан были наложены санкции; после известных событий в индийском Кашмире США определили пропакистанскую кашмирскую партию «Харекат уль-Муджахидин» как террористическую. Теперь возобновление союза США и Пакистана может привести к напряженности в регионе и к недовольству Индии, руководство которой считает свою страну жертвой террора, за которым стоит Пакистан.

В то же время, не желая обострять отношения с США, индийские политики подчеркивают, что, несмотря на постоянные пакистанские провокации, Индия не собирается проводить операции против кашмирских повстанцев на территории Пакистана.

Религиозные партии Пакистана выступают против союза их страны с США и призывают к свержению Мушарафа. Наиболее активные противники союза с США — «Джамаат ул — Улама-и-ислами», возглавляемая Сами-уль-Хаком, и одноименная партия, возглавляемая Фазл-ур-Рахманом, — в свое время создавали и поддерживали «Талибан». Если бы ведущие партии, такие как Партия пакистанского народа, фракции пакистанской Мусульманской лиги, Национальная народная партия, соединились с мусульманскими правыми, режиму было бы трудно выдержать протест против сотрудничества с США. Однако эти партии поддерживают нынешнюю политику режима, так как единственная альтернатива этому — международная изоляция. Умеренные и светские партии выступают против той формы ислама, которую несут талибы.

Умеренные политические лидеры, поддерживая Мушарафа, тем не менее предостерегают международное сообщество, что политическая стабильность Пакистана зависит от перехода к демократическому правлению, диктуемому политической историей страны. Если военное правление продлится, политическое отчуждение власти от общества усилится, и хрупкая ситуация может взорваться: недовольством военным режимом воспользуются пакистанские религиозные экстремисты, которые угрожают безопасности не только самого Пакистана.

В связи с этим, считает Ахмед, США должны оказывать Пакистану не только военную помощь, но и финансовую, направляемую на стабилизацию пакистанской экономики и поддержку таких сфер, как образование и здравоохранение. При отсутствии государственного образования около 1 млн. пакистанцев обучаются в медресе, где весьма активны религиозные экстремисты.

Меры противодействия потенциальной угрозе терроризма из Пакистана по методу «кнута и пряника» должны сочетаться с требованием прекращения джихада в Кашмире и передачи власти гражданским лицам через свободные общенациональные выборы не позднее октября 2002 г. Умеренный, демократический Пакистан окажется много более надежным партнером США в деле искоренения терроризма в Юго-Западной Азии, чем непредставительный военный режим.

В Афганистане международная помощь должна предотвратить надвигающийся гуманитарный кризис — результат гражданской войны, голода и засухи, обостренный военной операцией США. Так как увеличилось число лишенных крова людей, Пакистан и Иран, уже принявшие более 3 млн. афганских беженцев, ожидают еще большего наплыва. Международная помощь поможет преобразованию экономики и создаст среду, способствующую возвращению миллионов беженцев, в том числе врачей, инженеров, педагогов, предпринимателей, умеренных политиков.

В дополнение к военным и дипломатическим мерам США могли бы предложить план экономического развития страны и гуманитарную помощь пуштунским племенам на юге и востоке Афганистана в ответ на мирные инициативы.

Если дипломатия США сможет содействовать стабильному миру в Афганистане, это станет мощным средством в борьбе против терроризма в Юго-Западной Азии.

А.В. Сарабьев

**ЛЕВО Р.
11 СЕНТЯБРЯ: АРАБСКИЙ МИР НА ПЕРЕПУТЬЕ
LEVEAU R.**

**11 septembre: le monde arabe à la croisée des chemins //
Politique étrangère. — Р., 2001. — А. 66, N 4. — Р. 793—799.**

События 11 сентября, пишет профессор парижского Института политических исследований, снова ставят вопрос о соотношении внешних и внутренних факторов в развитии арабского мира. Местные правящие элиты нередко выступают союзниками США, в то же время стремясь ослабить зависимость от них. Что касается средних и низших классов, то в их среде теракты осуждаются минимально, а американский ответный удар по Афганистану осуждается.

Все это ставит под сомнение жизнеспособность ближневосточной региональной системы, сложившейся после соглашений в Кемп-Дэвиде в 1979 г. В 1991 г. Ирак был наказан за то, что нарушил этот договор. Однако в 1993—1994 гг. во время переговоров в Осло и Вашингтоне его поддерживали палестинцы и Иордания. Сирия подписывает аналогичный договор в Женеве в январе 2000 г. после того, как было достигнуто соглашение по разделу водного пространства Тивериадского озера. Стабильность системы обеспечивалась растущим влиянием США, которые далеко не всегда выступали на стороне Израиля, стремясь учитывать интересы и арабской элиты.

Однако со временем внутренняя стабильность обернулась стагнацией: новый средний класс, созданный урбанизацией и распространением высшего образования, практически не имеет социальных перспектив со всеми вытекающими последствиями. Среди тех сил, которые играли на арабском национализме, росло недовольство такой экономической политикой, из которой лишь элита извлекала выгоду. В среднем классе

все шире распространялись идеи поиска самобытности не на национальной, а на религиозной основе. Все это создавало взрывоопасное положение. Лишь доходы от торговли нефтью и оружием позволяли балансировать на краю пропасти. В такой ситуации, однако, достаточно незначительного толчка, и произойдет социальный взрыв. Именно на это рассчитывают исламисты. В качестве превентивного средства государства региона наращивают репрессивную мощь и демонстрируют политические «мускулы» (репрессии против исламистов в Алжире, разгром египетских «Братьев-мусульман» и т.д.) (с. 795).

В ближневосточном регионе первым следствием терактов 11 сентября стало усиление внимания к тому договору о региональной стабильности, который худобедно в течение двадцати лет обеспечивал мир и к которому уже привыкли. Теперь ситуация изменилась. Зона конфликта, в который оказался вовлечен арабский мир, расширилась за счет Ирана, Афганистана и Пакистана. В самом арабском мире ранее стабильная Саудовская Аравия испытывает серьезнейшие трудности, а израильско-палестинский конфликт в узком смысле этого слова, считает Лево, отодвигается на второй план (с. 797).

Развитие исламского терроризма может рассматриваться как следствие неудач политики государств, направленной на переустройство общества, на решение экономических и социальных проблем. Атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон — продолжение предыдущих атак на американские посольства, на базу в Дахране в 1998 г., на «Коул» в декабре 2000 г. Нанося удар в самое сердце США, террористы показывают, что цена, которую придется платить за присутствие в арабском мире, за поддержку коррумпированных правящих элит, будет непропорционально высока.

В то же время американцы должны сохранять свое присутствие в регионе из-за нефти и обеспечения гарантий безопасности Израиля. Лево видит решение проблемы угрозы исламского радикализма на пути общественных преобразований в государствах Ближнего Востока: проведение экономических и социальных реформ, цель которых — демократизация и более справедливое распределение общественного богатства.

Активизация России и Китая в ближневосточной игре подталкивает Европу к расширению своего участия в делах региона за пределы финансовой сферы. В этом плане необходима координация действий Европы и США.

Все это не является стопроцентной гарантией мира в регионе, ослабления позиций исламистов вообще и исламских террористов в частности. Однако это усилит позиции тех, кто противостоит исламистам в регионе, и стабилизирует политическое пространство арабомусульманского мира. В любом случае США не могут продолжать в одиночку нести финансовое бремя и ответственность за риск. Необходима более широкая и гибкая международная система с участием ООН, НАТО и Евросоюза. Именно такая система способна обеспечить необходимые политические инструменты для выхода из конфликта, создания нового регионального порядка и успешного противостояния терроризму (с. 799).

А.В. Сарабьев

**СКОТТ ДОРАН М.
ЧЬЯ-ТО ЕЩЕ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
SCOTT DORAN M.
Somebody else's civil war // Foreign affairs. – N.Y., 2002. –
Vol. 1, N 1. – P. 22–42.**

После событий 11 сентября американцы не уставали задаваться вопросом: «Почему они ненавидят нас?» Автор статьи, специалист по Ближнему Востоку из Принстонского университета, считает более важным и уместным другой вопрос: «Почему они хотят провоцировать нас?» По сути, пишет он, на этот вопрос дал ответ Д. Фрумкин еще в 1975 г. на страницах «Foreign affairs». Он заметил: «Цель терроризма – вызвать страх не сам по себе, а такой страх, который заставит каких-то людей или какие-то группы сделать то, к чему реально стремится террорист. Когда террорист убивает, его цель – не столько убийство само по себе, сколько еще что-то, например, компрометация полиции, раскол между ней (а следовательно, и правительством) и обществом, чтобы использовать это в революционных целях. Усама бин Ладин стремился подорвать или даже взорвать мировую военную ситуацию и использовать это для реализации своей версии исламской революции» (с. 23).

Бин Ладин поставил на мировой сцене политическую театральную пьесу, главным зрителем которой должна стать умма – мировое исламское сообщество. Сценарий очевиден: спровоцированная Америка должна была начать убивать муху из пулемета. Неминуемые жертвы среди мирного населения Афганистана должны вызвать ярость уммы как против США, так и против союзных им режимов в арабском мире. Главной целью бин Ладина было развитие исламской революции в самом мусульманском мире, прежде всего – в Саудовской Аравии. «Война с США была не самостоятельной целью, а скорее инструментом, с помощью кото-

рого можно было обеспечить победу экстремистской версии ислама среди верующих. Короче говоря, американцы оказались втянуты в чью-то гражданскую войну» (с. 23).

Вашингтону не оставалось ничего другого, как поднять перчатку, однако неясно, вполне ли американцы представляют реальный масштаб этой войны. Главное здесь — не солдаты, не ракетные удары и не полицейские акции в мировом масштабе, а то, что американцев втянули во внутримусульманские идеологические и политические битвы, в которых «Аль-Каида» уже одержала несколько побед. Чтобы ослабить хватку бин Ладина, считает автор, необходимо понять тот символический универсум, в который он втягивает Запад вообще и Америку в частности.

В знаменитом заявлении, сделанном бин Ладинам 7 октября 2001 г. («Объявление войны»), он назвал Америку Хубалом нашего времени. Хубал — один из идолов, которому арабы поклонялись в домусульманский период. Мухаммад призвал разрушить его статую; в ответ мекканские олигархи решили убить пророка, и он бежал в Ясриб (Медину). После победоносного возвращения Мухаммада в Мекку идол был разрушен. Однако до этого Мухаммаду пришлось столкнуться с несколькими острыми проблемами, одну из которых создали ему «мунафикун» (лицемеры) из Медины. После того как Мухаммад стал лидером в Медине, власть местных племенных вождей уменьшилась. Внешне они приняли ислам — только так можно было сохранить статус — однако замыслили недоброе. В решающей битве с мекканцами при Бадре, когда у Мухаммада и так было мало воинов, они предали его. Пророк, несмотря на это, победил, а предательство отступников-мунафикун осталось на них несмываемым пятном. Бин Ладин именует большую часть лидеров арабского и мусульманского мира мунафикун, лицемерами, молящимися своему Хубалу-Америке.

«Аль-Каида» выросла из религиозного мусульманского движения «Салафийя» (от ас-Салад Ас-Салих; дословно «священные предки» — поколение Мухаммада). Салафиты подчеркивали «загрязнение» ислама идолопоклонством и стремились к его очищению. У «Салафийи» множество ответвлений, к которым относятся, в частности, ваххабиты, египетские братья-мусульмане. Все они основной упор делают на джихад и мученическую смерть в борьбе с неверными. Почти в каждой суннитской стране салафиты призывают государство к введению шариата.

Изучая поведение мусульман и ислам, необходимо постоянно помнить, что его подъем представляет собой поразительный триумф человеческой воли, ее торжество над обстоятельствами, над сверхдержа-

вами того времени — персидской империей Сасанидов и Византийской империей. События 11 сентября рассматриваются бин Ладина именно в таком контексте, тогда как размещение американских войск в Саудовской Аравии он считает крупнейшим актом агрессии против мусульман после смерти Пророка в 632 г. Взрывы 11 сентября — это символический ответ на агрессию. В таком контексте неудивительна реакция на это событие многих арабских обозревателей определенного направления. Так, Халид аш-Шариф в газете «аш-Шааб» писал: «Вы только посмотрите! Америка, господин мира, рушится. Вы только посмотрите! Сатана, правящий миром на востоке и на западе, горит. Вы только посмотрите! Спонсор терроризма сам охвачен огнем» (с. 29).

Хотя фанатики «Аль-Каиды» составляют меньшинство среди мусульман, основные категории их мысли вытекают прямо из основных положений (mainstream) «Салафийи» и широко известны в арабском мире, что обеспечивает идеям бин Ладина большую популярность.

В салафийских текстах США представлен как старший партнер «Союза сионистов и крестоносцев», чья цель — подчинение мусульман и уничтожение ислама.

Сколь бы странным это ни показалось самим американцам, в то, что США якобы дали клятву вражды к Богу (Аллаху), представители салафийской традиции готовы с легкостью поверить. Еще в начале 50-х годов Сайид Кутб — самый важный салафийский мыслитель последних пятидесяти лет, популярный в мусульманском мире даже сейчас, через сорок лет после смерти, объяснял то, что везде Запад оказался на стороне противников мусульман, влиянием еврейского финансового капитала и имперскими происками британцев. В то же время Кутб подчеркивал, что наблюдатели упускают очень важный элемент всей деятельности Запада. Этот элемент — дух крестоносцев, который в крови у всех жителей Запада, будь то американские капиталисты или русские коммунисты. Сионизм, считал Кутб, науськивает «крестоносцев-империалистов» и «коммунистов-материалистов» против ислама, т.е. евреи в XX в. играют все ту же роль, что и в VII в. во времена бегства Пророка в Медину (с. 30).

Еще один видный арабский мыслитель, на которого опираются экстремисты-салафийцы, — ибн Таймийя, родившийся в Сирии в XIII в. Современных радикалов он привлекает тем, что жил в тяжелую для арабов эпоху монгольского нашествия, эпоху их столкновения с цивилизацией, по-своему не менее чуждой, чем западная. В 1258 г. монголы под командованием Хулагу захватили Багдад, убили халифа, прекратили

существование Халифата Аббасидов и вырезали огромное количество мусульман.

Ибн Таймийя был сложной фигурой — смутьяном-бойцом и расчетливым интеллектуалом одновременно. Как боец он призывал мусульман бороться с монголами, а как интеллектуал разрабатывал стратегию мирной жизни мусульман под «монгольской пятой».

Неудивительно, что бин Ладин обратился к такому «мастеру мысли» для оправдания своего политического курса. Использование идей Ибн Таймийи для обоснования удара по Америке означает поворотный пункт в истории радикальной «Салафийи» (с. 30).

Убеждая в своем «Объявлении войны» мусульман, и прежде всего салафитов, в необходимости новой тактики борьбы с Врагом, бин Ладин активно использует логику ибн Таймийи, имя которого впервые возникает у него в следующем контексте. Сионистско-крестоносный союз, говорит бин Ладин, бросает за решетку и убивает радикальных проповедников, таких, например, как шейх Умад Абд ар Рахман, поскольку боится, что такие проповедники поднимут мусульман против Запада, как когда-то ибн Таймийя сделал это против монголов. Определив США как такую же угрозу для мусульман, как когда-то монголы, бин Ладин солидаризируется с тезисом ибн Таумийи о том, что после принятия Слова Бога вторая главная вещь — это сражаться за него. Призвав умму бороться с американцами как новыми монголами, бин Ладин повел экстремистов «Салафийи» по радикально новому пути: воинствующие исламисты в течение долгого времени идентифицировали Запад как зло наравне с монголами, но их традиционной мишенью был внутренний враг — лицемеры-отступники, а не внешний. Бин Ладин сместил фокус на внешнего «идола» — Хубала-Америку, активно используя аргументацию ибн Таймийи. По сути бин Ладин призывает радикалов-исламистов отложить на какое-то время исламскую революцию: «Внутренняя война — большая ошибка, независимо от того, каковы ее резоны» (с. 31), поскольку распри среди мусульман играют на руку США в их стремлении уничтожить ислам.

Смещение акцента, о котором идет речь, тем более поразительно, если учесть объединение «Аль-Каиды» с «Египетским исламским джихадом». Решение членов этой организации убить Садата было обусловлено ориентацией на внутримусульманскую борьбу. И здесь опять необходимо вспомнить ибн Таймийю, приравнивавшего к неверным тех мусульманских правителей, которые внешне демонстрировали приверженность вере, а на деле принимали немусульманскую монгольскую практику. Эта

доктрина ибн Таймийи сыграла большую роль в формировании современной революционной теории суннитского ислама, и Садат стал одной из жертв ее практического применения.

Означает ли тот факт, что «Египетский исламский джихад» сделал своей мишенью Америку, сменил его идеологии и стратегии? Автор считает, что речь идет лишь о тактических изменениях, и бинладинское «Объявление войны» доказывает это — слишком много и детально говорится в нем о ситуации в Саудовской Аравии, чтобы понять: война, революция внутри арабского мира не отменяется, а лишь откладывается, причем одна из причин этого — стремление придать ей внемусульманский, мировой импульс.

Есть и другая сторона дела. Атаки на Америку стали следствием неудач экстремистских движений в мусульманском мире: за исключением Судана и Афганистана, за последние двадцать лет им нигде не удалось взять власть. Более того, в Алжире, Египте и Сирии они потерпели серьезное поражение, и дело здесь не только в репрессивной мощи правительств этих государств, но и в некоторых слабостях радикального исламизма. Представители последнего весьма эффективны в организации протеста, мобилизации кадров, однако они мало что могут предложить для решения конкретных проблем светской жизни. К тому же при разработке программ и институтов радикальные исламисты вязнут в спорах по вопросам доктрины и руководства (с. 34).

Ограничения политической теории экстремистского крыла «Салафийи» становятся очевидными, например, при сравнении целей «Аль-Каиды» и «Хамаса», идеология которого тоже выросла на салафийской почве. Как и представители «Аль-Каиды», «хамасовцы» считают, что Запад и сионисты окружили мир ислама со всех сторон. Задачи «Хамаса», объединяющего националистически настроенных палестинцев, существенно иные. Его цель — создание своего государства.

Согласно экстремистам «Салафийи», национализм — это «ширк», или политеизм и идолопоклонничество, отвлекающие от Бога и уммы в пользу государства и нацизма. Отказаться от светского палестинского национализма «Хамас» не может, поскольку это означало бы политическую смерть; но и пренебрегать божественным и общемусульманским «Хамас» не может. Чтобы выйти из этого затруднения, организация разработала особую концепцию исламской истории, в которой борьба палестинцев за национальное освобождение и собственную государственность имеет первостепенное значение для всей уммы.

Один из самых поразительных аспектов деятельности палестинских экстремистов «Салафийи» заключается в том, что это — собака, которая не лает: «В отличие от родственных ему движений в соседних странах “Хамас” воздерживается от того, чтобы клеймить светских лидеров Палестинской автономии как апостатов. Даже в самый разгар борьбы Ясира Арафата с “Хамасом” представители этого движения никогда открыто не именовали его идолопоклонником» (с. 35–36).

Хотя священный статус Иерусалима работает на «Хамас», Иерусалим и Палестина не имеют в мусульманском мире такого значения, как Мекка или Медина. Учитывая это, представители «Хамаса» подчеркивают, что именно на этих землях свершились некоторые важнейшие для судеб ислама события. Речь идет о битвах при Хаттине 1187 г., когда Салахад ад Дин разгромил крестоносцев, и о битве при Айн Джалут, где мусульмане разбили монголов. Отсюда вывод: Палестина всегда была оплотом мусульман в борьбе с врагами ислама, передовой линией фронта борьбы уммы с неверными, а потому имеет особое значение.

Различия между «Аль-Каидой» и «Хамасом» показывают, как местные условия могут не просто модифицировать, а перемалывать универсальные компоненты салафийского мировоззрения. Это также говорит и о том, что, сталкиваясь с той же трудностью, что коммунисты в начале XX в. (как создать универсальное — мировое — политическое движение, которое в то же время эффективно функционирует на местном уровне), радикальные исламисты творчески подходят к преодолению политических трудностей.

Новая тактика превращения Америки в мишень призвана преодолеть именно эту трудность, порождающую слабость политического ислама. Бин Ладин наконец нашел ту мишень, которая может стать общим врагом, универсальным Хубалом для всех салафийских движений. «Эта новая тактика, подключаясь к глубочайшим эмоциям политического общества, является блестящей (*smacks of brilliance*) и — к огромному огорчению Америки — безусловно обеспечит исламу новый взрыв энергии» (с. 38). Теперь «Аль-Каида» может играть роль радикального «салафийского Интернационала», способного поднять всех обездоленных и угнетенных арабского мира. То, что американцам кажется диким и жестоким, совершенно иначе воспринимается массами мусульманской бедноты, и американцы, к сожалению, никак не могут понять этого, а следовательно, не могут понять причин симпатии и резонанса, которые «Аль-Каида» вызывает в мире ислама.

События 11 сентября вызвали отклик и в светской арабомусульманской среде. Он принял три основные формы. Меньшинство выразило безусловное и полное осуждение; еще одна небольшая группа обвинила во взрывах израильтян и американских экстремистов вроде Тимоти Маквея. Реакция большинства, однако, была такова: «Да, акты терроризма — это неправильно, но вы, Америка, должны понять, что именно ваша политика на Ближнем Востоке посеяла семена этого вида насилия» (с. 38).

Светский политический дискурс в мусульманском мире в целом и в арабском в частности поразительно напоминает салафийскую интерпретацию международного положения — в обоих случаях речь идет о западном заговоре. Хотя светская пресса не вспоминает о крестоносцах и монголах, она постоянно подчеркивает нарушенные обещания Запада по отношению к мусульманам за последние 80 лет, т.е. с момента распада Османской империи.

Сегодня очевидным политическим фактом является то, что не внушающие оптимизма экономическая глобализация и новый международный баланс сил приходят в арабо-мусульманский мир с американским лицом. Риторика бин Ладина, делящая мир на два лагеря — умма против США и их марионеток, — имеет сильный резонанс, поскольку на некоторых уровнях социального бытия она соответствует если не реальности, то, по крайней мере, тому, как эта реальность выглядит. «Поэтому впервые в современной истории экстремистам-салафитам удалось мобилизовать в свою пользу массовое общественное мнение» (с. 41).

А.И. Фурсов

**ТЕЛХАМИ Ш.
ЭТО НЕ ВОПРОС ВЕРЫ:
БОРЬБА ЗА ДУШУ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
TELHAMI SH.**

It's not about faith: battle for the soul of the Middle East // Current history. – Philadelphia, 2001. – Vol. 100, N 650. – P. 415–418.

Шибли Телхами (Мэрилендский университет, США) поднимает вопрос об источниках глобального терроризма на Ближнем Востоке, о взаимосвязи исламского терроризма, ислама (как религии и культуры) и антиамериканских настроений в регионе. Западным людям трудно понять, как вроде бы нормальные образованные люди из семей среднего класса совершают массовые убийства и становятся самоубийцами, поэтому часто ссылаются на ислам.

Образованные, обеспеченные люди повсеместно использовали насилие во имя политических целей (марксисты, Че Гевара). На Ближнем Востоке одной из самых радикальных палестинских групп в конце 60-х годов был Народный фронт освобождения Палестины – светская организация, созданная врачом-христианином. «Секуляризм этой группы должен напоминать о ложности утверждения многих о взаимосвязи ислама и насилия» (с. 415). Почему же сейчас действительно растет число воинственных исламских группировок? Ответ ясен: из-за отсутствия демократии и легитимных способов создания политической оппозиции люди обращаются к мечети, как одному из немногих средств политической мобилизации.

Отчаяние и унижение, царящие на Ближнем Востоке, используются террористами для вербовки новых сторонников, получения финансовой помощи. В частности, Усама бин Ладин стал выразителем обид

населения и жажды перемен. Его цели и средства их достижения поддерживают немногие. Большинство, разделяя общее недовольство, «отвергают бинладиновский терроризм и даже боятся его целей». Но он выступает против США, действия которых они также не одобряют (с. 416).

Атака 11 сентября вдохновила тех, кто эксплуатирует беды народных масс региона. Немногие истинные сторонники бин Ладина перешли в наступление, они организуют демонстрации на улицах Пакистана и Газы, их голоса господствуют в эфире, хотя большинство жителей Ближнего Востока остаются умеренными. «Даже среди палестинцев 64% ответили во время недавнего опроса, что нападение на США “нарушает исламские законы”. Но умеренные, включая лидеров, испуганных перспективой господства в регионе воинственных деятелей или подобных нетерпимым талибам, находятся в обороне. Они не предлагают другой альтернативы, кроме отказа от терроризма вместо того, чтобы смело выступить против экстремистов» (с. 416).

Автор сопоставляет ситуацию во время войны в Персидском заливе 1991 г. и нынешнюю: в первом случае США удалось создать международную коалицию против Ирака, чтобы освободить Кувейт, сейчас же, во-первых, нет реальной угрозы сильного Ирака небольшим арабским государствам Залива; во-вторых, нет такой ясной цели, как освобождение Кувейта; в-третьих, отсутствует монополия на СМИ, которая позволила бы правительствам региона координировать кампанию по мобилизации общественного мнения своих стран и ограничила доступ Ирака к их согражданам. «Сегодня многие в регионе не видят в бин Ладине непосредственную угрозу для себя, не понимают, где кончится война с терроризмом, и верят, что она направлена против арабов и мусульман. Целый ряд новых независимых СМИ (особенно спутниковое телевидение), созданных в последнее десятилетие, предоставляют экстремистам значительное пространство и время» (с. 417).

Что могут обещать умеренные? В 1990 г. и их партнеры по коалиции понимали необходимость завоевать сердца людей — была идея «нового мирового порядка», который наступит после окончания «холодной войны» и принесет благоденствие Ближнему Востоку. Схема представлялась простой: урегулирование путем переговоров арабо-израильского конфликта и получение экономических дивидендов за это. Но эта парадигма рухнула, и теперь задается вопрос: «Что выиграли умеренные, ведя переговоры с Израилем и сближаясь с США?» Палестина оккупирована, иракское население страдает от санкций, экономическое положение большинства государств ухудшилось. Общественное мнение не видит

реальных причин подобного положение, бытуют теории заговоров («даже вина за атаку 11 сентября иногда возлагается на израильский заговор с целью дискредитации мусульманского мира») (с. 417).

Если преобладание теорий заговоров можно вывести из культурных и политических условий в регионе, то использование самоубийств, как инструмента террора, объяснить труднее. Теология не может его оправдать, но с точки зрения экстремистов этот инструмент очень эффективен, против него трудно защищаться, а экстремистские группы теряют меньше своих членов и наносят больше потерь своим врагам, чем при использовании методов обычной партизанской войны.

Автор призывает США, во-первых, не думать, что ненависть к ним на Ближнем Востоке стала всеобщей; во-вторых, поддерживать своих естественных союзников-правительства и элиту, для которых бин Ладин остается угрозой; в-третьих, дать вдохновляющее видение большинству общества, чтобы умеренные могли успешно сражаться в войне идей. Именно в этом направлении можно многое сделать. Люди устали от одних обещаний. Надо показать, что мировое сообщество поможет региону в развитии экономики, правительства осуществят остроснеобходимые реформы, будет достигнут арабо-израильский мир. Необходимо вдохнуть надежду, помочь в войне идей тем, кто в глубине души против экстремистов, но кому «еще больше надоели их ежедневные унижения» (с. 418).

С.И. Кузнецова

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

1. FREEDMAN L. The Third world war? // Survival. — L., 2001. — Vol. 43, N 4. — P. 61–88.
2. РУА О. Военная цель достигнута? Бин Ладин приближает кончину движения «Талибан» // Intern. politic. — Бонн; Москва, 2001. — N 12. — С. 90–98.

Профессор военных наук Королевского колледжа (Лондон) напоминает, что объявленную Соединенными Штатами войну терроризму после 11 сентября 2001 г. сами террористы назвали войной против ислама (1). Пока неизвестно, под каким названием она войдет в историю, но нынешние схватки в Афганистане вряд ли можно считать началом третьей мировой войны, сравнимой по жертвам с первыми двумя.

11 сентября сфокусировало внимание на «террористической методологии» сети «Аль-Каиды» во главе с Усамой бин Ладинам, выступающей под знаменем истинного ислама против христианства и иудаизма. Президент США и британский премьер-министр усиленно опровергают эти претензии, однако «с этой войной связано будущее ислама, а потому и характер власти во всех странах с мусульманским населением» (1, с. 63). В зону конфликта вовлечены Ближний Восток, Балканы, Центральная и Восточная Азия, Северная Африка. Значительное мусульманское население проживает в Северной Америке и Западной Европе. Согласно утверждениям «Аль-Каиды» США подверглись атаке за то, что они защищали врагов ислама, а Афганистан предоставил ей базы из-за совпадения интересов с «Талибаном». «Согласно Усаме бин Ладину, только Афганистан при режиме талибов был истинно исламской страной, что ставило под сомнение легитимность режимов Саудовской Ара-

вии и Египта, а также и Пакистана¹. Если бы заставить США не вмешиваться, то Ирак мог бы восстановить свою мощь, а Израиль был бы побежден» (1, с. 63).

Все это весьма отличается от третьей мировой войны, как она рисовалась в период «холодной войны». Это асимметричная война, в которой террористы атакуют не армию и полицию, а наиболее уязвимые элементы гражданского общества. По сути это старая тактика анархистов. Происхождение «Аль-Каиды» можно проследить от борьбы муджахидов с советскими войсками в Афганистане и создания там с западной помощью тренировочных лагерей для исламских бойцов, от коалиции США и консервативных государств Персидского залива после вторжения Ирака в Кувейт (бин Ладин более всего жаловался на появление американских сил в Саудовской Аравии, вблизи священных мест ислама).

Так можно ли считать кампанию США в Афганистане третьей мировой войной, спрашивает Фридман в заключение. «Это была бы точка зрения “Аль-Каиды”, которая представляет себя глобальным фокусом политического движения, стремящегося повлиять на многие региональные конфликты, затрагивающие мусульманские народы... Напротив, Запад рассматривает эти конфликты как отдельные процессы» (1, с. 79). «Аль-Каида» стремилась нанести болезненный и унижительный удар США, чтобы подорвать их роль как мировой державы, поддержать радикалов, свергнуть консервативные режимы в исламских странах, т.е. развязать глобальную партизанскую войну. 11 сентября не было ее началом. Теперь есть свидетельства, что «Аль-Каида» обучала сомалийские племена, сражавшиеся с силами ООН (в них был значительный американский контингент) в 1993 г. Тактика «Аль-Каиды» включала удары по американским силам всюду, где они участвовали в конфликтах в развивающихся странах. И она принесла плоды ранее в Ливане (нападение камикадзе в Бейруте на американское посольство и казармы морских пехотинцев в 1983 г.), затем в Сомали. Успешная кампания в Афганистане должна разрушить ауру «Аль-Каиды», хотя полностью исключить ее как политическую силу нереально. Серьезный сигнал был послан Ираку.

«Война США против терроризма еще будет продолжаться, и нельзя полагать, что ее последующие стадии будут легче, чем первые. Она не может не потрясти местные и глобальные политические структуры, нередко совершенно непредсказуемо. Будут ли международные отношения

¹ Автор ссылается на интервью бин Ладина 11 ноября 2001 г. в «Sunday Times».

столь перестроены в результате этого процесса, что это может быть названо третьей мировой войной, еще неизвестно» (1, с. 81).

О. Руа (Национальный центр научных исследований, Париж) отмечает, что единственный реальный конфликт между «Талибаном» и США был вызван пребыванием в Афганистане Усамы бин Ладина (2). Ранее американское правительство закрывало глаза на все нарушения прав человека талибами.

Бин Ладину и талибам «в определенные периоды и по одним и тем же причинам оказывали поддержку американцы, слепо доверявшие пакистанской политике, которая заключается в том, чтобы одновременно разыгрывать в Афганистане фундаменталистскую и пуштунскую карты. Эта слепота (или уступчивая политика) по отношению к Пакистану, внезапно завершившаяся 11 сентября 2001 г., все еще остается в некотором роде загадкой. В ее основе лежит, видимо, комплекс причин. Сюда относится... неявно выраженное намерение найти “хороших фундаменталистов”, использовав их сначала против Советского Союза, а потом как карту в исламском мире» (2, с. 91).

У истоков «Аль-Каиды» стоят отряды добровольцев, засылавшихся американцами, саудовцами и пакистанцами сражаться в Афганистан в 80-е годы. Во время войны в Персидском заливе произошло усиление антиамериканских настроений воинственного крыла исламистов, тогда как с Пакистаном организация оставалась связанной вплоть до 11 сентября. США всерьез обратили внимание на «Аль-Каиду» лишь после взрывов американских посольств в Восточной Африке в августе 1998 г., а врагом № 1 бин Ладин стал после 11 сентября. Вашингтон вначале пытался добиться его высылки, не затрагивая режима талибов, но это не удалось из-за эволюции «Талибана», который все более радикализировался под воздействием «Аль-Каиды» и на высылку (выдачу) не соглашался. Поэтому было принято решение о военном наступлении на талибов. «Режим талибов, отказавшийся предпочесть государственный резон исламской солидарности, практически совершил самоубийство... Любое политическое решение проблемы Афганистана зависит сегодня больше, чем когда-либо прежде, от создания коалиционного правительства, в котором должны быть представлены важнейшие этнические группы, а также от разъединения Афганистана и Пакистана» (2, с. 97–98).

С.И. Кузнецова

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

1. AYOOB M. South-west Asia after the Taliban // *Survival*. – L., 2002. – Vol. 44, N 1. – P. 51–68.
2. SAIKAL A. Afghanistan after the Loya Jirga // *Ibid*. – N 3. – P. 47–56.
3. STRACHOTA K. Afghanistan after September 11 // *Pol. quart. of intern. affairs*. – Warsaw, 2002, – Vol. 11, N 1. – P. 163–174.

М. Аюб (Университет штата Мичиган, США) исходит из тезиса о попытках США в ходе войны против терроризма развязать узел исламского экстремизма, который многие годы был в центре пакистано-афганских отношений (1). Можно отметить два достижения на этом пути: упрочение правительства умеренного пуштунa Хамида Карзая в Афганистане и заявленное намерение пакистанского президента Первеза Мушаррафа уничтожить террористические группы на своей территории. Но угроза нестабильности сохраняется. Террористы из «Аль-Каиды», разгромленные в Афганистане, находят убежище в Пакистане под покровительством сходных пакистанских организаций фундаменталистов (например, «Джамаат-уль-Улема-и-Ислам»). Пуштунские племена в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана сочувствуют и «Аль-Каиде», и «Талибану». Нападение на индийский парламент 13 декабря 2001 г. свидетельствует, что ряды пакистанских террористов пополнились боевиками, бежавшими из Афганистана.

Усилия Мушаррафа покончить с экстремистами, разумеется, заслуживают поддержки, но в долгосрочной перспективе автор видит американскими союзниками Индию и Иран, как бы невероятно ни казалось последнее: «США не должны пренебрегать стратегической закономерностью растущего совпадения интересов Вашингтона, Нью-Дели и Тегерана» (1, с. 52).

В Афганистане никакому правительству, даже при поддержке ООН и США, еще долгое время не удастся контролировать всю территорию — будут продолжаться раздоры между отдельными командирами и этносами. Чтобы избежать фрагментации страны, следовало бы ввести на неопределенный срок 50 тыс. международных вооруженных сил, обученных методам ведения войны в горах. Но даже они не гарантировали бы успех, тем более в условиях соперничества соседей — Ирана, Пакистана, России.

Россия, Узбекистан и Таджикистан предпочли бы руководящую роль в Кабуле Северного альянса (при этом Узбекистан и Таджикистан поддерживают только своих соперничающих соплеменников). Иран также опасается пуштунов — опоры «Талибана» и их гонений на шиитов-хазарейцев. Он считает Пакистан клиентом Саудовской Аравии, а свою версию воинствующего ислама противопоставляет саудовско-пакистанской. Наконец, Пакистан хотел бы большей доли власти в Кабуле у пуштунов, строгого ограничения влияния Северного альянса (учитывая его связи с Индией), крайним севером Афганистана, подальше от своей границы.

Поддержка «Талибана» являлась центром не только внешней, но и внутренней политики Пакистана. «Талибан» пестовался его спецслужбами для засылки террористов в индийскую часть Джамму и Кашмира, для усиления влияния исламистов среди офицеров и в правящих кругах Пакистана¹. Этот процесс исламизации подпитывался притоком саудовских денег и ваххабитских идей по государственным каналам и через пакистанских мигрантов, работающих в королевстве. Именно в пакистанских религиозных школах обучались талибы, перебрасываемые затем через границу: Пакистан был главной опорой повстанцев, боровшихся с «марксистским режимом» и советскими войсками в Афганистане. «В 90-е годы ключевая роль Пакистана в установлении власти пуштунского “Талибана” в Кабуле укрепила имидж Исламабада как основной опоры пуштунов в Афганистане и главного бастиона против намерений Ирана и России помочь доминировать в афганском государстве этническим меньшинствам за счет традиционно господствовавших пуштунов» (1, с. 57).

Поэтому отказ Пакистана после 11 сентября 2001 г. от поддержки «Талибана» оказался шоком для всех пуштунов и пакистанских фундаменталистов. Это может повлечь возрождение пуштунского сепаратизма

¹ Автор ссылается на: Seyyed Vali Reza Nasr. *Islamic Leviathan: Islam and the making of state power*. — N.Y., 2001. Описание по реф. источнику.

(они никогда не примирялись с разделением на два государства) в Пакистане, что серьезно беспокоит его правящие круги. Исламские радикалы и часть офицерского корпуса не одобрили союз Мушаррафа с американцами против талибов, но большинство военных признали его решение, надеясь на помощь США в решении экономических проблем и отказ от поддержки Индии в грядущих индо-пакистанских конфликтах. Аюб предлагает все же учитывать возможность свержения Мушаррафа офицерами, недовольными вступлением Северного альянса в Кабул и репрессиями против воинственных исламистских групп в самом Пакистане и Кашмире; соответственно, будущее Пакистана ему представляется «весьма мрачным» (1, с. 59). Отсутствие стабильности в стране, в свою очередь, поднимает вопрос о безопасности ее ядерного арсенала.

В этих условиях у США и Индии две общие задачи: защитить регион от негативных последствий нестабильности в Пакистане и сдерживать Китай, долгосрочные цели которого могут войти в противоречие с интересами США и Индии. Общие подозрения относительно стремления Китая стать второй сверхдержавой – основа стратегического американо-индийского сотрудничества. Демократичность Индии – дополнительный стимул для его укрепления, что может стать «главной опорой проектируемого глобального демократического сообщества» (1, с. 61).

Иран, по словам автора, также стремится к демократии. Он враждебен «Талибану» и пакистанским экстремистам, нуждается в беспрепятственном экспорте нефти из Персидского залива и, соответственно, в региональной стабильности; часть прежних исламских революционеров превратилась в политических и экономических реформаторов. Причисление Ирана к оси зла, жесткая линия Буша «не будет или по крайней мере не должна быть поддержана» (там же). США заинтересованы в демократизации политической системы Ирана и в его реинтеграции в структуры безопасности Персидского залива. Правительство Хатами и большинство иранского народа, избравшего в парламент его сторонников, хотят проведения реформ и улучшения ирано-американских отношений. В интересах США поддержка и укрепление этих сил – «демонизация Ирана» теперь не отвечает никаким американским интересам. Это тем более ясно в условиях открытой враждебности Ирака и двойственности Саудовской Аравии, раздираемой противоречиями между ваххабитскими догмами, порождающими «Аль-Каиду», и тесными связями с США. Что касается саудовской нефти, как поставщика энергоресурсов для промышленного мира, то нефть и газ из России и Центральной Азии являются их альтернативными источниками. Подозрения относительно

атомной программы Ирана также можно преодолеть в свете общего улучшения ирано-американских отношений. Для этого следует снять санкции на торговлю с Ираном и не препятствовать строительству нефтепроводов для каспийской нефти через Иран.

Таким образом, необходимо трехстороннее стратегическое сотрудничество США – Индия – Иран. В его осуществлении Индии, уже имеющей хорошие отношения с Ираном, предстоит сыграть роль посредника между Тегераном и Вашингтоном. Это трехстороннее сотрудничество может стать «наиболее положительным последствием войны США против терроризма в Афганистане» (1, с. 65).

А. Сайкал (директор Центра арабских и исламских исследований Австралийского национального университета) также считает, что в результате разгрома «Талибана» фанатичный политический ислам вынужден отступать во всем регионе. Но осуществление его маргинализации требует большей ясности стратегии США, которые только после 11 сентября нанесли решительный ответный удар.

В Афганистане задача правительства Хамида Карзая – внедрить демократические институты, добиться политической стабильности и подготовить всеобщие выборы в середине 2004 г. Главная опасность этого переходного периода – центробежные силы в лице местных военачальников со своими собственными армиями. Угроза фрагментации страны усугублялась американской тактикой поддержки этих военачальников во имя охоты за остатками отрядов «Талибана» и «Аль-Каиды». Эта практика вкупе с отказом распространить действия Международных сил помощи безопасности (МСПБ) за пределы Кабула может подорвать любые надежды на установление прочной центральной власти, ибо нельзя найти замену международному источнику единства и стабильности страны. Кроме того, промедление в оказании обещанной международной финансовой помощи так и оставит население в зависимости от возделывания, производства и сбыта наркотиков, а также оружия.

Стабильность в Афганистане связана также с ситуацией в соседних странах. Сайкал полагает, что обещания пакистанского президента П. Мушаррафа США и мировому сообществу о борьбе с исламским экстремизмом не смогут быть выполнены из-за его окружения, – пакистанские спецслужбы были главными спонсорами исламских террористов. Ему необходимо полностью перестроить спецслужбы и деполитизировать армию. Пока же в спецслужбах многие по-прежнему связаны с «Талибаном» и «Аль-Каидой», а решающую роль в политике играет Нацио-

нальный совет безопасности, который не дает погаснуть кашмирскому конфликту, что оправдывает сохранение власти военных, препятствует как урегулированию противоречий с Индией, так и демократизации Пакистана. Во имя победы в Афганистане США простили Пакистану его поддержку «Талибана» и «Аль-Каиды» и превратили его после 11 сентября в важного союзника в борьбе с терроризмом, щедро оплатив этот союз снятием санкций, введенных в 1998 г., и финансовой помощью по линии МВФ и Мирового банка¹. Весьма дружественные отношения установили США и с государствами Центральной Азии за предоставление военных баз и доступ в воздушное пространство. Только в отношении Ирана продолжается жесткий курс Вашингтона.

Таким образом, США и их союзники стоят перед выбором: оставаться ли полностью вовлеченными в дела Афганистана еще на десятилетие или рисковать увидеть возобновление в нем хаоса. «Однако все более сомнительно, что США и их союзники намерены оставаться в Афганистане на столь длительный срок или оплачивать стоимость такого вовлечения, особенно если разразится новый международный кризис» (2, с. 54).

К. Страхота (Центр востоковедных исследований, Варшава) также подчеркивает определяющую роль США в Афганистане после разгрома талибов. Именно американская поддержка решает, какое влияние имеет тот или иной афганский военачальник. Во имя создания стабильности в стране и обеспечения собственных интересов США существенно пересмотрели свои отношения с Пакистаном, Россией и государствами Центральной Азии, что включало военное сотрудничество с первым, военное присутствие в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. США также участвовали в конференции под эгидой ООН в Санкт-Петербурге в конце 2001 г., на которой были определены основные контуры политической системы послевоенного Афганистана. Ему была обещана финансовая помощь в восстановлении экономики, возобновилось обсуждение проектов строительства трубопровода от Каспия через Афганистан в Пакистан и Индию.

Планам достижения стабильности угрожают сохранившиеся разрозненные отряды боевиков из «Талибана» и «Аль-Каиды», но еще более «системные проблемы»: в Афганистане никогда не было сильного цен-

¹ Согласно официальным данным в апреле 2002 г. валютные резервы Пакистана достигли 5,2 млрд. долл., тогда как в августе 2001 г. они не превышали 1,5 млрд. долл. (2, с. 56).

трализованного государства, власть правительства не простиралась на всю территорию страны; сейчас также губернаторы сохранили свою самостоятельность, продолжается этническое противостояние между пуштунами и северными национальными меньшинствами, а в среде последних между таджиками и узбеками; в результате военных действий, которые шли почти без перерывов с 1979 г., выросли поколения, не знающие мира и методов решения вопросов помимо применения оружия.

На будущее Афганистана непосредственно влияет и общее изменение ситуации во всем регионе Юго-Восточной и Центральной Азии в ходе антитеррористической войны. Прежде всего, укрепились позиции США в регионе. Если до 11 сентября главным игроком в Афганистане был Пакистан, как «соавтор» и спонсор «Талибана», то после 11 сентября США затронули многие пакистанские интересы, лишив его афганских союзников. Тем не менее Пакистан остается самым важным соседом Афганистана (не только общая граница, но и многочисленное пуштунское меньшинство, личные связи афганских политиков, живших в Пакистане в изгнании). Проамериканская позиция Исламабада окажется благоприятной для американской концепции стабилизации в Афганистане, включающей возобновление планов строительства трансафганского трубопровода.

Изменилась роль в регионе России и Ирана, которые традиционно поддерживали Северный альянс. Эта поддержка укрепила их позиции в новом Афганистане, но они опасаются растущей роли США, поэтому «используют внутренние конфликты в Афганистане, чтобы торпедировать идею трансафганского трубопровода, а также упорно противодействуют постоянному американскому военному присутствию в Афганистане и регионе в целом» (3, с. 172).

США несомненный победитель, ибо достигнута основная цель Вашингтона — разгром баз «Аль-Каиды». Но в дальнейшем он может столкнуться с множеством проблем из-за растущей напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, планируемого перенесения антитеррористических операций в Ирак и прочих осложнений международной обстановки. В Афганистане не приходится ожидать быстрой стабилизации, ибо укрепление роли кабульского правительства требует создания постоянной армии и финансовой помощи.

В отличие от Сайкала, Страхота уверен: «Маловероятно, что США сократят свое вовлечение в Афганистан и соседние страны в обозримом будущем. И такой подход только укрепят сохранение американо-иранской напряженности отношений или возможная военная операция в

Ираке. Афганистан и весь регион останутся самой важной сферой американской активности, а поэтому и объектом беспокойства для других стран, особенно России, а также Индии, Пакистана и прежде пассивного Китая» (3, с. 174).

С.И. Кузнецова

**РАШИД А.
АФГАНИСТАН: КОНЕЦ ПОЛИТИКИ ТРЯСИНЫ
RASHID A.**

**Afghanistan: Ending the policy quagmire // J. of intern.
affairs. — N.Y., 2001. — Vol. 54, N 2. — P. 395—410.**

Ахмед Рашид — корреспондент «Far Eastern economic review» и «Daily telegraph», автор ряда работ о Центральной Азии¹ — констатирует, что «Талибан» наиболее демонизируется и подвергается остракизму мировым сообществом². Однако изоляция Афганистана лишь превращает его в питательную почву терроризма, распространения оружия и наркотиков, а также исламского фундаментализма. Гражданская война на его территории питает исламистские движения в Пакистане и республиках Центральной Азии (ЦА).

Исламский мир обычно восхваляет любого выступающего против гегемонии США, поэтому в пантеон героев исламских фундаменталистов после Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи был включен и Усама бин Ладин, вернувшийся в Афганистан в 1996 г. В воинских подразделениях «Талибана» помимо пуштунов примерно 1/3 составляли неафганцы: сотни арабов под начальством бин Ладина, узбеки из Исламского движения Узбекистана (ИДУ), уйгуры из Китая, кашмирцы, иранцы, чеченцы, пакистанцы. В общем, талибы укрывали всех борющихся против светских правительств у себя на родине. Так, ИДУ предпринимало попытки вторжения в Узбекистан в 1999 г. и в Узбекистан, Киргизию и Таджикистан в

¹ См.: Rashid A. Taliban: militant Islam, oil and fundamentalism in Central Asia. — New Haven, Yale, 2000. — Описание по реф. источнику.

² Журнал вышел весной 2001 г.

2000 г. Чеченцы и их семьи получили убежище и проходили тренировки в Афганистане.

Военная экономика Афганистана держится криминальным экспортом оружия и наркотиков. По данным доклада ООН в феврале 2001 г., страна стала крупнейшим производителем опиума (с. 402); для его продажи функционировала обширная межнациональная сеть, включавшая ЦА, Пакистан, Иран, государства Персидского залива, Закавказья и Чечню. Чеченская сеть «возможно наилучшая в мире. Чеченцы провозят сырье опиума, произведенного “Талибаном”, через Россию и Восточную Европу на западноевропейские рынки» (с. 403). Опиум финансирует действия ИДУ, уйгурских сепаратистов в Китае, от него зависит бин Ладин. Выращивание мака заменило возделывание пшеницы в Афганистане. Крах традиционного земледелия усугубил военные тяготы и вынудил к бегству в города, куда поступает гуманитарная помощь, и за рубеж. Примерно 3 млн. беженцев живут в Пакистане и Иране, 1 млн. — на Западе (с. 405).

В политике США по отношению к Афганистану или всему региону ЦА не было всеобъемлющей стратегической линии. «В 1992–1994 гг. США спокойно соглашались с неудачными попытками Пакистана и Саудовской Аравии привести к власти бывшего лидера муджахидов и жесткого исламиста Г. Хикматьяра. В 1994–1996 гг. они вновь спокойно поощряли тех же своих союзников “Талибана” надеясь, что он искоренит наркотики, вышлет арабских бойцов и обеспечит доступ к газопроводу из Туркмении в Пакистан (избежав переговоров с Ираном). Антипатии талибов к шиитскому Ирану также соответствовали усилиям США изолировать Иран. После 1996 г. администрация Клинтона была вынуждена дистанцироваться от “Талибана” вначале из-за кампании феминистов, завербовавших Хилари Клинтон и звезд Голливуда, чтобы поднять вопрос о дискриминации афганских женщин, но открыто выступить против “Талибана” заставило США присутствие бин Ладина... Предполагаемый террорист стал фокусом афганской политики Вашингтона» (с. 405–406). В начале 1999 г. США ввели санкции против «Талибана», за которыми в ноябре последовали санкции Совета Безопасности ООН. Ирония судьбы, что политика США по отношению к Афганистану больше совпадала с политикой их врага Ирана и соперника — России, чем с действиями союзника — Пакистана. «Вместо того чтобы проводить стратегическую политику в регионе, США использовали санкции как знак неодобрения “Талибана” мировым сообществом. Однако подобная политика просто поощряла большее упорство “Талибана” в сопротивлении

нажиму США. Это положение только поднимало престиж “Талибана” у исламских фундаменталистов» (с. 406).

В декабре 2000 г. Совет Безопасности ООН по совместному предложению России и США ужесточил санкции против Афганистана, требуя закрытия тренировочных лагерей террористов и экстрадиции бин Ладина: «Впервые два врага времен холодной войны столь тесно сотрудничали по проблеме терроризма» (с. 407). Однако Рашид полагает, что эмбарго на поставки оружия «Талибану» не могло установить мир; необходима также международная помощь для восстановления экономики страны и гражданского общества.

В заключение он вновь подчеркивает, что американская политика по отношению к Афганистану — лишь краткосрочное наказание, а не дальновидная политика. Разрушительные силы, излучаемые Афганистаном, — часть общей картины краха его государственных структур, общества и экономики. Только решая эти общие проблемы, «Запад может надеяться эффективно ответить на угрозы терроризма, бин Ладина и контрабанды наркотиков. Санкции не принудят “Талибан” порвать с бин Ладинам и прекратить поддержку экстремистов. Это может сделать продуманная стратегическая политика, направленная на заключение устойчивого мира» (sustainable peace-making) (с. 410).

С.И. Кузнецова

**КЛЕЙР М.
ПРОДВИЖЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ
МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ
НА ГЛОБАЛЬНОЕ ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ
KLARE M.**

Waging postindustrial warfare on the global battlefield // Current history. — Philadelphia, 2001. — Vol. 100, N 650. — P. 433—437.

М. Клейр (Гемпширский колледж, Великобритания)¹ исходит из тезиса о кардинальном изменении глобального поля сражений после 11 сентября 2001 г. в не меньшей степени, чем после нападения на Перл Харбор в 1941 г. и ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. До 11 сентября большинство аналитиков считали, что в следующей войне США будут сражаться с хорошо вооруженными армиями современного государства (Иран или Китай), вместо этого Америка втянута в глобальную борьбу против тайной, многонациональной террористической организации, возглавляемой религиозными фанатиками. Методы войны индустриальной эпохи сменились постиндустриальными методами ведения войны. Последние основаны на действиях иррегулярных сил плюс применении необычных методов, позволяющих причинить несоизмеримый ущерб более мощному противнику.

Партизаны, революционеры всегда полагались на необычные методы военных действий против властей, но 11 сентября — это не обновленный вариант этих методов, а «глобальная атака на саму структуру современного западного общества. И несмотря на антизападную идеоло-

¹ См.: Klare M. The new landscape of global conflict. — N.Y.: Metropolitan books, 2001.

гию, она глубоко укоренена в высокотехнологические, транснациональные процессы глобализации» (с. 433). «Аль-Каида» — не единственная террористическая группа с такими характеристиками. Например, «Тамильские тигры» Шри-Ланки создали международную сеть для получения взрывчатки, используемой террористами-самоубийцами.

С 90-х годов стали очень редкими межгосударственные войны (одно из исключений — война в Персидском заливе), преобладают внутренние вооруженные конфликты: борьба революционеров (или фундаменталистов) за установление режимов более «правильных» идеологически (или религиозно), угнетенных национальных меньшинств — за свое этнически чистое государство, местных милитаристов — за контроль над ценными ресурсами (золото, нефть, алмазы). В них участвуют непрофессиональные солдаты, нередко подростки, вооруженные простым оружием, наносящие удары не по армии правящего режима, а по важным объектам городской инфраструктуры (банки, вокзалы). «Поскольку государство в развивающихся странах часто рассматривается как фактор модернизации, любой современный объект — особенно промышленный — считается законной мишенью. В результате войны в Чечне, Конго, Либерии, Сьерра Леоне фактически превратились в войны деиндустриализации» (с. 435).

Для почти всех этих конфликтов характерны криминальные формы добывания средств: наркобизнес у «Талибана», незаконная продажа алмазов у Революционного объединенного фронта в Сьерра Леоне и УНИТА в Анголе; другие организации специализируются на похищении детей, распродаже заповедных ресурсов. Тем самым все они срослись с глобальной теневой экономикой, используют методы многонациональных корпораций и, будучи противниками глобализации, зависят от операций ее финансовой и коммуникационной структур. Это одинаково относится к Усаме бин Ладину, повстанцам Колумбии и милитаристам Конго.

В Шри-Ланке и на Ближнем Востоке обыденной практикой стали взрывы террористов-самоубийц, их апогей — атаки 11 сентября на Нью-Йорк и Вашингтон. Чтобы подорвать доверие населения к властям, продемонстрировать их бессилие, террористы убивают полицейских, сборщиков налогов, школьных учителей, а «вооруженные исламские группы» в Алжире вырезают всех жителей отдаленных деревень. Применяется также тактика экономической войны: убийства туристов в Египте заметно уменьшили его доходы от туризма, многие убеждены, что в перспективе возможно использование компьютерных вирусов, чтобы парализо-

вать финансовую и коммуникационную системы передовых промышленных стран.

11 сентября ярко продемонстрировало, что «предположительно презирая все западное, солдаты многонациональной армии Усамы бин Ладина (и других подобных армий) вполне готовы использовать современные информационные технологии — мобильные телефоны, компьютеры, Интернет, международную банковскую сеть, СМИ» (с. 436). «Аль-Каида» и другие террористические группы могут также получить доступ к современным фармацевтическим технологиям, чтобы производить биологическое оружие.

Применение террористами новейших технологий показывает тесную связь между экономической глобализацией и появлением новых форм бунта; создавая анклавы изобилия в мире нищеты и стагнации, улучшив жизнь в одних странах, она умножила риск конфликтов в других. Эта тенденция особенно заметна в Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии. Например, азиатский экономический кризис 1997 г. вызвал в Индонезии конфликт между коренным населением и китайской общиной; экономическое недовольство обостряло антагонизм израильтян и палестинцев, тамилы и сингалы Шри-Ланки.

Глобализация ассоциируется с вторжением западных ценностей и норм поведения в традиционное общество, вызывая возмущение тех, кто чувствует себя отчужденным от (или опасается) мировой потребительской культуры. Отсюда тоска по прежним, предположительно более справедливым временам, желание многих последователей исламского фундаментализма воссоздать утопию раннего ислама, причем лидеры «Талибана» готовы использовать для этой цели вооруженное насилие. В ряде случаев выступления антиглобалистов приобретают резко антиамериканский характер, поскольку передовые позиции США в мировой торговле, инвестициях, информационных технологиях порождают антиамериканские чувства у тех, кто остался в нищете.

Таким образом, глобализация является дополнительным фактором возникновения конфликтов и нередко определяет выбор их лишений. Протестуя против глобализации, многие повстанцы и террористы используют ее достижения. «Такие международные террористические группы, как “Аль-Каида” и “Тамильские тигры”, удивительно напоминают крупные многонациональные компании с их коммуникационными, информационными, финансовыми сетями» (с. 437).

Постиндустриальные методы ведения войны бросают опасный вызов мировому сообществу и status quo таких держав, как США. «Аль-

Каида» и ей подобные террористические группы вкупе с международными криминальными организациями с успехом проломили брешь в долговременной обороне западного общества, и теперь политическое насилие и организованная преступность остаются заметными чертами мировой арены. Поэтому необходимы понимание постиндустриальных методов военных действий и разработка стратегии противостояния им.

С.И. Кузнецова

**БРУКС Р.А.
ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ И ВОИНСТВЕННОСТЬ
В АРАБСКОМ МИРЕ
BROOKS R.A.**

Liberalization and militancy in the Arab world // Orbis. — Philadelphia, 2002. — Vol. 46, N 4. — P. 611–621.

Автор (Северо-западный университет, США) рассматривает несколько альтернативных путей долгосрочной борьбы с исламистским терроризмом.

Одно из решений — репрессии против фундаменталистских исламистских движений. К такой политике ближневосточные режимы чаще всего и прибегают (Египет, Сирия). Однако такая политика не лишает эти движения народной поддержки, а лишь радикализирует их, исключая из игры внутри политической системы.

Второе решение — подрыв самого исламского фундаментализма. Однако политический ислам занял вакуум, образовавшийся после того, как светские идеологии (национализм, социализм и либерализм) не сумели удовлетворить духовные и материальные нужды арабов. Поэтому у Запада нет идеологической альтернативы политическому исламу, причем попытки уменьшить его привлекательность лишь дадут обратный эффект.

Третьим, правильным, путем автор считает поощрение либерализации политических систем арабского мира. «Легализация исламистских и других партий дала бы массовый и мирный выход религиозному чувству. Она также усилила бы умеренные движения — те, которые выступают за мирное участие в политике, — против воинствующих групп, использующих для достижения своих целей насилие. Либерализация сделала бы бессодержательными претензии воинствующих групп на то, что

они предлагают единственные жизнеспособные средства изменения ситуации» (с. 612–613). К тому же либерализация может усилить влияние умеренных внутри самих исламистских движений. Получив место внутри политической системы, последние больше не смогут отказывать режиму в легитимности. Это во многом удержит их от вооруженной борьбы из-за опасения, что международные антитеррористические кампании будут угрожать государству, в котором они теперь могут вести легальную деятельность. Без либерализации эти группировки, наоборот, мало теряют и много выигрывают, финансируя насилие в своей стране и за рубежом.

Наконец, участие исламистских партий в политике может способствовать проведению реформ, направленных на сокращение бедности и расширение числа лиц, пользующихся избирательными правами, что устранил сами причины деятельности боевиков. «Короче говоря, либерализация может способствовать кооптации в систему возникающих воинствующих движений и ослаблению существующих, делая для этих групп и их сторонников выгодной поддержку мирного, политического, пути к изменениям» (с. 616).

Однако встает вопрос: могут ли исламисты быть демократами? Распространено мнение, что ислам в корне несовместим с демократией. В качестве аргументов сторонники такой точки зрения приводят тотальную природу ислама (он охватывает своими предписаниями все сферы общества, личности и политики, не признает четкого деления между «церковью и государством»), иерархичность власти в исламе и акцент на коллективную (а не индивидуальную) идентичность. Однако ислам — не монолитное учение. Это сложная совокупность различных идей, доктрин, практик и линий поведения. Ряд аспектов ислама совместим с демократией — совещательная практика (шура), единодушное мнение алимов по вопросам фикха (иджма), независимое суждение — самостоятельное истолкование норм ислама (иджитihad). Еще Мухаммад отвергал тиранию, что, по мнению автора, указывает на зачатки ответственного перед населением правительства. Возможность того, что, будучи включенными в политическую систему, исламистские группировки станут более умеренными, подтверждается, например, поведением «Братьев-мусульман» в Иордании, исламистов в Кувейте. Наиболее яркий пример смягчения радикализма — ситуация в Иране, где неспособность теократического режима справиться с экономическими трудностями вызвала в конце 90-х годов сдвиг к реформам и демократизации.

Однако в целом, несмотря на потенциальные выгоды либерализации, арабские режимы не готовы к ней. Элиты боятся потери позиций, а

лидеры — вмешательства Запада в свою внешнюю политику. Высказываются и опасения, что исламистские партии вовсе не станут умеренными, забывая, что, включившись в систему, они испытают на себе ее механизм сдержек и противовесов. Есть и вероятность дискретизации этих партий, если они, придя к власти, продемонстрируют неспособность выполнить собственную программу.

Конечно, после либерализации «эти режимы могут менее охотно поддерживать прозападную политику, но даже у государств с большим количеством исламских черт будут значительные стимулы соблюдать правила мировых институтов и норм» (с. 620). Им необходимо продавать нефть, привлекать иностранные инвестиции, получать займы МВФ. Такие режимы, относясь с растущим подозрением к политическим и дипломатическим инициативам США в регионе, все же будут менее склонны вести против них войну. В экономической сфере такие режимы могут отвергнуть неолиберальную ортодоксию и приступить к реализации серьезных программ социального обеспечения. Тем самым будет прегражден путь экстремизму.

США следует поддерживать членов правящей верхушки, выступающих за либерализацию (наиболее сильно стремление к ней в Бахрейне, Катаре и Кувейте); организовывать международные конференции, чтобы способствовать этому процессу; выступать за международное признание реформаторски настроенных неправительственных организаций и лиц и оказывать им финансовую помощь; поддерживать подобные инициативы своих европейских союзников, на которых на Ближнем Востоке смотрят с меньшим подозрением. Критику определенных явлений общественной жизни арабских стран следует высказывать сдержанно — если целью является усиление, а не ослабление умеренных государственных деятелей. В частности, иранский случай показывает: провоцирующие заявления и выражения вроде «оси зла» (Дж. У. Буш) «часто ведут к подрыву позиций реформаторов и укрепляют аргументы боевиков и экстремистов» (с. 622).

К.А. Фурсов

ФУЛЛЕР Г.Э.
БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА
FULLER G.E.
The future of political islam // Foreign affairs. — N.Y., 2002. —
Vol. 1, N 2. — P. 48—60.

Чем были события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, ставит вопрос Г. Фуллер, бывший вице-президент Национального совета по разведке ЦРУ (National intelligence council at CIA), — последним вздохом исламского радикализма или первым залпом жестокой конфронтации между исламскими экстремистами и Западом? Как это скажется на будущем мусульманского мира? Ответы на эти вопросы, считает он, отчасти зависят от действий администрации Буша, которая, по крайней мере, уже продемонстрировала экстремистам, что они уязвимы даже в Афганистане. Впрочем, здесь есть серьезные проблемы. Так, хотя Буш постоянно подчеркивает, что война против терроризма — это не война против ислама, что религия — это одно, а политика — другое, в исламе невозможно отделить политическое от религиозного: если в основе политического дискурса Запада лежат Великая хартия вольностей, американская и французская революции, то политические рецепты мусульман содержатся в Коране и хадисах.

«Как из ислама, так и из исламизма едва ли можно почерпнуть много о том, каким должно быть современное исламское государство, — хотя бы потому, что их до сих пор слишком мало, и ни одно из них не является хорошей моделью. Однако сегодня исламисты используют общие мусульманские идеалы как основу для критики режимов, которые они считают авторитарными, некомпетентными и нелегитимными, для наступления на эти режимы или даже для их свержения» (с. 50).

Большинство западных наблюдателей рассматривают политический ислам как навсегда данную совокупность текстов, предписывающих один-единственный путь. Именно такой подход часто приводит к ошибочному выводу о несовместимости ислама с демократией. На самом деле реальная проблема не в исламе, а в том, чего хочет мусульманин и как в соответствии с этим он интерпретирует ислам. Современный ислам очень динамичен и представлен не только бин Ладинам и «Талибаном», но и либерально настроенными мыслителями и деятелями.

К сожалению, до недавних пор (за редкими кратковременными исключениями) ислам в течение нескольких столетий находился в состоянии интеллектуальной стагнации. Западные колонизаторы ослабляли и маргинализировали исламские институты и мысль; националистическое послеколониальное руководство действовало, в сущности, не лучше, опираясь на квазифашистские модели авторитарного контроля. И только сейчас ислам вступает в период обновленной активности, свободы и независимости.

Процесс диверсификации и эволюции в современном ислаимизме движим различными внутренними силами. Он зависит от терпимости со стороны местных режимов, с одной стороны, и существующего глобального порядка — с другой. Что касается местных режимов, то они, как правило, видят в ислаимизме вызов и угрозу и стремятся к его подавлению. Неудивительно, что в такой ситуации почти все исламисты выступают за политическую демократию.

Определенный скептицизм относительно способности исламистов создать современное демократическое государство связан с тем, что три исламистских государства — Иран, Судан и талибский Афганистан — не справились с этой задачей. Однако, считает Фуллер, здесь необходимо учитывать тот факт, что все эти режимы были установлены в результате либо социальной революции, либо военного переворота, либо гражданской войны, что почти автоматически придает новому режиму деспотические черты.

Настоящей проверкой исламистов на «демократизм» может стать лишь их приход к власти через выборы. До сих пор единственным прецедентом такого рода был краткий опыт правления возглавляемой исламистами коалиции в Турции. Однако уже через год военные прервали эксперимент.

Либеральная эволюция политического ислама сталкивается с серьезными препятствиями. Прежде всего, это репрессии со стороны властей, загоняющие исламистов в подполье, в заговоры, в террор. Вто-

рое препятствие — международная политика, загоняющая исламистов, будь то палестинцы, китайские уйгуры, филиппинские моро или кашмиры, в угол. В таких ситуациях ислам становится знаменем освободительной борьбы. Третье препятствие обусловлено горькой историей исламистов, ощущающих на себе «железную пяту» сильных современного мира, например США (или, если говорить о региональном уровне, Израиля), которые поддерживают недемократические режимы, опасаясь, что демократизация приведет к власти исламистов.

Разумеется, последние тоже заслуживают критики за то, что часто играют и заигрываются в политические игры. Так, в странах, где они разрешены, исламисты часто занимают радикальные позиции, чтобы оказывать давление на правительство, демонстрировать его недостаточную приверженность исламу (Малайзия, Египет, Кувейт).

Парадоксально, что в то время, как жители Запада опасаются угрозы ислама, мусульмане чувствуют себя окруженными Западом, видят свое политическое бессилие перед ним. Правители мусульманских стран боятся гнева своих западных патронов, поддержка которых крайне важна для них.

Неудивительно, что в таких условиях раздраженное население воспринимает войну Запада против терроризма как войну против ислама. Возникает порочный круг: неудовлетворенность населения существующим положением ведет к акциям, направленным против режима; эти последние влекут за собой репрессии, ответом на которые становится террор; далее происходит вмешательство США, которые в результате становятся врагом исламистов, и возникает картина, которая внешне вроде бы похожа на хантингтоновское «столкновение цивилизаций».

Несколько режимов в мусульманском мире решили сыграть в крайне опасную игру — «переисламить исламистов» (out-Islam Islamists), т.е. стать еще большими мусульманами, чем они. Способ прост: дать более жесткую интерпретацию ислама, чем исламисты. Так, в Египте контролируемый правительством влиятельный Университет аль-Азхар демонстрирует крайнюю нетерпимость, то же происходит в Пакистане. Суть дела не в мусульманской программе, ислам здесь лишь средство борьбы между государством и его противниками.

Аналогичным образом «ислам и исламистские движения сегодня становятся главным источником коллективной идентичности для тех, кто крепит единство в противостоянии наступлению западной культуры. (...) Отождествление себя с уммой, международным исламским сообще-

ством привлекательно тем, что создает новые связи солидарности, которые можно превратить в международную силу» (с. 55).

Исламисты очень часто оказываются вовлечены в геополитическую борьбу. Например, в 80-е годы соперничество между Саудовской Аравией и Ираном было по сути борьбой суннитов и шиитов, в которой саудийцы надеялись на победу ваххабитской версии ислама в иранской революции. Многие радикальные исламские группы на Филиппинах, в Центральной Азии, на Кавказе, в Афганистане, Пакистане и других местах представляют собой продукт экспорта ваххабизма, попавшего на благодатную местную почву.

Чем хуже социальная, экономическая и политическая ситуация в мусульманском мире, чем ниже уровень жизни, тем сильнее стремление людей опереться на традиционные ценности. «В результате даже несмотря на либерализацию некоторых исламистских движений, большая часть мусульманского сообщества движется в другом направлении, становясь более жестким и менее терпимым и современным» (с. 56), что создает проблему не только для мусульман, но и для Запада. События 11 сентября продемонстрировали это со всей очевидностью. Даже те мусульмане, кто относится к взрыву «башен-близнецов» как к чудовищному преступлению, считают, что он станет хорошим «уроком» для США и заставит их изменить свою ближневосточную политику. Мусульмане не испытывают ненависти к США как таковым, однако они считают, что именно политика США блокирует их стремление к свободе и нормальной жизни, консервирует коррумпированные репрессивные режимы в их странах, и поддерживают Израиль. В такой ситуации Америка тем более должна избегать манихейского подхода — «мир должен быть либо с нами, либо с террористами». Вместо этого необходимо поддерживать в мусульманском мире те силы, которые способны реформировать ислам в демократическом направлении, как это когда-то произошло с Турцией, а сейчас отчасти происходит в Кувейте, Бахрейне, Марокко, Иордании, Йемене, Малайзии и Индонезии. Правительства этих стран стремятся избежать социального взрыва, к которому неминуемо ведут действия исламистов. Показательно, что граждан и подданных именно этих стран, по сути, нет среди террористов, а египтян и саудовцев предостаточно.

Террористы должны быть наказаны, заключает автор. Однако если Вашингтон ограничится карательными действиями, и они станут его единственной реакцией на кризис в мусульманском мире, это обернется катастрофой для США, а в истории мусульманского мира откроется новая жестокая страница с антиамериканскими строчками (с. 60).

АЛИ Т.
РЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИРАКА
ALI T.

Re-colonizing Iraq // New left rev. — L., 2003. — N 3. —
P. 5–19.

15 февраля 2003 г., пишет Т. Али, известный специалист по «третьему миру», член редколлегии «New left reiews», 8 млн. людей пяти континентов вышли на улицы крупнейших городов мира (Лондон, Париж, Рим, Мадрид, Брюссель, Афины, Стамбул, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Чикаго, Монреаль, Мельбурн и др.), протестуя против готовящейся агрессии США и их союзников в Ираке. Несмотря на эту первую в истории подлинно глобальную манифестацию, 21 марта английские и американские войска высадились в Ираке. Республиканская администрация использовала травму, которую нанесли американскому обществу события 11 сентября, чтобы реализовать свой имперский план, первый пункт в котором — оккупация Ирака. Воплощаемая ныне программа была впервые обнародована в 1997 г. под названием «Проект нового американского столетия». Под ней стоят подписи известных политиков (Д. Чейни, Р. Рамсфелда, П. Вулфовица, Дж. Буша, З. Хализаде, Э. Абрамса, Д. Куэйла) и интеллектуалов (Ф. Фукуямы, М. Дектера, Л. Либби, Н. Подгореца). В связи с этим Т. Али вспоминает вдохновителя Вашингтонского консенсуса неolibерала Ф. Хайека, приветствовавшего бомбардировки Ирана в 1979 г. и действия англичан против Аргентины в 1982 г.

Главная мысль «Проекта» проста: Америка не может позволить себе самодовольно почивать на лаврах после окончания «холодной войны»; ей необходимы военная мощь и сохранение мировой гегемонии; ради этих целей Америка должна применять силу — всегда и везде (с. 8).

Ясно, что для администрации, руководствующейся такой программой, теракт 11 сентября 2001 г. был даром небесным. Уже на следующий день в Белом доме в Совете безопасности обсуждали вопрос, по кому наносить удар, — по Ираку или по Афганистану. Операция в Багдаде была запланирована на сентябрь 2002 г. Стать жертвой Ираку «помог» целый ряд обстоятельств. У Ирака — вторые в мире запасы дешевой нефти; в 2000 г. Багдад перешел с долларов на евро в расчете за экспорт, т.е. двинулся по пути президента Венесуэлы Чавеса и иранских мулл. Существование режима Саддама было стратегическим раздражителем для израильских военных. Наконец, блицкриг должен был преподать урок другим странам Ближнего и Дальнего Востока.

Англо-американская агрессия расколола Европу — впервые после окончания «холодной войны», и это приняло форму внутризавпадного скандала (с. 16). В то время как правые режимы Аснара в Испании и Берлускони в Италии поддержали США, французские и немецкие социалисты выступили против. Впрочем, времена искреннего антиамериканизма европейцев в духе де Голля давно в прошлом, и вскоре Ширак и Блэйр помирятся, а немцы сделают вид, что не понимают истинной роли Англии в Евросоюзе — «троянского мула» США (с. 17). На Ближнем Востоке, пишет Т. Али, возник знакомый ландшафт лицемерия и сговора. Мубарак дал свободно пройти американским кораблям через Суэцкий канал, Саудовская Аравия и Турция позволили разместить на своей территории ракеты, мелкие государства Персидского залива вообще выступили пешками в игре Вашингтона, Сирия и Иран попытались сохранить хорошую мину при плохой игре. Лига арабских государств превзошла саму себя в качестве коллективного выражения позора; она осудила войну — ту самую, в которой большинство ее членов принимало участие на стороне США (с. 12).

Реальность «международного сообщества», которое в действительности означает американскую глобальную гегемонию, никогда не была столь ясной, как в ситуации с Ираком. Мало кто рискнул открыто выступить против США. Но исключения все же были. Единственным политическим органом, который действительно пытался остановить войну, был турецкий парламент, выступивший как против США, так и против своего правительства. В Индонезии Мегавати призвала к созыву чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН (которая теперь больше похожа на Организацию американских наций), чтобы заклеить на нем США. Президент Малайзии Махатхир потребовал отставки Кофи Аннана. И это, пожалуй, все. Сегодня, замечает Али, нет Совет-

ского Союза, который, как во время Суэцкого кризиса 1956 г., единственным заявлением мог охладить наступательный пыл Запада (с. 17).

Война в Ираке планировалась по типу войн в Югославии и Афганистане. Политики и генералы в Вашингтоне и Лондоне рассчитывали на полное повторение косово-кабульской модели — массированные бомбардировки плюс фактический отказ от помощи своим «клиентам» бывших стран-патронов (Россия, Пакистан). С Ираком так не получилось. К тому же иракская армия не развалилась при первом же выстреле, как ожидалось. Действия американцев превратили их в глазах большинства арабов в «новых крестоносцев, а Саддама Хусайна — в героя арабского мира. Шииты вовсе не встретили оккупантов с распростертыми объятиями. Единственно приемлемая для американцев интерпретация этой ситуации англо-американцами — Саддам оставил больное общество, и теперь приходится иметь дело с его наследием. Как заявил один американский капрал, «иракцы — больной народ, а мы — химиотерапия» (с. 14–15).

Ни Европа, ни Россия, ни Китай не помогут Ираку. Страна и регион в целом должны надеяться на самих себя, и раньше или позже кольцо коррумпированных и жестоких тираний вокруг Ирака будет прорвано. «Если существует хотя бы один регион, где клише, согласно которому классические революции принадлежат прошлому, продемонстрировало свою несостоятельность, то это арабский мир. В тот день, когда Мубарак, Хашимиты, Асад и другие династии будут сметены народным гневом, с американским и израильским высокомерием в регионе и по отношению к нему будет покончено» (с. 17–18).

Разумеется, в этом арабским народам должно помочь глобальное антиимпериалистическое движение. Оно должно не только протестовать, но и разоблачать любые попытки реколонизации Ирака в духе нового издания мандата Лиги Наций 20-х годов. Именно такую трактовку реколонизации пропагандируют телеканалы Мердока, ВВС и CNN в стремлении объединить Запад. Единственным ответом на такие попытки Али считает лозунг, с которым в феврале 2003 г. протестовали против американской агрессии в Ираке демонстранты в Сан-Франциско: «Ни вашей войны, ни вашего мира» (с. 19).

А.И. Фурсов